

УДК 340.1
ББК 67.022.14

В. Г. Вишневский
*Иркутский юридический институт (филиал)
Российской правовой академии Минюста России,
Иркутск, Российская Федерация*

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА НА РАННИХ ЭТАПАХ СВОЕГО РАЗВИТИЯ (ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ)

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. 2014. Т. 2, № 3. С. 7-14. ISSN 2306-7136
DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.7-14>
Дата поступления: 23.05.2014

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется вопрос истории развития юридической техники, которая начинается в Древнем Шумере, там, где появляется писаное право, первые юридические школы, профессия юристов. Преемником шумерской правовой культуры стал Древний Вавилон. Законы вавилонского царя Хаммурапи были написаны уже с новыми элементами юридической техники, формированием правовой политики. В результате эти законы являются крупнейшим достижением юридической мысли, юридической идеологии в создании основных начал позитивного права.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Право; школа; справедливость; единство; равенство; законы царя Хаммурапи; законы XII таблиц; сенатусконсульты; дефиниции; аксиомы; юристы; правовая культура; норма права; систематизация; кодификация.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Вишневский В. Г. Юридическая техника на ранних этапах своего развития (окончание следует) // Пролог: журнал о праве. — 2014. — Т. 2, № 3. — С. 7-14. — DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.7-14>.

V. G. Vishnevskiy
*Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy
of the Ministry of Justice of the Russian Federation,
Irkutsk, the Russian Federation*

LEGISLATIVE TECHNIQUE AT THE EARLY STAGED OF ITS DEVELOPMENT (TO BE CONCLUDED)

PUBLICATION DATA

Journal about Law, 2014, Vol. 2, no. 3, pp. 7-14. (In Russian). ISSN 2306-7136
DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.7-14>
Submission date: 23.05.2014

ABSTRACT

The paper researches the history of legislative technique's development which starts in Ancient Sumer where written laws, first law schools and the profession of a lawyer first emerged. Ancient Babylon became the successor to Sumer legal culture. Babylonian king Hammurabi's laws were written with some new elements of legislative technique, with the shaping of legal policy. As a result, these laws are a major achievement of legal thought and legal ideology in the establishment of positive law basics.

KEYWORDS

Law; school; justice; unity; equality; king Hammurabi's laws; laws of the twelve tables; senatus consultum; definitions; axioms; lawyers; legal culture; legal norm; systematization; codification.

REFERENCES

Vishnevskiy V. G. Legislative technique at the early staged of its development (to be concluded). *Prolog: zhurnal o prave = Journal about Law*, 2014, vol. 2, no. 3, pp. 7-14. (In Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.7-14>

Юридическая техника является одним из важнейших элементов развития и юриспруденции как науки и права как системы норм, регулирующих общественные отношения. Вырабатываемые в течение тысячелетий правила, приемы и средства юридической техники обеспечивали эффективность права ясностью выражения правовой мысли, краткостью, простотой и доступностью языка, точностью юридической терминологии, своевременностью обнародования правовых актов. Постепенно формировалась правовая сфера в развитии духовной и материальной культуры жизни общества по пути совершенствования великих идеалов: свободы, равенства и справедливости.

Существующие правила, приемы и средства юридической техники обеспечивают наиболее точное соответствие правовых актов их сущности и содержанию. Благодаря данному качеству юридической техники право действует по установленным законам правопорядка, определяющего меру справедливого и несправедливого, правомерного и неправомерного поведения людей, должностных лиц, органов власти и самого государства.

Значение и роль юридической техники в праве трудно переоценить. От степени развития юридической техники зависит уровень действующего законодательства и вместе с тем уровень правовой профессиональной культуры юристов, а, следовательно, и общества в целом. Данные обстоятельства вызывают необходимость проведения исследования ранней истории развития юридической техники, которая начинается со времен возникновения шумерских государств Месопотамии в III тыс. до н. э.

Историческая наука, определяя хронологические рамки возникновения государства и права, традиционно руководствуется письменными источниками. «Исследователи, рассматривая возникновение того или иного феномена или института, присущих раннегосударственному состоянию общества, иногда делают оговорки, что их зарождение может быть отодвинуто в прошлое, что они могли возникнуть и развиваться до того, как были зафиксированы письменными свидетельствами» [1, с. 4].

Месопотамия и была таким местом, где городская культура возникает в периоды, когда еще не существовало письма. В меновых отношениях люди Междуречья часто пользовались печатями-штампами, фиксировавшими учет и хранение материальных ценностей и заключение сделок. «Носители халавской культуры обладали относитель-

но развитым ремеслом, характер которого предполагает существование регулярного обмена. Предметами обмена служили: обсидиан, керамические сосуды, поделочные камни, морские раковины, а также печатистампы» [Там же, с. 17].

Таким образом, возникновение права уходит своими корнями в глубину тысячелетий первобытного общества, когда меновые отношения становятся постоянными. Момент его возникновения трудно определить, можно лишь предполагать, исходя из того или иного явления общественного развития, которое и вызвало необходимость установления новых правил поведения, идей и принципов (положений) социального регулирования общественных отношений в жизнедеятельности общества. Таких явлений в эволюции развития первобытного общества было достаточно много. На каком этапе развития произошло возникновение права? Какое явление стало решающим фактором, обусловившим необходимость установления определенных правил поведения человека, отличных от обычаев? Что стало главной движущей причиной смены принципов и правил поведения?

Если иметь в виду, что развитие человека разумного (*Homo sapiens*) охватывает собой огромный промежуток времени (около 200 тыс. лет по новым представлениям), то становится очевидна вся сложность выделения какого-либо одного явления, фактора или события.

По всей вероятности, следует исходить из совокупности явлений в развитии первобытного общества как единого целого, руководствуясь законом единства и борьбы противоположностей. Идя таким путем, можно восстановить (реконструировать) процессы развития реальной действительности в жизни первобытного общества. Однако найти и выделить главное, важнейшее в этом удивительном многообразии и разнообразии явлений прогрессивного развития первобытного общества для установления момента возникновения права и правовых отношений — сложнейшая задача. Таким явлением стал переход первобытного общества к производящему хозяйству, периоду становления ремесла, гончарного производства, регулярных меновых отношений, формирование этнических групп населения и племенной организации. Это были поистине революционные преобразования, изменившие общественные отношения по поводу имущества и власти в роде, общине и выделения из рода малой семьи.

Однако данный вопрос относится к другой теме — теме возникновения права, раскрытия его природы. Но как видим, выбранная тема все же соприкасается с вопросом возникновения права, так как установление определенных правил, средств и приемов разработки нормативного материала требуется уже в момент его возникновения. Поэтому исследование вопроса о происхождении права мы опускаем и сразу перейдем к периоду шумерских государств III тыс. до н. э. и законам вавилонского царя Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.), завершившим переход от шумерской правовой культуры к аккадской.

Месопотамия явилась местом, где возникает городская культура в середине IV тыс. до н. э., а может быть, и раньше. «Проследить процесс урбанизации, как таковой, в Месопотамии мы никак не можем. Города возникли очень рано, и их названия восходят к одному из языков, на которых там говорили до появления и шумер и аккадцев (по всей вероятности, археологических культур — халавской, самарской и убейдской VI–V тыс. до н. э.). По причинам, нам неизвестным, центр урбанизации находился в Южной Месопотамии» [8, с. 88]. Важным является и то, что в городской культуре Месопотамии уже отсутствовало воспоминание о племенной принадлежности. Подобная деталь говорит о достаточно организованном обществе, имевшем развитые экономические отношения, связи с соседними городами и районами. «В Шумере, в области Урука, для середины IV тыс. до н. э. установлено существование 17 мелких поселений и трех крупных центров. К концу этого тысячелетия, ко времени появления пиктографических табличек храмового хозяйства, их число соответственно возрастает до 112 и 10, не считая роста самого Урука, превратившегося в своего рода суперцентр» [7, с. 56]. Данные обстоятельства указывают на значительное увеличение населения в Южном Двуречье в IV тыс. до н. э., что подтверждается не только развитым ремеслом, но и широким проведением мелиоративных работ: «условия заболоченности нижнего течения Тигра и Ефрата требовали организованной и целенаправленной деятельности значительных коллективов» [Там же].

Протошумерские таблички представляли собой учет поступавшей продукции, инструментов, инвентаря, земельных участков, скота и т. д. Появление письменности приводит к отделению умственного труда от физического и к дальнейшей дифференциации общества по производственному

принципу. Формируется новое мировоззрение, идеология. «Средства идеологического воздействия были направлены на обоснование и поддержание новых правовых порядков, устанавливаемых на земле» [Там же, с. 12]. Эти порядки регулировались не только обычаями, но и новым источником права — законом, который уже был во времена Урукагины (XXIX в. до н. э.) и, разумеется, должен был появиться значительно раньше.

В конце IV тыс. до н. э. в Нижней Месопотамии возникают первые школы, в которых велось уже преподавание грамматики письма, геометрии, математики, ведения сельского хозяйства, медицины, учили составлять юридические или хозяйственные документы любого рода. Школьники переписывали случаи медицинской, сельскохозяйственной и судебной практики (казусы). Причем «судебные казусы не были анонимными, а приписывались конкретным царям и содержали похвалу им, их титулатуру и проклятия царям, которые отменили бы их правосудие» [3, с. 140]. Кроме того, в школах заучивались письменные тексты законов.

К началу II тыс. до н. э. шумерский язык вышел из употребления, но в юридических школах продолжали составлять документы (стандартные части юридических формул) по-шумерски либо по-аккадски. «В конце XIX — начале XVIII в. до н. э., когда в Нижней Месопотамии временно началось бурное развитие частного предпринимательства и частного права, стороны в умножившихся юридических сделках не всегда могли располагать помощью высококвалифицированных писцов, знавших юридическую терминологию и прошедших полный курс шумерского языка» [Там же, с. 141]. В это время было разработано пособие «Anaittisu», направленное на решение практической задачи правильного составления юридических текстов по различным видам сделок. Пособие состояло из двух столбцов текста (по-шумерски и по-аккадски). По существу, это было пособие, имевшее энциклопедический характер по разработке правоприменительной юридической техники. Из анализа его текстов можно сделать вывод, что на первом этапе раннего развития и становления правоприменительной юридической техники разрабатывался терминологический (понятийный) аппарат, без которого невозможно было бы выразить и оформить те или иные правовые отношения, придать им юридическую форму и силу.

Вторым элементом правоприменительной юридической техники становится

разработка в школах грамматики письма. С этого и начиналось собственно обучение школьников. Автор пособия «*Ana ittisu*» начинает учение не с парадигм (склонение и спряжение слов), а с фраз и лишь потом переходит к парадигмам, а затем снова к фразам. «При чтении текста предполагалось, что ученик, уже зная парадигмы, сможет их самостоятельно спрягать правильно и осмысленно. Эти упражнения подводили ученика к умению читать связные законодательные тексты» [3, с. 144–145]. Школы создавались частными лицами, пользовались большим уважением и авторитетом в обществе. Профессия писца имела привилегированное положение и была направлена для решения практических задач гражданского оборота, формирования правильного юридического мировоззрения и правовой культуры общества.

Третьим элементом правоприменительной юридической техники были подбор фраз, оборотов (юридических конструкций) и формулирование предложений юридического содержания, придававшие сделкам правовой характер и наделявшие их юридической силой. На этом достаточно раннем этапе развития экономических и социальных отношений в Нижней Месопотамии существовали весьма развитые правовые отношения, главным образом, это были гражданские отношения имущественного характера, брачно-семейные отношения и отношения наследственного права.

В III тыс. до н. э. в Месопотамии нередко правители проводили социальные реформы, направленные на создание устойчивых отношений в обществе, осуществление и реализацию идей равенства и справедливости, свободы и благополучия граждан — защитить вдову, слабого от сильного, бедного от богатого. По всей вероятности, такие реформы и должны были сопровождаться принятием новых законов. До нас дошла лишь незначительная часть (фрагменты) законодательства шумерских государств, хотя социальные реформы проводились уже в начале III тыс. до н. э.:

– 1947 г. — свод законов царя Липит-Иштара 1900 г. до н. э., изданный на 150 лет раньше законов царя Хаммурапи;

– 1948 г. — законы царя Билаламы, который жил примерно в 1970 г. до н. э.;

– 1952 г. — законы царя Ур-Наму (возможно, Шульги), царствовавшего около 2050 г. до н. э., при этом, как отмечает С. Крамер, «Есть сведения, что в Шумере существовали другие законодатели, гораздо более древние, чем Ур-Наму» [6, с. 64].

В дошедших фрагментах законов указанных царей можно наблюдать элементы правотворческой юридической техники (все законы начинаются с введения и заключения), что было воспринято и законами царя Хаммурапи. Для всех шумерских законов характерно казуистическое изложение текста — юридических формул, которые и создавали своеобразную структуру разделов и постатейного материала (шумерское семейное, наследственное, гражданское, уголовное право). Наряду с признанием принципа талиона «равное за равное» применялись штрафные санкции, принцип личной ответственности вытеснялся принципом материальной ответственности. Гражданские отношения приобретали все более светский, правовой характер. Фрагменты законов, которые дошли до нашего времени, не имеют религиозной основы. Преступление рассматривалось как причинение материального вреда, а не нарушение божьей воли. Эти положения придают правотворческой юридической технике шумерского законодательства достаточно высокий уровень на протяжении всего III тыс. до н. э.

Наиболее важным достижением юридической техники периода древнешумерских государств является создание терминологического аппарата (словаря), первые разработки юридических конструкций (специальных оборотов речи) в сфере экономических связей и имущественных отношений. Эти элементы юридической техники и находятся у истоков формирования юридического мышления. Можно с некоторой долей осторожности предположить, что они уже развивались еще до возникновения шумерской и аккадской культур — халавской, самарской и убейдской VI–V тыс. до н. э. Уже тогда, а возможно несколько ранее, экономические связи между общинами (селениями), племенами и ранними городами-государствами требовали новых способов, средств и приемов регулирования экономических (имущественных) отношений, что и вызывало появление правовых отношений и, как следствие, возникновение письма и права.

Наивысшего развития шумерская правотворческая юридическая техника достигает в эпоху аккадской культуры в период правления вавилонского царя Хаммурапи, когда царь сосредоточивает свои усилия не на политике захвата чужих территорий, а на политике реализации мер справедливого управления Вавилонским государством и обществом.

Возникшее Вавилонское государство в XIX в. до н. э. стало преемником шумерской

культуры. «На моем лоне лелею я жителей Сумира и Аккада», — говорит Хаммурапи в эпилоге к законам [10, с. 112]. Поэтому вторым этапом в истории развития юридической техники следовало бы считать разработку сборника законов вавилонского царя Хаммурапи, как единственного памятника права стран Древнего Востока, дошедшего до нас в официальной редакции. При этом не следует забывать, что уже основателю вавилонской династии Сумуабу (1894–1881 до н. э.) «прямо приписывалось, что этот царь “ввел право”. Хаммурапи, его четвертый преемник, основавший великую мировую вавилонскую державу, продолжал это дело» [Там же, с. 114].

Распад III династии Ура, царства Шумера и Аккада, повлек за собой экономическую неустойчивость государств Месопотамии. Дворцовая и храмовая системы хозяйствования распадаются на частные хозяйства: правители раздают во владение частным лицам царские и храмовые земельные участки, ремесленные мастерские, право сбора налогов, торговые предприятия, жреческие должности. Это обстоятельство вызывает развитие товарно-денежных отношений, появляются институты ростовщичества и кредитных отношений. Сделки купли-продажи, наем рабочих, аренда земельных участков, долговая кабала (когда свободные люди стали попадать в рабство в качестве залога как гарантии уплаты долга), международная торговля — все это потребовало юридического оформления данных отношений и новых источников права — договоров. В этих условиях люди стали получать возможность самостоятельной деятельности. «Отдавая государству часть продукции ремесла, сельского хозяйства или часть доходов от торговли, они могли использовать остальное для собственного обогащения и увеличения своего имущества» [5, с. 134].

Наряду с положительными сторонами процесса развития экономических отношений выявились и отрицательные последствия. Государство теряло значительную часть налоговых поступлений, что ослабляло его военную мощь. Процесс расслоения общества на бедных и богатых приводил общество к социальной напряженности и неустойчивости общественных отношений. Сокращение свободного населения как результат долговой кабалы лишало государство формирования боеспособной армии. Эти обстоятельства приводят к необходимости объединения государства для создания стабильности общественного развития.

Правители начинают издавать указы, ограничивавшие продажу земли и долговую кабалу. Указы такого рода, носившие название «указов царя» или «указов о справедливости», издававшиеся каждые 5–7 лет, должны были аннулировать сделки, заключенные на основе кабальных соглашений: освобождать от временного рабства, возвращать недвижимость первоначальному владельцу [Там же, с. 135].

Рим-Сина (1822–1763 до н. э.), правитель Ларсы, провел реформы, ограничившие частную торговлю и ростовщичество. Еще более решительные меры в этом направлении принимал царь Вавилона Хаммурапи: «Он создал или усовершенствовал административную систему, улучшил средства сообщения, заботился о каналах. Его деятельность простиралась на все стороны жизни. Счастливый воитель, освободивший страну от эламского ига, он объединяет под своею властью все городские царства, заботится о святилищах не только всего Саннаара, но даже Асура и Ниневии. Он издает указы, касающиеся календаря, сооружает новые каналы, очищает старые, заботится об устранении неисправностей в течении Ефрата. Но еще большее внимание Хаммурапи уделял правосудию» [10, с. 105]. Царь провел судебную реформу. Кроме общинных и храмовых судов он создает городские суды из царских чиновников, подчиненных непосредственно царю. Судопроизводство приобретает единообразный характер — судебный процесс становится состязательным. В одном из писем чиновнику царь «дает инструкцию о суде над взяточниками, в других занят делами о ростовщиках, в иных требует присылать ему в Вавилон людей, которые могли бы, будучи очевидцами, сообщить ему о делах, иногда требует ареста неправых чиновников и т. д.» [Там же]. Письма-инструкции содержали в себе нередко разъяснение и толкование норм права, поэтому их можно отнести к первоначальной форме интерпретационных актов как одного из элементов юридической техники.

Наряду с судебной реформой проводилась и систематизация действующего законодательства. Могут, однако, возразить, что это была не систематизация действующего законодательства, а запись обычаев и казусов, и не более того. Обычай и казусы действительно являлись источниками законов Хаммурапи, и это не оспаривается. Кроме того, к его источникам относились и законы предшествующих шумерских правителей. «Особенно много общего имеется между кодексом Хаммурапи и законником царя

Билаламы из г. Эшнуны, составленными на 200 лет раньше» [12, с. 50]. Таким образом, Хаммурапи стал первым законодателем, применившим новый способ юридической техники – восприятие (рецепция) предшествующего законодательства.

Постатейный материал законов изложен по казуистическому шаблону (около 300 формул) сплошным текстом. Но особенность этих казусов (формул) состоит в том, что они были взяты в своем большинстве из судебной практики по уголовным и гражданским делам, разбирались тщательно и с большой обстоятельностью. «Если судья будет судить судебное дело, постановит решение, изготовит решение, изготовит документ с печатью, а потом свое решение изменит, то этого судью должно избличить в изменении решения, и он должен уплатить сумму иска, предъявленного в этом судебном деле, в 12-кратном размере, а также должен быть в собрании поднят со своего судейского кресла и не должен возвращаться и заседать с судьями на суде» [11, с. 12].

Описанная формула (казус-закон) построена на юридической терминологии (судья, судить, решение, иск), юридической логике и юридических конструкциях, делящих формулу на три части (гипотезу, диспозицию и санкцию). Причем казус имеет все элементы правовой нормы: установлен царской властью, имеет общеобязательную силу, содержит правило поведения (норму права), гарантируется принудительной силой государства. Древнешумерские законы уже имели эти элементы формулы. «Если младший (?) скажет своему отцу и своей матери: “ты не мой отец, ты не моя мать”, то он должен покинуть дом, поле, сад, всех рабов и имущество, а самого этого младшего (?) должно отдать за его полную цену» [12, с. 226]. Приведенная формула взята из законодательства города-государства Ларсы Южного Двуречья (XXI–XX вв. до н. э.).

Другой характер имеют, например, казусы законов Ману, которые носят не обязательный (императивный), а рекомендательный характер и излагаются не в повелительном, а в желательном наклонении, выступая как поучения, наставления в справедливости: «ст. 174. Того злонамеренного царя, который по глупости решает судебные дела не по дхарме, враги быстро подчиняют; ст. 175. К тому же, который, обзывает любовь, и ненависть, решает дела по дхарме, подданные стремятся, как реки к океану» [4, с. 162]. Казусы законов Ману отражают моральные нормы, присущие еще первобытнообщинному строю.

Таким образом, казусы в сборнике Хаммурапи по своему существу и были законами, так как юридическое мышление специалистов того времени только подходило к идее объединения ряда казусов в однородную группу общественных отношений, и следовательно, они не могли мыслить абстрактно. Именно путем перечисления казусов (законов) Хаммурапи хотел охватить и таким образом урегулировать все возможные и важные случаи (общественные отношения) жизни вавилонского общества. А так как в быту мышление носило конкретный характер, то и законы могли быть выражены только в казуистической форме. «Говоря другими словами, позитивное право всегда конкретно, для него неприемлемы абстрактные формулы» [9, с. 204].

Система сборника законов Хаммурапи основана на группировке некоторых однородных случаев (хотя не всегда последовательно и единообразно), что отличает ее от записи обычаев, свойственной, например, Законам Ману и варварским правдам. Такая форма подчеркивает их правовую характеристику, правовую природу и является первым шагом к абстрактному юридическому мышлению.

Сборник законов условно можно разделить на 8 разделов, отражающих идею отраслевого деления права. Например, § 1–5 – вопросы процессуального права; § 6–25 – собственности; § 26–41 – имущество ирку; § 42–50 – сделки с недвижимостью (в этих группах параграфов четко проводится различие между владением и собственностью, т. е. вопросы гражданского права); § 50–126 – коммерческое право; § 127–195 – семейное и наследственное право; § 196–214 – уголовное право и т. д. К сожалению, отраслевое деление права в законах Хаммурапи не получило своего окончательного завершения и признания. Однако мы имеем все основания рассматривать сборник Хаммурапи как систематизацию правового обычая и действующего законодательства, конкурирующих между собой. Кроме того, составители законов использовали новые элементы (возможно, воспринятые из практики составления шумерских законов) юридической техники – включение в сборник пролога и эпилога как прообраза одного из важнейших элементов, приемов законотворчества (преамбулы).

Текст законов был выбит на базальтовом столбе, выставленном на площади Вавилона. Дополнительно были сделаны еще несколько копий, отправленных в крупные города вавилонского царства. «Текст 3X (за-

коны Хаммурапи. — В. В.) состоит из пролога, собственно законов и эпилога. Пролог и эпилог написаны чрезвычайно торжественным, ритмичным, архаизированным языком, изобилуют поэтическими фигурами и, по существу, представляют собой две поэмы в прозе. В отличие от них собственно законы написаны сухим, четким и лаконичным стилем. Таким образом, ЗХ являются также и важнейшим памятником аккадского классического литературного языка» [5, с. 137]. В этом компоненте мы также наблюдаем в сборнике законов Хаммурапи переход не только от мифологического к рационально-логическому, но и от художественно-образного к рационально-логическому. Данное обстоятельство указывает на то, что и мифологическое, и художественно-образное в прологе и эпилоге законов есть лишь дань многовековой традиции, сложившейся в течении всего III тыс. до н. э., а может быть и еще раньше.

В прологе и эпилоге освещена сама идея законов — «для водворения в стране истинного блага и хорошего управления» [10, с. 112]. Цель законов — благосостояние народа: «я не пренебрегал, о них (народе) я не нерадел, я искал их благосостояния» [Там же]. Задачи законов — «я истребил врагов на севере и юге, прекратил раздоры, устроил стране благосостояние, дал людям жить в безопасных местах, охранял их от разрушителей спокойствия» [Там же]. Причем все излагается не в декларативной форме, а в форме реально выполненного или гарантирующего реальное выполнение: «чтобы творить суд на земле, и издавать решения земле, и удовлетворять утесненного» [Там же]. Из этого можно сделать вывод, что вступление и заключение следует рассматривать первой преамбулой к законам в истории развития законотворческой деятельности.

Не менее важным в истории развития юридической техники и юридической мысли является и то, что законы Хаммурапи показывают переход от мифологического мышления к рационально-логическому, юридическому мышлению. Если пролог и эпилог законов и строятся на мифологическом мировоззрении и образном художественном мышлении, то сами законы отражают уже высокий уровень товарных отношений городского населения без всякого вмешательства божественной воли, божественного предначертания и проведения.

В заключении (эпилоге) Хаммурапи провозглашает один из фундаментальных принципов права — его верховенство: «жезл мой — жезл правости» [10, с. 112], т. е.

его сила не в могуществе армии, а в могуществе права! «Моя благая сень простерта над моим градом. На моем лоне лелею я жителей Сумира и Аккада; чтобы сильный не обижал слабого, чтобы обезопасить вдов и сирот, начертал я в Вавилоне, граде, на моем памятнике» [Там же]. Таким образом, Хаммурапи первым высказал идею государства, в котором правит закон.

В заключении Хаммурапи обращается к населению со словами: «Утесненный должен подойти к моему изображению, как царя правды, прочесть надпись, внять моим драгоценным словам, и мой памятник должен выяснить ему его дело; он должен найти свое право» [Там же]. Данное обращение к народу и выставление законов на всеобщее ознакомление есть создание одного из элементов, средств правотворческой юридической техники — официального обнародования нормативно-правового акта.

Тексты законов выбиваются также на каменных плитах и выставляются в городах, переписываются на глиняных табличках, изучаются в школах — в этом компоненте правотворческой юридической техники Хаммурапи остается первым законодателем, использовавшим официальный текст законов для издания и ознакомления с ними своих подданных в различных формах. «Несмотря на этот сонм богов и на благочестивый тон всей приписки (введения и заключения), несмотря на то, что весь свод выдается за откровение Шамаша, несмотря, наконец, на то, что в затруднительных случаях дело решает клятва “перед богом”, — все-таки законы не стоят на теократической основе, чужды религиозного и морализирующего элемента. Кодексу чуждо понятие преступления как греха, отпадения от бога, нарушения его воли; они рассматривают проступки исключительно с точки зрения материального вреда для личности или опасности для государства и общества» [Там же, с. 113]. Таким образом, правовая идеология законов Хаммурапи имеет светский характер с ярко выраженным материальным интересом развития общества, его товарного оборота. Этот акт необходимо также рассматривать как крупнейшее достижение юридической мысли в создании основных начал позитивного права.

В период правления Хаммурапи явно просматривается конкуренция между обычаем и издаваемыми царскими законами. Законы Хаммурапи, формы их изложения, структура и содержание выявляют в них идею позитивного права как установление истинного общественного порядка,

основанного на праве, правовых началах, гарантированных и обеспеченных государственным принуждением. Важнейшим источником законов Хаммурапи являлось шумерское законодательство: законы Липит Иштара, Билалама, Ур-Наму, законы Ларсы, Лагаша. «Очевидно, что в III тыс. до н. э. шумеры уже имели представление о правах, гарантированных законом» [6, с. 60].

Шумерские законы дошли до нашего времени лишь в отдельных незначительных фрагментах, в которых все же просма-

тривается идея позитивного права, а законы Хаммурапи почти полностью сохранились в их официальной редакции. Это обстоятельство позволяет говорить о том, что идея позитивного права лежит в основе образования государства и, по всей вероятности, сформировалась задолго до появления письма. При этом законы Хаммурапи необходимо рассматривать как крупнейшее достижение юридической мысли, юридической идеологии в создании основных начал позитивного права.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова Е. В. Месопотамия на пути к первым государствам. — М., 1998. — 223 с.
2. Гринин Л. Е. Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому. — М., 2007. — 368 с.
3. Дьяконов И. М. Люди города Ура. — М., 1990. — 429 с.
4. Законы Ману / пер. С. Д. Эльмановича; испр. и провер. Г. Ф. Ильиным. — М., 1992. — 360 с.
5. История древнего мира : в 3 т. / под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. — 3-е изд., испр. и доп. — М., 1989. — Т. 1. Ранняя древность / отв. ред. И. М. Дьяконов. — 470 с.
6. Крамер С. История начинается в Шумере. — М., 1991. — 235 с.
7. Мэсон В. М. Первые цивилизации. — Л., 1989. — 272 с.
8. Оппенгейм А. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. — М., 1990. — 319 с.
9. Рассказов Л. П. Теория государства и права : учеб. для вузов. — М., 2008. — 463 с.
10. Тураев Б. А. История Древнего Востока : в 2 т. — Л., 1936. — Т. 2. — 322 с.
11. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / под ред. З. М. Черниловского. — М., 1984. — 472 с.
12. Черниловский З. М. История рабовладельческого государства и права. — М., 1960. — 291 с.

REFERENCES

1. Antonova E. V. *Mesopotamiya na puti k pervym gosudarstvom* [Mesopotamia on the Way to First States]. Moscow, 1998. 223 p.
2. Grinin L. E. *Gosudarstvo i istoricheskij protsess. Evolyutsiya gosudarstvennosti: ot rannego gosudarstva k zrelomu* [State and Historical Process. Evolution of Statehood: from the Early State to the Mature One]. Moscow, 2007. 368 p.
3. D'yakonov I. M. *Lyudi goroda Ura* [The People of the City of Ur]. Moscow, 1990. 429 p.
4. *Manu's Laws*. Moscow, 1992. 360 p. (In Russian).
5. D'yakonov I. M., Neronova V. D. (ed.) *Istoriya drevnego mira* [History of the Ancient World]. Moscow, 1989. Vol. 1. 470 p.
6. Kramer S. *Istoriya nachinaetsya v Shumere* [History Begins at Sumer]. Moscow, 1991. 235 p.
7. Mason V. M. *Pervye tsivilizatsii* [Early Civilizations]. Leningrad, 1989. 272 p.
8. Oppenheim A. *Drevnyaya Mesopotamiya. Portret pogibshoj tsivilizatsii* [Ancient Mesopotamia. A Portrait of a Dead Civilization]. Moscow, 1990. 319 p.
9. Rasskazov L. P. *Teoriya gosudarstva i prava : ucheb. dlya vuzov* [Theory of State and Law]. Moscow, 2008. 463 p.
10. Turaev B. A. *Istoriya Drevnego Vostoka*. [History of the Ancient East]. Leningrad, 1936. Vol. 2. 322 p.
11. Z. M. Chernilovskii (ed.). *Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava zarubezhnykh stran* [Reading Book on the History of State and Law in other Countries]. Moscow, 1984. 472 p.
12. Chernilovskij Z. M. *Istoriya rabovladel'cheskogo gosudarstva i prava* [History of the Slave-Ownning State and Law]. Moscow, 1960. 291 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вишневицкий Владимир Григорьевич (Иркутск) — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права. Иркутский юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации» (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: rpa38@mail.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vishnevskiy, Vladimir Grigoryevich (Irkutsk) — Ph.D. in Law, Ass. Professor, Chair of Theory and History of State and Law. Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Nekrasova st., 4, Irkutsk, 664011, e-mail: rpa38@mail.ru)

УДК 34(091)
ББК 67.3(0)323

О. И. Мариненко
*Байкальский государственный университет экономики и права,
Иркутск, Российская Федерация*

ПРОТОТИПЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ В РИМСКОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. 2014. Т. 2, № 3. С. 15–18. ISSN 2306-7136
DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.15-18>
Дата поступления: 17.05.2014

АННОТАЦИЯ

Анализ имущественного комплекса как объекта гражданских прав в законодательстве Российской Федерации невозможен без изучения его прообразов в рамках исторического подхода. Наиболее разработанная классификация вещей как объектов права была предложена в римском частном праве. Исследование положений римского права позволяет выявить родовые признаки имущественного комплекса, что дает возможность в дальнейшем построить модель нового объекта гражданских прав, прототипы которого существовали еще в Риме.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Имущественный комплекс; сложная вещь; вещь.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Мариненко О. И. Прототипы имущественных комплексов в римском частном праве // Пролог: журнал о праве. — 2014. — Т. 2, № 3. — С. 15–18. — DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.15-18>.

О. I. Marinenko
*Baikal State University of Economics and Law,
Irkutsk, the Russian Federation*

PROTOTYPES OF PROPERTY COMPLEXES IN ROMAN PRIVATE LAW

PUBLICATION DATA

Journal about Law, 2014, Vol. 2, no. 3, pp. 15–18. (In Russian). ISSN 2306-7136
DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.15-18>
Submission date: 17.05.2014

ABSTRACT

It is impossible to analyze the property complex as an object of civil rights in the legislation of the Russian Federation without studying its prototypes within the framework of historical approach. A most thorough classification of things as objects of law was developed in Roman private law. Researching the clauses of Roman law gives an opportunity to identify property complex's generic features and thus allows to construct a model of a new object of civil rights whose prototypes existed as early as in Ancient Rome.

KEYWORDS

Property complex; complex thing; thing.

REFERENCES

Marinenko O.I. Prototypes of property complexes in Roman private law. *Prolog: zhurnal o prave = Journal about Law*, 2014, vol. 2, no. 3, pp. 15–18. (In Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.15-18>.

Римская империя как политическая организация распалась несколько веков назад, но римская юриспруденция сохраняет свое влияние и имеет значение для большей части цивилизованного мира. Известно

неоднозначное, двойственное отношение правоведов к римскому праву и его роли в истории права [8, с. 23].

Римское частное право стоит на первом месте с точки зрения разработанности.

Гражданский кодекс РФ во многом основан на классических, т. е. римско-правовых (частноправовых) подходах [5, с. 9]. Исторический опыт позволил создать один из логичных и грамотных законодательных актов. Любой нормативный акт с течением времени требует внесения изменений и доработки. В настоящее время ГК РФ подвергся масштабному реформированию. Концепция развития гражданского законодательства РФ предусматривала создание нового объекта права «имущественного комплекса»¹ [9]. Однако имущественный комплекс, как объект гражданских прав получил свое отражение только в одной своей разновидности – предприятии.

Имущественный комплекс не является новым объектом права. Прообразы этого объекта существовали еще в римском частном праве. При этом римские юристы не дают точного терминологического определения имущественного комплекса. Однако анализ классификации вещей в римском праве позволяет предположить, какие вещи могли явиться прообразом имущественного комплекса. Обратимся к некоторым из них.

Ч. Санфилиппо разделяет вещи на простые, составные и собирательные [13, с. 102–103]. Простыми вещами («цельные вещи») являются те, что «охвачены единством духа» и представляют собой единство целого без возможности существования его частей отдельно. Такие вещи не распадаются на отдельные части [7, с. 316].

Составные вещи содержат части, которые легко выделимы, обособлены друг от друга и сохраняют свою сущность, за исключением того, что «вследствие объединения они утратили свою функциональную самостоятельность» [13, с. 102]. Это искусственное соединение разнородных вещей, имеющих между собой материальную связь и носящих общее наименование [10, с. 165], например, здания, корабль, шкаф и т. п. Помпоний² говорил, что это те вещи, которые «состоят из соприкасающихся вещей, т. е. многих соединенных одна с другой» [6].

¹ Концепция развития гражданского законодательства РФ : одобр. решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 окт. 2009 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2009. – № 11.

² Современник Юлиана (самый плодовитый автор из юристов II в.) – занимался исключительно преподавательской и литературной деятельностью в области частного права [2, с. 341].

Существует некая третья группа вещей, которые, хотя и «не соединены материально и сохраняют свою индивидуальность и самостоятельность, представляя каждая в отдельности особую вещь, тем не менее удерживаются вместе той собирательной функцией, которую они все вместе выполняют» [13, с. 103]. Такие вещи именуется Ч. Санфилиппо «собирательными» [Там же]. Помпоний говорил, что это вещи, «состоящие из отдельных вещей, так что это есть множество свободных тел, которые, однако, связаны одним именем» [5].

Входящие в состав собирательной вещи отдельные единичные (самостоятельные) вещи могут быть заменены без утраты самой собирательной вещи. Д. В. Дождев раскрыл эту особенность собирательной вещи на следующем примере: «собственно собирательной вещью является стадо. Его особенность заключается в том, что стадо остается прежней вещью, не смотря на смерть или рождение отдельных составляющих его особей. Сходными качествами обладает и таверна, вилла с аграрным инвентарем и любое коммерческое предприятие. Конгломерат продолжает существовать как самождественное целое, несмотря на усвоение внешних элементов или появление плодов (доходов), происходящих из него самого. Он является единым объектом вещных исков, узупфрукта, а также залогового права» [7, с. 317].

В учебнике И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского такие вещи определены как совокупность отдельных вещей – *universitates rerum distantium*³. Это материально не связанные, соединенные общим назначением (функционально) и именем вещи. Это временные хозяйственные или организационные объединения вещей или лиц [12, с. 165]. В таком случае объектом правоотношения могла выступать только отдельная вещь, входящая в совокупность отдельных вещей, но в некоторых случаях допускалось введение в оборот и такого объекта, как совокупности отдельных вещей.

Ряд авторов не относит собирательную вещь к объектам права [4, с. 35]. Д. Д. Гримм указывал на то, что «собирательные вещи... не могут быть объектом владения и приобретательной давности и что... имеет то значение, что истец, предъявивший виндикацию, не обязан перечислять в отдельности вещи, выдачи которых он требует» [Там же, с. 35].

³ Совокупность нескольких самостоятельных вещей, объединенных для общей цели [2, с. 319].

Е. Н. Трубецкой делил все вещи на две группы: простые и сложные. Сложные вещи представляют собой «совокупность многих отдельных вещей, искусственно соединенных между собой в одно целое и рассматриваемые как единый объект» [14, с. 115].

Существует две группы сложных вещей:

- *universitates rerum cohaerentium* (вещи сложные, составные [2, с. 319]) – совокупность, при которой вещи, входящие в нее, соединены в одно целое механически и технически, индивидуальность и самостоятельность вещей в этом случае утрачивается;

- *universitates rerum distantium* (совокупность нескольких самостоятельных вещей, объединенных для общей цели [Там же]) – соединение вещей, при котором отдельные вещи механически не связаны между собой, но по назначению составляют единое целое [14, с. 115]. В таком случае вещи сохраняют физическую обособленность и некую самостоятельность. Такая совокупность вещей является объектом права, так как представляет собой наибольшую ценность в идеальной связи общим назначением вещей. Будучи разрозненной подобная совокупность всю свою ценность утрачивает.

Можно отметить, что ряд авторов [6; 13] не дают четкого определения места совокупности вещей, объединенных функциональным назначением среди объектов права. Полагаем, что о самостоятельности такого объекта говорить невозможно и необходимо отнести его к сложным вещам. Мнение Е. Н. Трубецкого считаем более обоснованным, потому что *universitates rerum cohaerentium* и *universitates rerum distantium* представляют собой такие объекты, где существует связь вещей с тем лишь различием, что эта связь существует как техническая (механическая, физическая связь объектов), так и логическая (наличие функционального назначения). Думается, что *universitates rerum distantium* можно считать прообразом имущественного комплекса, так как в этом случае объединение вещей происходит именно на основании функциональной связи между объектами.

Многие ученые [1, с. 52–53; 10, с. 52–53] выделяют такую группу составных вещей, как *universitates juris* – особая юридическая единица с некоторыми чертами современного юридического лица. Такая совокупность ведет самостоятельное юридическое существование, не зависящее от отдельных компонентов, т. е. отличающееся от существования лиц или вещей, из которых она состоит [2, с. 319]. Данная

группа вещей выделяется в классификации составных (сложных) вещей. Составные вещи делятся на две группы: *res quae ex contingentibus* – «вещи, сомкнутые в искусственное единство человеческим трудом» [11, с. 133] и *res quae ex distantibus constant* – «вещи, которые были и остались отдельными или собранными, но право считало их едиными из-за целого, которому эти вещи служили» [Там же, с. 134]. В последней группе вещей выделяют *universitas facti* (единство таких вещей образовано естественным путем) и *universitas juris* (единство образовано на основании предписания правового порядка).

Полагаем, что *universitas juris* может являться прообразом имущественных комплексов. Это и есть некий «древний» имущественный комплекс, так как именно в этом комплексе объединены имущественные права и обязанности [4, с. 35]. В *universitas juris* можно включить следующие элементы: само имущество (вещи, объекты материального мира, имеющие денежную оценку [9] или составляющие интерес господства лица) и отдельные обособленные имущественные массы, которые выделены из состава другого имущества [4, с. 36].

Имущество это не всегда что-то положительное. Это единство актива и пассива (совокупность прав и обязанностей) [3, с. 670]. Д. Д. Гримм писал: «в составе имущества различают активное имущество или совокупность принадлежащих данному лицу прав и пассивное имущество или совокупность лежащих на нем обязанностей» [4, с. 36]. Такая совокупность представляет собой не просто соединение вещей, а совокупность правоотношений [Там же]. Ульпиан¹, говоря о переходе имущества по наследству от одного лица к другому, поясняет, что при наследовании переходит вся имущественная масса, все «преимущества и недостатки» [5].

Анализ римских источников права и трудов романистов позволяет сделать вывод, что имущественный комплекс невозможно определить только как совокупность имущества лица. В имущественный комплекс входят и права требования, и все иное, что имеет денежную оценку. Это единство актива и пассива.

¹ Главный советник А. Севера, в совершенстве знал все области права и всю предшествующую литературу, отрывки из его сочинений составляют почти треть Дигест Юстиниана [2, с. 345].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аверченко Н. Н.* Правовой режим сложной вещи : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — СПб., 2005. — 264 с.
2. *Бартошек М.* Римское право: понятие, термины, определения. — М., 1989. — 448 с.
3. *Гамбаров Ю. С.* Гражданское право. Общая часть. — М., 1898. — 666 с.
4. *Гримм Д. Д.* Лекция по догме римского права. — СПб., 2013. — 222 с.
5. *Дигесты Юстиниана* : в 8 т. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. — М., 2006. — Т. 1. — 1584 с.
6. *Дигесты Юстиниана* : в 8 т. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. — М., 2006. — Т. 6. — 677 с.
7. *Дождев Д. В.* Римское частное право : учеб. — М., 1996. — 704 с.
8. *Исаев И. А.* «Дух римского права» и историческая школа права // История государства и права. — 2012. — № 13. — С. 23–27.
9. *Лаптева А. М.* Генезис понятия имущественный комплекс. — URL : <http://spb.hse.ru/data/20102/1/08/1247178058/.pdf>.
10. *Пухан И., Поленак-Акимовская М.* Римское право (базовый учебник). — М., 2000. — 448 с.
11. *Пухта Г.Ф.* Энциклопедия права. — Ярославль, 1872. — 510 с.
12. Римское частное право : учеб. / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. — М., 2014. — 448 с.
13. *Санфилиппо Ч.* Курс римского частного права : учеб. — М., 2007. — 400 с.
14. *Трубецкой Е. Н.* Энциклопедия права. — СПб., 2013. — 133 с.

REFERENCES

1. *Averchenko N. N.* *Pravovoj rezhim slozhnoj veshchi. Kand. Diss.* [Legal Regime of Complex Things. Cand. Diss.]. Saint-Petersburg, 2005. 264 p.
2. *Bartoshek M.* *Rimskoe pravo: ponyatie, terminy, opredelenii* [Roman Law: Concept, Terminology, Definitions]. Moscow, 1989. 448 p.
3. *Gambarov Yu. S.* *Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast'* [Civil Law. General Part]. Moscow, 1898. 666 p.
4. *Grimm D. D.* *Lektsiya po dogme rimskogo prava* [Lectures on the Dogma of Roman Law]. Saint-Peterburg, 2013. 222 p.
5. *The Digest of Justinian.* Moscow, 2006. Vol. 1. 1584 p. (In Russian).
6. *The Digest of Justinian.* Moscow, 2006. Vol. 6. 677 p. (In Russian).
7. *Dozhdev D. V.* *Rimskoe chastnoe pravo : ucheb.* [Roman Private Law : Textbook]. Moscow, 1996. 704 p.
8. *Isaev I. A.* «The Spirit of Roman Law» and Historical School of Law. *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law*, 2012, no. 13, pp. 23–27. (In Russian).
9. *Lapteva A. M.* *Genezis ponyatiya imushchestvennyj kompleks* [Genesis of the Concept of Property Complex]. Available at: <http://spb.hse.ru/data/20102/1/08/1247178058/.pdf>.
10. *Pukhan I., Polenak-Akimovskaya M.* *Rimskoe pravo (bazoviy uchebnyk)* [Roman Law (basic textbook)]. Moscow, 2000. 448 p.
11. *Pukhta G.Ph.* *Entsiklopediya prava* [Legal Encyclopedia]. Yaroslavl, 1872. 510 p.
12. *Novitskii I. B.* (ed.) *Rimskoe chastnoe pravo* [Roman Private Law]. Moscow, 2014. 448 p.
13. *Sanfilippo C.* *Kurs rimskogo chastnogo prava* [A Course of Roman Private Law]. Moscow, 2007. 400 p.
14. *Trubetskoj E. N.* *Entsiklopediya prava* [Legal Encyclopedia]. Saint-Petersburg, 2013. 133 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мариненко Ольга Игоревна (Иркутск) — ассистент кафедры гражданского права и процесса. ФГОУ ВПО «Байкальский государственный университет экономики и права» (664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: tart2006@yandex.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marinenko, Olga Igorevna (Irkutsk) — Instructor, Chair of Civil Law and Process. Baikal State University of Economics and Law (Lenin st., 11, Irkutsk, 664003, e-mail: tart2006@yandex.ru)

УДК 341.9
ББК 67.930.0+67.408

А. В. Денисова
*Самарский государственный университет,
Самара, Российская Федерация*

КОЛЛИЗИОННЫЕ НОРМЫ И ПРАВОПОЛОЖЕНИЯ: ПОНЯТИЕ, ЗНАЧЕНИЕ И РОЛЬ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА

**ИНФОРМАЦИЯ
О СТАТЬЕ**

Пролог: журнал о праве. 2014. Т. 2, № 3. С. 19–27. ISSN 2306-7136
DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.19-27>
Дата поступления: 25.06.2014

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется роль и значение коллизионных норм и правоположений в системе уголовного права. Особое внимание уделено исследованию их сущности и системосохраняющих функций; описаны конкретные виды коллизионных норм и правоположений, имеющие значение для отрасли уголовного права. Анализируемые правовые явления следует признать важными системосохраняющими факторами для отрасли уголовного права, необходимыми для ее сохранения и защиты целостности от разного рода внешних и внутренних обстоятельств. Благодаря существованию и применению коллизионных норм и правоположений в уголовно-правовой сфере происходит своеобразная обработка содержания системы уголовного права, обеспечивается необходимое сочленение и гармонизация ее элементов (уголовно-правовых норм, отраслевых институтов, юридических форм внешнего их выражения, а также уголовно-правовых отношений), т. е. поддерживается необходимый уровень их внутриотраслевого единства и целостности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Система уголовного права; коллизионные нормы; правоположения; системность права; системосохраняющие функции.

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ
ОПИСАНИЕ**

Денисова А. В. Коллизионные нормы и правоположения: понятие, значение и роль в системе уголовного права // Пролог: журнал о праве. — 2014. — Т. 2, № 3. — С. 19–27. — DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.19-27>.

A. V. Denisova
*Samara State University,
Samara, the Russian Federation*

CONFLICT RULES AND LEGAL PROVISIONS: CONCEPT, MEANING AND ROLE IN THE SYSTEM OF CRIMINAL LAW

PUBLICATION DATA

Journal about Law, 2014, Vol. 2, no. 3, pp. 19–27. (In Russian). ISSN 2306-7136
DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.19-27>
Submission date: 25.06.2014

ABSTRACT

The paper analyses the role and meaning of conflict rules and legal provisions in the system of criminal law. The author pays special attention to researching their essence and their system-preserving functions, describes specific types of conflict rules and legal provisions significant for criminal law. The legal phenomena under consideration should be recognized as important system-preserving factors in the sphere of criminal law that are vital for its preservation and the protection of its integrity against various external and internal factors. The existence and use of conflicts rules and

legal provisions allows a specific processing of contents in the criminal law system and ensures the necessary combination and harmonization of its elements (criminal law norms, institutions, legal norms of their expression as well as criminal law relations), thus sustaining the needed level of their intrasectoral unity and integrity.

KEYWORDS

System of criminal law; conflict rules; legal provisions; systemacy; system-preserving functions.

REFERENCES

Denisova A.V. Conflict rules and legal provisions: concept, meaning and role in the system of Criminal Law. *Prolog: zhurnal o prave = Journal about Law*, 2014, vol. 2, no. 3, pp. 19–27. (In Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.19-27>.

В теории права система отрасли права определяется как ее внутреннее строение, структура и взаимосвязь образующих данную правовую отрасль элементов [6, с. 180–181; 3, с. 221]. Вопрос о системе российского уголовного права при всей его значимости относится к числу малоисследованных в отечественной уголовно-правовой науке: несмотря на активное использование данного понятия в специальной и учебной литературе, отсутствует общепризнанное определение данного правового явления. Традиционно, говоря о системе уголовного права, авторы указывают, что система данной отрасли состоит из двух подсистем: норм Общей части уголовного права и норм Особенной части уголовного права [8, с. 16–18; 4, с. 23]. Однако в последнее время в специальной и учебной литературе все чаще стала озвучиваться точка зрения, что определение системности уголовного права лишь через его деление на две части означает существенное урезание его социальной ценности, игнорирование в системе уголовного права таких первичных элементов, как уголовно-правовые нормы и институты. Представляется более правильным понимать построение системы уголовного права через такие составляющие, как уголовно-правовые нормы, отраслевые институты, юридические формы внешнего их выражения, а также уголовно-правовые отношения. Однако сами по себе эти элементы отраслевой системы достаточно разрозненны и не способны решить задачи, возложенные на данную отрасль права. Есть в системе уголовного права нечто, что их объединяет, определенные «правовые связки», благодаря которым все указанные элементы интегрируются в единое целое, в рамках которого возможно их эффективное сосуществование и взаимодействие. К числу интегрирующих правовых явлений для отрасли российского уголовного права, по нашему мнению, следует отнести

так называемые коллизионные нормы и правоположения.

Коллизионные нормы в системе российского уголовного права существуют для разрешения коллизий между правовыми нормами. По своей сути коллизия норм — это возникающее на основе регламентирования одной фактической ситуации отношение между нормами, выступающее в форме противоречия или различия. Коллизии уже фактом своего существования подрывают основное свойство права, правовой системы — быть системным, гармоничным, единообразным и сбалансированным социальным регулятором общественных отношений, ибо они мешают нормальной, слаженной работе правовой системы и ее подсистем, подрывают эффективность правового регулирования, сказываются на состоянии законности и правопорядка, правосознании и уровне правовой культуры общества. Таким образом, коллидирующие нормы не только серьезно усложняют процесс правоприменения, но и низводят значимость права в целом.

Именно для разрешения коллизий и создаются специальные коллизионные правила (нормы), особенность которых состоит в том, что они участвуют в регулировании общественных отношений в комплексе с теми правовыми нормами, к содержанию которых отсылают правоприменителей и иных участников правового общения [1, с. 241; 7, с. 166]. В то же время они относительно самостоятельны по своему функциональному предназначению, ибо любое коллизионное правило регламентирует действия правоприменителя по выбору одной из коллидирующих норм применительно к конкретной ситуации. Это позволяет говорить о достаточной автономности данной группы норм в правовой системе, об их специфичном предмете регулирования. Кроме того, это также подчеркивает их юридическую силу и значение, они об-

ладают «наибольшим властным началом» [2, с. 51], в силу которого и способны разрешить возникший конфликт правовых норм, установить порядок реализации сталкивающихся нормативных предписаний и тем самым стабилизировать правовую систему, поддержать ее равновесное состояние. Соответствующее властное начало изначально на стадии правотворчества вкладывается в содержание коллизионных норм, ибо законодатель и иные субъекты правотворческой деятельности учитывают возможные конфликтные ситуации между различными правовыми нормами и формулируют правила их разрешения.

Коллизионные нормы указывают на конкретные нормативно-правовые предписания, подлежащие применению в том или ином случае. Фактом своего существования коллизионные нормы освобождают правотворческие органы от дальнейшего разъяснения и последующих изменений коллидирующих правовых норм. Но самое главное, они существенно облегчают правоприменительную деятельность, ибо дают правоприменителю ориентиры как поступить в конкретном случае, какую правовую норму или предписание выбрать. Таким образом, коллизионные нормы лишь юридически, а не фактически устраняют коллизионную проблему, ибо все конфликтующие правовые нормы и предписания остаются в правовой системе без изменений, уполномоченные субъекты лишь определяют, какие из них будут обладать безусловным приоритетом в определенной ситуации. В настоящее время самостоятельная подсистема коллизионных норм отсутствует как на отраслевом, так и на межотраслевом уровнях (сказанное не касается международного частного права, которое первоначально возникло и развивалось как коллизионное право), отдельные коллизионные предписания можно встретить в различных нормативно-правовых актах: так, в ч. 2 и 3 ст. 2 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ и ст. 10 УК РФ содержатся специальные правила разрешения темпоральных коллизий между правовыми нормами и предписаниями, принятыми в разное время. Эти правила относятся к группе хронологических коллизионных норм, сформулированных по принципу, что последующий закон по тому же вопросу отменяет действие предыдущего.

Помимо хронологических различают также содержательные и иерархические коллизионные нормы. Первые сводятся к

тому, что специальная (исключительная) норма отменяет действие общей; а вторые – в случае противоречия норм разных по юридической силе приоритет имеет норма с большей юридической силой. Так, содержательная коллизионная норма закреплена в ч. 3 ст. 331 УК РФ, согласно которой уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством РФ военного времени, т. е. при наличии указанных условий подлежит применению не гл. 33 УК РФ «Преступления против военной службы», а соответствующее специальное законодательство, которое в настоящее время пока не принято. Представляется, что оно будет иметь заведомо временный характер без включения в состав УК РФ. Во всяком случае, если бы это предполагалось, не имело бы смысла закреплять приведенную норму, так как в случае поглощения законодательства военного времени Уголовным кодексом РФ оно утрачивало бы свой специальный и самостоятельный характер, и применению подлежал бы УК РФ (в соответствующей редакции). По нашему мнению, основное иерархическое коллизионное правило для российского уголовного права можно сформулировать следующим образом: УК РФ обладает приоритетом в случае его противоречия иным правовым актам применительно к сфере уголовно-правового регулирования, за исключением Конституции РФ, решений Конституционного Суда РФ и ряда международно-правовых актов.

Отметим, что коллизионные нормы и правила должны исполняться правоприменителями для того, чтобы их решения были правильными, законными. В самих коллизионных предписаниях нередко употребляется словосочетание «применяется закон», т. е. соответствующим адресатам предписывается совершение определенных действий. Коллизионные правила (нормы) по своей сути относятся к числу обязывающих. Они возлагают на правоприменителей обязанность совершения определенных юридически значимых действий. Соответственно, что этой позитивной обязанности корреспондирует юридическое право: при нарушении коллизионных правил заинтересованные лица могут требовать отмены или изменения принятых решений.

В юридической практике нередко можно встретить ситуации противоречивого регламентирования одних и тех же общественных отношений нормативно-правовыми предписаниями различной отрас-

левой принадлежности, что вынуждает компетентные органы к формулированию коллизионных норм. Так, Конституционный Суд РФ по делу гражданина С. А. Красноперова выявил наличие и пробелов, и коллизий в российской правовой системе и сформулировал правила, необходимые для их преодоления. Суть дела заключалась в том, что заявителю отказали в возбуждении уголовного дела в порядке частного обвинения на том основании, что действующим уголовно-процессуальным законом РФ порядок привлечения к уголовной ответственности гражданина РФ, совершившего преступление, предусмотренное УК РФ, за пределами Российской Федерации, не регламентирован. Хотя согласно ст. 12 УК РФ, определяющей действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов Российской Федерации, граждане РФ, совершившие вне ее пределов преступление против интересов, охраняемых данным кодексом, подлежат уголовной ответственности в соответствии с данным кодексом, если в отношении них по этому преступлению не имеется решения суда иностранного государства. Соответственно, по данному делу Конституционный Суд РФ установил наличие пробела в уголовно-процессуальном законодательстве и констатировал существование серьезной коллизии между материальными и процессуальными нормами.

Содержание соответствующих уголовно-правовых предписаний, уголовно-правовое регулирование этого вопроса требуют закрепления в уголовно-процессуальном законе подсудности соответствующих уголовных дел, с тем чтобы обеспечить как потерпевшим, так и обвиняемым возможность защиты своих прав и законных интересов, включая право на рассмотрение дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, на основе вытекающего из ст. 1 (ч. 1), 6 (ч. 2), 17 (ч. 3) и 19 Конституции РФ принципа юридического равенства, которое может быть гарантировано лишь при условии взаимной согласованности норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, без чего невозможно единообразное толкование и применение материальных и процессуальных норм.

По общему правилу, предусмотренному ч. 1 ст. 32 УПК РФ, уголовное дело подлежит рассмотрению в суде по месту совершения преступления, каковым признается то место совершения деяния, содержащего признаки преступления, где оно пресечено или окончено (ч. 2 ст. 32, ч. 1 ст. 73 и 152

УПК РФ; ст. 8, 11, 12, 14, 29 и 30 УК РФ). Данное правило – в силу ограничения юрисдикции РФ по судебному рассмотрению уголовных дел территорией РФ, если иное прямо не предусмотрено международным договором РФ или самим УПК РФ (например, в ч. 2 ст. 2), – не позволяет однозначно определить территориальную подсудность уголовных дел о преступлениях, совершенных вне пределов Российской Федерации.

Применительно к уголовным делам частного обвинения о предусмотренных УК РФ преступлениях, совершенных гражданами РФ в отношении граждан РФ вне пределов Российской Федерации (в частности, на морском судне, приписанном к порту иностранного государства и (или) плавающем под флагом иностранного государства). Это означает, что ч. 1 ст. 32 УПК РФ в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с положениями ч. 2 и 3 той же статьи и регламентирующей изменение территориальной подсудности уголовного дела ст. 35 данного закона, – не согласуется ни с предписанием п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ, в силу которого уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, ни с предписаниями ч. 1 и 3 ст. 12 УК РФ, закрепляющими право гражданина РФ на государственную защиту от преступлений, предусмотренных данным кодексом.

Отсутствие в действующем правовом регулировании подсудности уголовных дел, возможности однозначно определить суд, компетентный разрешить вопрос об уголовном преследовании по делу частного обвинения о преступлении, совершенном гражданином РФ в отношении гражданина РФ вне пределов Российской Федерации, позволяя правоприменителю отказывать в принятии к производству и в рассмотрении по существу соответствующих заявлений, умаляет права потерпевших от таких преступлений, ставит их и потерпевших от преступлений, совершенных на территории РФ, в неравное положение вопреки требованиям Конституции РФ, обязывающей государство охранять достоинство личности, не допуская его умаления, и обеспечивать всем потерпевшим в равной мере доступ к правосудию и компенсацию причиненного вреда.

Исходя из изложенного, Конституционный Суд РФ предписал федеральному законодателю внести в УПК РФ изменения, направленные на совершенствование правил определения подсудности уголовных дел

о предусмотренных УК РФ преступлениях, совершенных вне пределов Российской Федерации. До внесения в УПК РФ соответствующих изменений, такие уголовные дела, по решению Конституционного Суда РФ, подлежат рассмотрению тем мировым судьей, чья юрисдикция распространяется на территорию, на которой проживают и потерпевший, и обвиняемый, а во всех иных случаях территориальная подсудность уголовного дела определяется председателем (заместителем председателя) вышестоящего суда с использованием процессуального инструментария, обеспечивающего баланс интересов потерпевшего и обвиняемого, полноту, объективность и соблюдение процессуальных сроков рассмотрения уголовного дела¹. Примерно через год после вынесения этого решения ст. 32 УПК РФ была дополнена ч. 4–6 соответствующего содержания Федеральным законом от 21 октября 2013 г. № 271-ФЗ.

Не менее значимо, чем у коллизионных норм, значение правоположений в системе российского уголовного права. В самом общем виде они трактуются как определенные коллизионные правила, выработанные в судебной практике для преодоления правовых коллизий и правовой неопределенности. Однако взгляды теоретиков права разнятся относительно сущности данного юридического явления. Так, по мнению одних ученых, под правоположениями следует понимать «устоявшиеся типовые решения применения юридических норм, которые реально приобретают черты общих правил» [1, с. 93]. По мнению других авторов, правоположениями являются «юридические правила, выработанные в ходе правореализующей практики и направленные на ее обслуживание» [2, с. 31]. Однако все исследователи едины в том, что данные правовые явления характеризуются своей функциональной направленностью на обслуживание нужд правоприменительной деятельности.

Правоположения создаются именно в процессе правоприменительной, а не правотворческой деятельности, вследствие чего их создателями являются судебные, правоохранительные и прокурорские органы. Право-

положения не закреплены в официальных правовых источниках, они содержатся в индивидуальных правовых актах, принятых по конкретному уголовному делу. Кроме того, они уступают нормативно-правовым предписаниям по юридической силе и значению, более тесно связаны с фактическими обстоятельствами дела, как правило, не имеют собственных средств юридического обеспечения, но следуют отраслевым принципам, общим основам и смыслу уголовного законодательства и иным отраслевым источникам). Они создаются первоначально в связи с наступлением конкретных жизненных фактов и только затем начинают применяться ко всем аналогичным фактам как общее правило, т. е. это устоявшиеся и признанные позиции правоприменительных органов, которые с наибольшей определенностью отражают волю законодателя и оказывают определенное юридическое воздействие на участников общественных отношений, относящихся к предмету уголовно-правового регулирования.

Так, правоположением можно признать правило о том, что действия виновного следует квалифицировать по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ в тех случаях, когда имущество похищается из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся у живых лиц; следовательно, хищение имущества, находившегося при потерпевшем, после его убийства не может быть квалифицировано по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ². Данное правило сформировалось в процессе правоприменительной деятельности, не закреплено ни в одном из формально-юридических источников уголовного права, тем не менее оно строго соблюдается правоприменителями, исходя из анализа обзоров практики вышестоящих судебных органов. Очевидно, что данное правоположение соответствует принципам уголовного права (в первую очередь, принципам справедливости и гуманизма), общим основам и смыслу уголовного законодательства и иных отраслевых источников, а также иному отраслевому законодательству (включая положения Конституции РФ о праве на личную неприкосновенность граждан). Данное правило появилось в правоприменительной дея-

¹ По делу о проверке конституционности положений части второй статьи 2 и части первой статьи 32 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Красноперова : постановление Конституционного Суда РФ от 16 окт. 2012 г. № 22-П г. Санкт-Петербург // Российская газета. — 2012. — 26 окт.

² Определение № 11-О11-99 // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за 1 квартал 2012 г. : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20 июня 2012 г.; Определение от 12 апр. 2012 г. № 33-Д12-1 // Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 1 полугодие 2012 г. : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17 окт. 2012 г.

тельности после дополнения в 2002 г. состава кражи новым квалифицирующим признаком «из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем», первоначально оно было сформулировано в отдельных процессуальных документах в связи с наступлением конкретных жизненных фактов (как правило, связанных с убийством потерпевшего или обнаружением его мертвым), его признание не было повсеместным и только затем оно стало применяться ко всем аналогичным фактам как общее правило. В настоящее время это устоявшаяся и признанная позиция правоприменительных органов, которая с наибольшей определенностью отражает волю законодателя и оказывает существенное юридическое воздействие на субъектов охранительных правоотношений, возникновение которых обусловлено совершением уголовно наказуемых краж.

Таким образом, нужда в правоположениях возникает при выявлении возможности различного понимания уголовного законодательства и иных отраслевых источников, именно тогда правоприменитель вынужден в принимаемом индивидуальном правовом акте прописать единственно верный, по его мнению, смысл нормативно-правовых предписаний уголовно-правового характера. Правоположения необходимы, чтобы исключить возможность различной интерпретации содержания воли правотворческих органов в юридической практике. В первую очередь они призваны «обслужить» данное конкретное уголовное дело, в связи с которым и принимается соответствующий правоприменительный акт. Однако далее в силу авторитета соответствующего государственного органа и обдуманности его позиции по данному вопросу, не вызывающей сомнения ни у теоретиков уголовного права, ни у практиков, сформулированные им выводы приобретают широкое действие, применяются при расследовании и рассмотрении других дел. При этом следование правоположениям не носит обязательного характера, они лишены властного начала; правоприменители не могут официально ссылаться на них в материалах уголовных дел, т. е. сделанные выводы по конкретному уголовному делу отделяются от фактических обстоятельств, послуживших поводом для их формулирования (фиксирования) в правоприменительных документах, приобретают относительную самостоятельность. В то же время они неразрывно связаны с существующими уголовно-правовыми нормами, не могут применяться в отрыве от них,

созданы для их обслуживания и приладки к актуальным потребностям социальной действительности.

Следовательно, правоположения следует признать своеобразными «праобразами» уголовно-правовых норм, дополнительным поднормативным средством юридического воздействия на общественные отношения. Как верно отмечают С. С. Алексеев и З. А. Незнамова, будучи объективированным результатом судебной и иной индивидуально-правовой деятельности компетентных органов, правоположения, не сливаясь с действующими нормами, представляют собой относительно самостоятельные правовые явления, специфическую разновидность правовой реальности; они лишены нормативности и формальной определенности, вырабатываются в ходе правореализующей деятельности и направлены на ее обслуживание, объективируются вовне в актах правоприменительных органов [1, с. 351; 5, с. 59–60]. Это некие рекомендательные установки, позиции правоприменительных органов, выраженные в индивидуальных правовых актах, принимаемых по конкретным уголовным делам и негласно признанные, получившие поддержку со стороны иных правоприменителей, которые в свою очередь начинают им следовать повсеместно.

Нужда в правоположениях возникает в связи с тем, что в ряде случаев распространение предписаний уголовного законодательства на конкретные общественные отношения требует от правоприменительных органов дополнительных усилий, а именно наиболее полного выражения государственной воли применительно к тому или иному уголовно-правовому отношению, ее развития, актуализации, а иногда и доформулирования. Именно такого рода правоприменительная деятельность и порождает правоположения. По своему содержанию всякое правоположение есть официальная позиция правоприменительного органа относительно понимания и реализации той или иной уголовно-правовой нормы в связи с возникновением определенной жизненной ситуации, подпадающей под действие уголовного закона. Юридической формой (своеобразным источником) для правоположений выступают, как правило, приговоры судов по конкретным уголовным делам, определения и постановления вышестоящих судебных инстанций, инструкции Генерального прокурора РФ и т. п.

Социологические исследования, проводимые автором настоящей работы свиде-

тельствуют о том, что правоприменители в своей профессиональной деятельности ориентируются на правовоположения; ибо и в судебной, и в прокурорской системах, и в правоохранительных органах принимаются меры по обеспечению единообразного разрешения принципиальных и спорных вопросов и считается ненормальным принятие разных, зачастую противоположных, решений по аналогичным уголовным делам.

Относительно момента возникновения правовоположения в специальной литературе высказана следующая точка зрения: «лишь с момента закрепления в актах правоприменительных органов выработанные в ходе теоретического осмысления судебной практики правила преодоления коллизий норм права приобретают статус “правовоположения”, представляют собой относительно самостоятельные правовые явления, специфическую разновидность правовой реальности» [10, с. 35]. Позволим себе не согласиться с данным высказыванием по той причине, что соответствующие положения правоприменительных актов приобретают статус «правовоположения» не в момент закрепления в соответствующем индивидуальном правовом акте, а с момента их признания (одобрения) другими правоприменителями в виде следования им в своей практической деятельности, последующего опосредования в иных актах правоприменительных органов, в момент констатации их достаточно распространенной востребованности, признания их устоявшимися, т. е. когда соответствующее положение из единичного разъяснения по конкретному уголовному делу трансформировалось в некое общее правило, распространенное и общепризнанное в правоприменительной среде, тогда мы можем говорить о появлении нового правовоположения.

Применение правовоположений позволяет, не изменяя сложившейся системы уголовного права, преодолевать правовые коллизии и неопределенности в каждом конкретном случае возникновения соответствующей спорной ситуации. Таким образом, правовоположения выступают одним из способов преодоления коллизионных и пробельных ситуаций, возникающих в системе уголовного права, дорабатывают ее, совершенствуют и видоизменяют без задействования громоздкой и длительной процедуры внесения поправок и дополнений в действующие отраслевые формально-юридические источники. Именно правовоположения в состоянии компенсировать естественное отставание уголовного права

от динамики общественных отношений, могут устранять противоречия между относительным «консерватизмом» исследуемой отрасли права и изменчивостью общественной жизни, способны обеспечить их сцепку и системное взаимодействие. Все это подтверждает наш вывод о том, что правовоположения являются важным элементом системосохраняющего механизма в праве (в том числе и в уголовном праве).

Обобщая все изложенное, отметим, что правовоположения — это объективированные в индивидуальных актах правоприменительных органов специальные правила преодоления коллизионных и пробельных ситуаций, возникающих в системе уголовного права, признанные и одобренные иными правоприменителями, которые следуют им в своей профессиональной деятельности, придавая им тем самым востребованный характер.

В то же время правовоположения менее авторитетны, чем нормативно-правовые предписания, содержащиеся в формально-юридических источниках уголовного права, достаточно непрочны, их в любой момент можно отвергнуть или модифицировать в связи с изменением позиций правоприменительных органов. Так, например, во второй половине 1990-х гг. благодаря опубликованию в Бюллетене Верховного Суда РФ решений по ряду конкретных уголовных дел о незаконном предпринимательстве сформировалось правовоположение, согласно которому при исчислении крупного дохода как конститутивного признака данного состава преступления необходимо вычитать из него понесенные преступником расходы, связанные с осуществлением незаконной предпринимательской деятельности¹. Однако впоследствии в связи с принятием Пленумом Верховного Суда РФ постановления «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем»² данное правовоположение было отвергнуто в связи с измене-

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 дек. 1998 г. по делу Леонова // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1999. — № 7. — С. 9–10.

² О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 нояб. 2004 г. № 23 г. Москва // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2005. — № 1. — С. 2–7.

нием позиций высшей судебной инстанции и закреплением новых правил в отраслевом формально-юридическом источнике (в названном постановлении Пленума Верховного Суда РФ). В настоящее время согласно п. 12 данного постановления под доходом в ст. 171 УК РФ следует понимать выручку от реализации товаров (работ, услуг) за период осуществления незаконной предпринимательской деятельности без вычета произведенных лицом расходов, связанных с осуществлением незаконной предпринимательской деятельности.

Отметим, что в специальной литературе подчеркивается необходимость трансформации правоположений, сформулированных правоприменителями в индивидуальных правовых актах, и не вызывающих сомнения ни у теоретиков, ни у практиков, в коллизионные нормы, их перевода в разряд нормативно-правовых предписаний путем опосредования в формально-юридических источниках уголовного права [9, с. 48; 10, с. 37]. Однако следует учитывать то обстоятельство, что соответствующие трансформационные процессы весьма протяженны по времени и ресурсозатратны (зачастую соответствующие правотворческие органы достаточно далеки от нужд правоприменительной деятельности «на местах», своевременно не осведомлены о существовании тех или иных противоречий, пробелов или неопределенностей в сфере уголовного-правового регулирования, либо сами подталкивают к формулированию правоположений, допуская различные логико-структурные дефекты в процессе уголовного правотворчества), в то время как потребности правореализационной практики вынуждают правоприменителей действовать «здесь и сейчас», работать с имеющимися нормативно-правовыми предписаниями уголовного-правового характера, без оглядки на возможные в будущем изменения уголовного законодательства и других отраслевых источников. Поэтому правоположения являются неотъемлемыми реалиями современной российской правовой системы, были, есть и всегда будут, они помогают правоприменителям преодолевать возникающие на практике соответствующие неоднозначные ситуации. Правоприменительная практика своими решениями нейтрализует многие неясности, противоречия и пробелы, существующие в системе уголовного права. Мы не считаем такой способ разрешения соответствующих ситуаций идеальным, однако признаем его

наиболее оперативным и оптимальным способом поднормативного юридического воздействия на уголовно-правовые отношения в современных условиях.

Зачастую существующие нормативно-правовые предписания уголовно-правового характера наполняются реальным содержанием, начинают работать, активно применяться на практике только после того как будут сформулированы правоположения, их обслуживающие; без них они достаточно абстрактны и маловостребованны (особенно это четко прослеживается в случае той или иной формальной неопределенности, противоречивости или пробельности соответствующих предписаний). Однако в настоящее время судебная практика даже не может сослаться на ранее вынесенные решения, содержащие правоположения — созданные ею правила, для обоснования принимаемого решения. В свете изложенного представляется целесообразным закрепить на законодательном уровне право судей ссылаться в обоснование своих выводов по уголовному делу на опубликованные решения (в частности, Верховного Суда РФ) по конкретным делам, в которых разрешены спорные вопросы применения уголовно-правовых норм.

Подводя итоги, можно заключить, что коллизионные нормы и правоположения являются системосохраняющими факторами для отрасли уголовного права, необходимыми для сохранения, защиты целостности правовой системы (и системы уголовного права в частности) от разного рода внешних и внутренних факторов, противодействующих ее нормальному функционированию. Благодаря существованию и применению коллизионных норм и правоположений в уголовно-правовой сфере происходит своеобразная обработка содержания системы уголовного права, обеспечивается необходимое сочленение и гармонизация ее элементов (уголовно-правовых норм, отраслевых институтов, юридических форм внешнего их выражения, а также уголовно-правовых отношений), т. е. поддерживается необходимый уровень их внутриотраслевого единства и целостности. Именно по этой причине коллизионные нормы и правоположения следует признать важными составляющими системы уголовного права, так и правовой системы в целом. Они вносят в уголовно-правовое регулирование известную устойчивость, стабильность, правовую определенность, обеспечивают полноту и эффективность юридической защиты прав человека и основных свобод и

в то же время ограничивают возможность произвольных, необоснованных решений, делают систему уголовного права более рациональной. Именно благодаря коллизионным нормам и правовым положениям существующая система уголовного права не остается беззащитной перед правовыми коллизиями, пробелами и неопределенностями, она как бы усиливает и дополняет

себя соответствующими правилами, тем самым гарантируя отраслевую функциональность и самосохранение. В заключение отметим, что рассматриваемые феномены не являются сугубо уголовно-правовыми, они всеобъемны и вездесущи, пронизывают всю национальную правовую систему и действуют не только на отраслевом, но и на межотраслевом уровнях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С. С. Проблемы теории права. Курс лекций : в 2 т. — Свердловск, 1972. — Т. 2. — 401 с.
2. Власенко Н. А. Коллизионные нормы в советском праве / науч. ред. А. Ф. Черданцева. — Иркутск, 1984. — 100 с.
3. Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права : учеб. для вузов. — М., 2011. — 448 с.
4. Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций : в 3 т. — М., 2011. — Т. 1 : Общая часть. — 496 с.
5. Незнамова З. А. Коллизии в уголовном праве. — Екатеринбург, 1994. — 284 с.
6. Общая теория права / под ред. А. С. Пиголкина. — М., 1998. — 384 с.
7. Тилле А. А. Время, пространство, закон. — М., 1965. — 203 с.
8. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учеб. / под ред. Р. Р. Галиакбарова. — Краснодар, 2000. — 432 с.
9. Чуличкова Е. А. Коллизионное толкование как способ преодоления коллизий уголовно-правовых норм // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. «Право». — 2010. — № 5. — С. 48–53.
10. Яценко Б. В. Правовые положения в уголовном праве // Государство и право. — 2000. — № 6. — С. 34–40.

REFERENCES

1. Alekseev S. S. *Problemy teorii prava* [Issues of the Theory of Law]. Sverdlovsk, 1972. Vol. 2. 401 p.
2. Vlasenko N. A. *Kollizionnyye normy v sovetskom prave* [Conflict Rules in the Soviet Law]. Irkutsk, 1984. 100 p.
3. Lazarev V. V., Lipen S. V. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, 2011. 448 p.
4. Naumov A. V. *Rossijskoe ugovnoe pravo* [Russian Criminal Law]. Moscow, 2011. Vol.1. 496 p.
5. Neznamova Z. A. *Kollizii v ugovnom prave* [Conflicts in the Criminal Law]. Ekaterinburg, 1994. 284 p.
6. Pigolkin A. S. (ed.) *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. Moscow, 1998. 384 p.
7. Tille A. A. *Vremya, prostranstvo, zakon* [Time, Space, Law]. Moscow, 1965. 203 p.
8. Galiakbarov R. R. (ed.) *Ugovnoe pravo Rossijskoj Phederatsii. Obshchaya chast'* [Criminal Law of the Russian Federation. General Part]. Krasnodar, 2000. 432 p.
9. Chulichkova E. A. Conflict Interpretation as a Way of Overcoming the Conflicts of Criminal Law Norms. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Pravo»*. = *Bulletin of South Ural State University. Law Series*, 2010, no. 5, pp. 48–53. (In Russian).
10. Yatselenko B. V. Legal Provisions in the Criminal Law. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2000, no. 6, pp. 34–40. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Денисова Анна Васильевна (Самара) — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии. ФГБОУ ВПО «Самарский государственный университет» (443011, г. Самара, ул. Ак. Павлова, 1, e-mail: anden@front.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denisova, Anna Vasilyevna (Samara) — Ph.D. in Law, Ass. Professor, Chair of Criminal Law and Criminology. Samara State University (Ak. Pavlova st., 1, Samara, 443011, e-mail: anden@front.ru)

УДК 343.9
ББК 67.511

А. Л. Репецкая

*Иркутский юридический институт (филиал)
Российской правовой академии Минюста России,
Иркутск, Российская Федерация*

ПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. 2014. Т. 2, № 3. С. 28–33. ISSN 2306-7136

DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.28-33>

Дата поступления: 05.05.2014

АННОТАЦИЯ

В статье представлен общий анализ состояния преступности и ее перспективных тенденций в первый постсоветский и современный периоды, проанализированы доминирующие факторы, детерминирующие развитие преступности в эпоху постмодерна. Рассмотрены проблемы в сфере осуществления противодействия преступности, названы факторы, затрудняющие ее предупреждение. Автор приходит к выводу о том, что существенное изменение криминогенных детерминант, развитие новых видов преступности в сферах, сложных для социального контроля, изменение структуры и характеристик населения при существующем уровне предупреждения преступности приведут в ближайшем будущем к значительному снижению уровня общественной безопасности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Преступность; криминогенные детерминанты; предупреждение; общественная безопасность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Репецкая А. Л. Преступность в России и проблемы ее предупреждения // Пролог: журнал о праве. — 2014. — Т. 2, № 3. — С. 28–33. — DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.28-33>.

A. L. Repetskaya

*Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy
of the Ministry of Justice of the Russian Federation
Irkutsk, the Russian Federation*

CRIMES IN RUSSIA AND THE ISSUES OF THEIR PREVENTION

PUBLICATION DATA

Journal about Law, 2014, vol. 2, no. 3, pp. 28–33. (In Russian). ISSN 2306-7136

DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.28-33>

Submission date: 05.05.2014

ABSTRACT

The paper presents a general analysis of the condition of criminality and its prospective trends in the early post-Soviet and modern periods; it also analyses the dominating factors determining the development of criminality in the post-modern period. The author examines some issues of fighting crimes and names the factors hindering their prevention. The author concludes that considerable changes in criminogenic determinants, the emergence of new types of crimes in the spheres where public control is problematic as well as changes in the structure and characteristics of population while crime prevention remains on the current level will all result in a significant deterioration of public safety in the nearest future.

KEYWORDS

Crimes; criminogenic determinants; prevention; public safety.

REFERENCES

Repetskaya A. L. Crimes in Russia and the issues of preventing them. *Prolog: zhurnal o prave = Journal about Law*, 2014, vol. 2, no. 3, pp. 28–33. (In Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.28-33>.

Преступность является одним из немногих явлений в жизни общества, которые определяют уровень его безопасной жизнедеятельности. Не случайно общество и государство прилагают достаточно много усилий и тратят колоссальные ресурсные средства на противодействие развитию преступности, что позволяет в необходимой мере сохранять приемлемый уровень общественной безопасности. Однако преступность, будучи системным, самовоспроизводящимся явлением, очень быстро приспосабливается к применяемым к ней формам социального контроля, снижая его эффективность и опережая его реализацию.

Для адекватного государственного реагирования на преступность следует понимать, что процессы, которые детерминировали развитие преступности в России в прошлом, в эпоху постмодерна претерпели существенные, если не сказать глобальные изменения. Эти изменения связаны не только с внутренними преобразованиями, произошедшими за последние несколько десятилетий, но и процессами трансформации всего мира, его интеграцией, изменением геополитической ситуации, глобализацией всех процессов, происходящих в мировом пространстве.

В этой связи и средства, которые использовались для противодействия преступности еще 20–30 лет назад в современный период должны быть другими, либо в значительной мере совершенствоваться, поскольку основным объектом воздействия как на процессы криминализации, так и на процессы виктимизации должны быть детерминанты как криминогенного, так и виктимогенного характера. Иными словами, для того, чтобы система противодействия преступности эффективно работала, прежде всего, необходим тщательный криминологический анализ ситуации, не столько оценивающий саму преступность, сколько процессы, ее детерминирующие. При этом необходимо учитывать следующие моменты.

Представляется, что в период постмодерна произошло изменение доминирующих криминогенных детерминант, связанных с экономической и политической системой, нравственными установками, социальной действительностью при одновременном сохранении особой российской ментальности. Резкий переход от жесткого социального контроля при достаточно стабильных социальных гарантиях к демократии, трактуемой как вседозволенность (в

силу все той же особенности ментальности), диаметрально изменение ценностных ориентаций и значительное сокращение социальной помощи населению не могло не повлечь качественного и количественного изменения преступности, уровня ее общественной опасности по сравнению с советским периодом.

Следствием таких изменений явилась высочайшая доля тяжких и особо тяжких преступлений в общей структуре преступности, превышающая 50 % в первый постсоветский период, ежегодно фиксируемая уголовной статистикой, которая стала снижаться только в 2003 г. (2001 г. — 60 %; 2002 г. — 53 %; 2003 г. — 39,8 %). Криминализация хозяйственного комплекса, сопровождающаяся ростом доли экономических преступлений в общей структуре преступности; рост доли организованной формы преступности и ее профессионализация (ежегодно 30–31 тыс. преступлений, совершенных преступными сообществами, только в регистрации); криминализация политической элиты и политизация преступности; корыстная направленность мотивации большинства видов преступного поведения; вытеснение ситуативной преступности продуманными, тщательно продуманными преступлениями — вот наиболее яркие черты качественной характеристики преступности первого постсоветского периода.

Количественные показатели имели волнообразный рост регистрации преступлений вплоть до 2006 г. — пикового для всего динамического ряда рассматриваемого периода (3,8 млн преступлений). Между тем противодействие преступности этого времени в значительной мере осложнялось депрофессионализацией правоохранительных органов, которая выражалась не только в падении образовательного уровня и отсутствием опыта практической деятельности у сотрудников, но и значительными деформациями психологии профессиональной деятельности как на групповом, так и на индивидуальном уровнях. Кроме того, в данный период наблюдалась значительная депрофилактизация в процессе противодействия преступности. Основное внимание государства в этот момент было направлено на решение других задач, в первую очередь политических и экономических. Оно не только само устранилось от процессов противодействия преступности, но и устранило большую часть субъектов этой деятельности: при посылке, что профилактикой должны

заниматься все, но наряду со своими основными функциями в действительности ей не занимался никто, особенно если речь шла о социальной профилактике правонарушений. Значительное распространение коррупционных процессов окончательно подорвало доверительное отношение к правоохранительной системе со стороны гражданского общества.

Совокупность прогрессивно развивающихся негативных процессов, не только в социальной сфере, но и в экономике и политике, во взаимодействии со значительными дефектами в деятельности системы правоохранительных органов в значительной мере обусловили развитие ранее описанного состояния российской преступности в первый постсоветский период.

В дальнейшем эпоха постмодерна, сохраняя в целом действие комплекса криминогенных детерминант постсоветского периода, демонстрирует смягчение всех перечисленных негативных характеристик российской преступности. Наблюдается последовательное снижение количественных показателей (до 2,1 млн в 2013 г.). Доля тяжких и особо тяжких преступлений уменьшилась до 25 %, организованных — до 17,3 тыс. преступлений. Значит ли это, что состояние преступности действительно улучшается, а уровень общественной безопасности повышается?

Давно уже не является большим секретом, что основная доля реальной преступности является латентной, а в регистрации находится лишь незначительная часть из всех совершенных преступлений¹. При этом нередко латентность преступности действительно является объективной, как следствие — недоверие населения правоохранительным органам, в первую очередь, из-за их коррумпированности либо незаинтересованности в расследовании неочевидных преступлений, сложных для раскрытия.

Между тем криминальная статистика является тем ориентиром, на который равняется вся правоприменительная практика и, как правило, колебания статистической картины преступности вызывают ее соответствующие изменения. Безусловно, что изменения и уголовной статистики, и правоприменительной практики иногда детерминированы политическими интереса-

¹ При среднем количестве преступлений, находящихся в регистрации 2,5–3,0 млн преступлений в год, текущая латентность по разным методикам расчетов составляет 22,0 млн преступлений (см. напр.: [1; 2; 7 и др.]).

ми, в том числе и местного уровня, но чаще валом преступлений, с которым правоохранительные органы просто не справляются, поэтому регистрируют их весьма избирательно. Однако понимая, что реальная картина преступности совершенно другая, чем представляется в статистических отчетах, они вынуждены, тем не менее, корректировать противодействие преступности исходя не из ее реального состояния, а в соответствии с тем ориентиром, который выставляет уголовная статистика, самими же правоохранительными органами и сформированная.

Возникает замкнутый круг, который не позволяет не только эффективно противодействовать преступности, вовремя и рационально перераспределяя усилия правоохранительных органов и других субъектов, занимающихся такой деятельностью, но и иметь представление о реальной картине преступности, ее особенностях и характеристиках в том или ином регионе, а соответственно и в стране в целом. Между тем, криминологический анализ, основанный на подходе, связанном с укрупнением периодов², свидетельствует, что не смотря на значительное снижение абсолютных показателей за последние 6 лет начиная с 2007 г. (в 1,8 раза) уровень преступности 2013 г. (2,1 млн) даже в регистрации превышает уровень 1990 г. (1,8 млн).

Кроме того, при сравнении относительных показателей распространенности преступности и ее интенсивности советского и постсоветского периодов следует констатировать, что за 30-летний советский период (1960–1990) они выросли в 3,3 раза с 361 до 1 243. А за последующее 15-летие (1990–2005) коэффициент увеличился еще в 2 раза (2005 г. он был 2 477), достигнув максимума в 2006 г. с показателем в 2 700 преступлений, приходящихся на 100 тыс. чел. В 2012 г. коэффициент интенсивности преступности составлял 1 609, что значительно выше уровня 1990 г.

Коэффициент преступной активности, как и абсолютные показатели числа выявленных преступников, значительно от-

² Укрупнение периодов — способ, когда динамический ряд анализируется не по отдельным годам, а по периодам в 5–10 лет. Это позволяет отследить долговременные тенденции, которые не прослеживаются на коротких динамических рядах. Какой бы не была статистическая картина преступности в конкретно взятом году или даже в предыдущем и последующем, она существенно сглаживается, если укрупнять анализируемые периоды до 15; 20; 25; 30 лет.

стает от аналогичных показателей зарегистрированных преступлений. Его прирост в первом постсоветском периоде был лишь 32 % и в 1995 г. (накануне принятия нового Уголовного кодекса РФ) составлял только 1 022 преступника на 100 тыс. чел., достигших возраста уголовной ответственности, а за следующее десятилетие этот показатель не только не приблизился к растущим коэффициентам интенсивности преступности, а, наоборот, упал почти в 2 раза: до 860 в 2005 г. В результате можно констатировать, что в постсоветский период разрыв между коэффициентом интенсивности преступности и преступной активностью все больше увеличивается. Сегодня выявляется меньше чем каждый второй преступник, а по отдельным составам, в частности по экономическим преступлениям, только третий, четвертый.

В целом, можно отметить волнообразный характер динамики состояния современной российской преступности с тенденцией поднятия очередной «волны» на качественно иной уровень. Уменьшение количества зарегистрированных преступлений, которое происходит в периоды стабилизации, во-первых, не является значительным для такой страны, как Россия, и никак не компенсирует роста преступности в предшествующих периодах; во-вторых, не отражает действительной динамики развития преступности, отличающейся высокой латентностью.

Таким образом, применительно к оценке современного периода развития российской преступности стоит констатировать, что, несмотря на снижение абсолютных показателей в регистрации преступлений, состояние преступности может оцениваться как стабильное, поскольку латентная часть преступности продолжает оставаться значительной. Это свидетельствует о том, что принимаемые меры противодействия не являются достаточными. Регистрация преступлений, а также практика отказа в возбуждении уголовных дел способствуют снижению показателей зарегистрированной, но не реальной преступности. Кроме того, анализ социально-демографических процессов позволяет прогнозировать на ближайшее будущее рост как абсолютных, так и относительных показателей. Это, прежде всего, связано с тем, что Россия прошла пик «демографической ямы» как следствие резкого снижения рождаемости в начале — середине 90-х гг. XX в. Количество несовершеннолетних и молодых людей в структуре населения постепенно увеличивается.

Население растет также и за счет мигрантов, переезжающих в Россию на постоянное или временное место жительства из сопредельных стран, беженцев из Украины, населения Крыма.

Как не пытается российское государство регулировать миграционные процессы, связанные с ними проблемы, в том числе и криминогенного характера, будут только нарастать, поскольку российская экономика нуждается во внешних трудовых ресурсах. Стремление представителей бизнеса удешевить рабочую силу (опять же в силу особой российской ментальности) приводит к использованию противозаконных средств, а соответственно к развитию коррупции, криминальной эксплуатации и тому подобным процессам, которые в свою очередь неблагоприятно влияют на уровень общественной безопасности в целом.

Еще одной современной проблемой, характерной для эпохи постмодерна, является бурное развитие криминальных рынков как легальных, так и нелегальных товаров и услуг [5]. Обычно эти рынки находятся вне сферы социального контроля или надежно защищены от него с помощью коррупции и других видов криминальных услуг, которые составляют свой расширяющийся криминальный рынок [6]. Уголовно-правовыми мерами бороться с такими рынками чрезвычайно сложно. Эффект может быть только в случае сбалансированного комплексного воздействия экономических, организационных и правовых мер, которые взаимосвязаны и взаимно дополняют друг друга. При этом комплекс таких мероприятий, касающихся легальных товаров и услуг, в значительной мере должен отличаться от аналогичного комплекса, направленного на предупреждение развития рынков нелегальных товаров и услуг.

Другой существенной характеристикой рассматриваемого периода является то обстоятельство, что значительная часть современной молодежи «уходит» из реальной жизни в Интернет, реализуя в виртуальном пространстве свои установки и потребности. Интернет существенно влияет на формирование менталитета молодого поколения (в частности ценностных ориентаций), деформирует способность проводить грань между дозволенным и запрещенным, между реальным миром и виртуальным, атрофирует способность к живому общению, поиску решения конфликтных ситуаций, затрудняет адаптацию к коллективным видам деятельности. Сложившиеся в виртуальном мире типичные реакции

на определенные ситуации могут быть на уровне автоматизмов перенесены в реальную жизнь. Это в значительной мере затрудняет социализацию молодых людей с еще несформированной системой ценностных ориентаций, психикой и отношением к жизни, способствует не только их криминализации (в силу неумения находить правомерные решения в различных жизненных ситуациях), но и повышенной виктимизации. При этом поколение, воспитанное Интернетом и интерактивными играми, только вступает в активную жизнь.

Кроме того, реальностью нашей жизни в целом становится перевод значительной части материальной жизни (документов, фотографий, переписки, денежных операций, покупок, развлечений, книг и т. д.) в цифровое, виртуальное пространство. Развитие цифровых и информационных технологий, компьютерных сетей, расширение Интернет-пространства увеличивает возможности для совершения как традиционных видов преступлений (например, мошенничеств), так и позволяет появляться новым «киберпреступлениям». Представляется, что в ближайшем будущем именно эта часть преступности будет наиболее прогрессивно развиваться сама и детерминировать развитие других преступлений.

Правоохранительная же система пока настроена на реагирование на традиционные виды преступлений, противодействие киберпреступности находится в самом начале своего пути. Специальные отделы по борьбе с такими преступлениями являются немногочисленными и не могут охватить всей латентной части, в которой этот вид в основном и пребывает. По сути, ни в законодательной сфере, ни в правоприменительной адекватной реакции на эту прогрессирующую угрозу всей общественной безопасности нет.

Сама правоохранительная система, не смотря на колоссальные усилия со стороны государства, не претерпела больших изменений со времен первого постсоветского периода. Эпоха постмодерна показала, что фактически невозможно за достаточно короткий период реорганизации и реформирования любой системы вырастить кадры с другим уровнем профессиональной психологии, этики, образования. Органы внутренних дел, стоящие на передовом рубеже борьбы с преступностью, наиболее яркие тому свидетели. Более того сравнительные характеристики личности сотрудников низовых звеньев этой системы и преступников показывают их поразитель-

ное сходство [4, с. 7]. Определенную роль в развитии неблагоприятных тенденций преступности нередко играет и само государство, выбирая ошибочные направления в развитии уголовной (особенно уголовно-правовой) политики, что невольно провоцирует развитие таких процессов, которые не только не способствуют эффективному обеспечению необходимого уровня общественной безопасности, но и существенно его снижают.

Постоянные и нередко противоречивые изменения и дополнения законодательства, на основе которого осуществляется борьба с преступностью, не имеют продуманного концептуального подхода [3, с. 136]. В результате действие этих детерминант (постоянные изменения уголовного закона, не всегда базирующиеся на криминологическом анализе ситуации, не соблюдение принципа неотвратимости ответственности, развитый рынок коррупционных услуг в системе правоприменения) в значительной степени влияет на деформации правосознания не только населения в целом, лиц уже совершивших преступления, но и сотрудников правоохранительных органов.

Что касается современного состояния системы предупреждения преступности, то не заметно каких-либо кардинальных изменений в этом вопросе. До сих пор нет законодательного регулирования этих процессов. Отрывочные нормы различных ведомственных актов не решают проблемы целенаправленного комплексного подхода к регулированию процессов предупреждения преступности, выделения его специальных субъектов — цель деятельности которых — предупреждение преступности. Этот процесс в эпоху постмодерна продолжает оставаться самым насущным (в свете всеобщей гуманизации уголовной политики), самым неурегулированным законодательно и второстепенным с точки зрения правоприменения.

Между тем, анализ основных тенденций преступности постсоветского периода, ее основных детерминант и опыта борьбы с ней¹ свидетельствуют, что преступность продолжает активно развиваться, не смотря на снижение регистрационных показателей, причем делает это в сферах, сложных для осуществления социального контроля. Меняется структура населения и его характеристики, а правоохранительная система

¹ Безусловно, автор коснулся лишь некоторых проблем, существующих в данной сфере, но представляется, что они являются ключевыми.

продолжает оставаться на прежнем уровне развития. Предупреждение преступности пока не является приоритетным направлением в деятельности субъектов, осуществляющих противодействие преступности. В этой ситуации говорить о благоприятных

прогнозах в развитии анализируемых явлений не приходится. Если не изменить уголовную политику в части усиления ее криминологической составляющей, уровень общественной безопасности в России будет снижаться.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кондратюк Л. В., Овчинский В. С. Криминологическое измерение. — М., 2008. — 272 с.
2. Латентная преступность в Российской Федерации. 2001–2006 / С. М. Иншаков, А. А. Корсантия, И. В. Максименко и др. ; под ред. С. М. Иншакова. — М., 2007. — 350 с.
3. Лунеев В. В. Криминология. Углубленный курс. — М., 2013. — 686 с.
4. Панченко П. Н. Государственная власть и ее роль в борьбе с преступностью // Криминологический журнал Байкальского государственного экономического университета. — 2009. — № 1. — С. 5–10.
5. Репецкая А. Л. Криминальный рынок России. Саратов, 2007. — 120 с.
6. Репецкая А. Л. Российский криминальный рынок услуг: структура и характеристика отдельных видов // Криминологический журнал Байкальского государственного экономического университета. — 2008. — № 1. — С. 24–33.
7. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С. М. Иншакова. — М., 2011. — 839 с.

REFERENCES

1. Kondratyuk L. V., Ovchinskij V. S. *Kriminologicheskoe izmerenie* [Criminological Dimension]. Moscow, 2008. 272 p.
2. Inshakov S. M. (ed.) *Latentnaya prestupnost' v Rossijskoj Phederatsii. 2001–2006* [Latent Crimes in the Russian Federation. 2001–2006]. Moscow, 2007. 350 p.
3. Luneev V. V. *Kriminologiya. Uglublennyj kurs* [Criminology. Advanced Course]. Moscow, 2013. 686 p.
4. Panchenko P. N. State Power and its Role in Fighting Crimes. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2009, no. 1, pp. 5–10. (In Russian).
5. Repetskaya A. L. *Kriminal'nyj rynek Rossii* [Criminal Market of Russia]. Saratov, 2007. 120 p.
6. Repetskaya A. L. Russian Criminal Market of Services: the Structure and Characteristics of Specific Types. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 2008, no. 1, pp. 24–33. (In Russian).
7. Inshakov S. M. (ed.) *Teoreticheskie osnovy issledovaniya i analiza latentnoj prestupnosti* [Theoretical Background of Researching and Analyzing Latent Crimes]. Moscow, 2011. 839 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Репецкая Анна Леонидовна (Иркутск) — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и криминологии. Иркутский юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации» (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: repetsk@mail.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Repetskaya, Anna Leonidovna (Irkutsk) — Doctor of Law, Professor, Honorary Lawyer of the Russian Federation, Professor, Chair of Criminal Law and Criminology. Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Nekrasova st., 4, Irkutsk, 664011, e-mail: repetsk@mail.ru)

**ГОРОДСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ ПРОФИЛАКТИКИ
МОЛОДЕЖНОЙ КОРЫСТНО-НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ****ИНФОРМАЦИЯ
О СТАТЬЕ**

Пролог: журнал о праве. 2014. Т. 2, № 3. С. 34–40. ISSN 2306-7136
DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.34-40>
Дата поступления: 29.04.2014

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются главные и ключевые закономерности корыстно-насильственной преступности молодежи в Иркутской области, Красноярском крае и Республике Бурятия. Обосновывается ряд специфических детерминант, оказывающих существенное влияние на воспроизводство молодежной корыстно-насильственной преступности в городских условиях. Описываются особенности распределения молодежных корыстно-насильственных преступлений по административным округам г. Иркутска. Предлагаются отдельные направления общесоциальной профилактики молодежной корыстно-насильственной преступности. Делается вывод, о том, что данное негативное социальное явление существует преимущественно в городских условиях. При этом рассматриваемый вид преступности детерминирован не только традиционным комплексом причин и условий (агрессивность молодежи, неэффективность воспитания, социальное неравенство), но и специфическими факторами, порождаемыми неравномерным, стихийным развитием городской территории. Следовательно, изучение распределения данного вида преступности на примере территории отдельно взятого города представляет интерес для научного исследования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Молодежная преступность; корыстно-насильственная преступность; показатели преступности; городская преступность; социальные гетто; городское планирование.

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ
ОПИСАНИЕ**

Анисимов А. Г. Городское планирование как способ профилактики молодежной корыстно-насильственной преступности // Пролог: журнал о праве. — 2014. — Т. 2, № 3. — С. 34–40. — DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.34-40>.

A. G. Anisimov
*Chief Department of Internal Affairs for Irkutsk Region,
Irkutsk, the Russian Federation*

**CITY PLANNING AS A METHOD OF PREVENTING YOUTH MERCENARY
AND VIOLENT CRIMES****PUBLICATION DATA**

Journal about Law, 2014, vol. 2, no. 3, pp. 34–40. (In Russian). ISSN 2306-7136
DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.34-40>
Submission date: 29.04.2014

ABSTRACT

The paper examines major and key patterns of mercenary and violent crimes in Irkutsk Region, Krasnoyarsk Region and the Buryat Republic. The author argues for the existence of specific determinants that have a considerable impact on the reproduction of youth mercenary and violent crimes in urban conditions. The paper presents a detailed distribution of such crimes by administrative districts in the city of Irkutsk and describes specific methods of general social prevention of youth mercenary and violent crimes. The author concludes that this negative social phenomenon mainly exists in urban conditions, and that the crimes under consideration are determined not

only by a traditional complex of causes and conditions (aggressive behavior of youth, failed parenting, social inequality), but also by specific factors resulting from the uneven and uncontrolled development of the city territory. Thus studying the distribution of such crimes with one specific city as an example is a promising research topic.

KEYWORDS

Youth crimes; mercenary and violent crimes; crime indices; urban crimes; social ghettos; city planning.

REFERENCES

Anisimov A. G. City planning as a method of preventing youth mercenary and violent crimes. *Prolog: zhurnal o prave = Journal about Law*, 2014, vol. 2, no. 3, pp. 34–40. (In Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/10.15727/2313-6715.2014.2.3.34-40>.

Корыстно-насильственные преступления¹ достаточно распространены в молодежной среде. В среднем более 80 % насильственных грабежей и до 100 % разбоев и насильственных вымогательств совершаются людьми в возрасте 18–29 лет².

В структуре региональной преступности удельный вес корыстно-насильственных преступлений, совершенных молодыми людьми в течение последних 13 лет, составил в среднем 5 %, при этом в Восточно-Сибирском регионе максимальные темпы прироста преступлений составили 70,3 %, а уровень преступности оставался стабильно высоким. Все это говорит о том, что проблема молодежной корыстно-насильственной преступности остается достаточно актуальной.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что региональная молодежная корыстно-насильственная преступность является преимущественно городским явлением. Число случаев совершения таких деяний в городе в изучаемый период стабильно росло, в то время как в сельской местности этот показатель держался на стабильно низком уровне или снижался (табл. 1). В этой связи необходимо уделить внимание распределению и динамике рассматриваемого вида преступности на примере крупного города.

Данная характеристика молодежной корыстно-насильственной преступности представляет интерес как с теоретической,

так и с практической точек зрения. Если говорить о теории, то данное распределение может указывать на наличие и качество способствующих молодежной корыстно-насильственной преступности условий применительно к конкретной территории города. Практическая сторона также актуальна и может быть связана, например, с локальным совершенствованием профилактической работы.

Рассмотрим распределение указанной преступности по районам на примере территории г. Иркутска. Так, по мнению иркутян, наиболее криминально пораженным районом является Ленинский административный округ. Хотелось бы подтвердить или опровергнуть данную догадку.

Анализ количества зарегистрированных в административных округах г. Иркутска молодежных преступлений корыстно-насильственной направленности позволяет сделать вывод о том, что Ленинский район по данному показателю находится лишь на 2-м месте, уступая Правобережному административному округу³. По данному показателю лидирует Правобережный округ, где вероятность стать жертвой молодежной корыстно-насильственной преступности значительно выше. Несколько ниже показатель в Ленинском административном округе, еще меньше в Октябрьском, а наиболее «безопасным» является Свердловский административный округ.

Однако количество преступлений само по себе не может дать полное представление о том, насколько велик риск стать жертвой такого преступления в конкретном районе города. Помочь в этом может коэффициент интенсивности преступности (табл. 2),

³ Правобережный округ включает в себя исторический центр г. Иркутска, микрорайоны Зеленый, Топкинский, а также предместья Марата, Рабочее, Радищево.

¹ К корыстно-насильственным преступлениям в данном исследовании отнесены деяния, квалифицируемые по ст. 161 ч. 2 п. «г» УК РФ; ст. 162 УК РФ; ст. 163 ч. 2 п. «в», ч. 3 п. «в» УК РФ. При этом молодежный возраст определен интервалом с 18 до 29 лет.

² Анализ сделан на основе изучения автором 276 уголовных дел и результатов анкетирования 263 респондентов из числа молодежи, в Иркутской области, Республике Бурятия и Красноярском крае.

учитывающий соотношение числа зарегистрированных преступлений к количеству проживающих на данной территории людей. По этому показателю описанное соотношение так же сохраняется.

Объяснить подобную ситуацию можно следующим обстоятельством. Население статистически чаще посещает центр города по различным причинам (праздник, покупки, место работы и т. п.), здесь больше людей и выше доля их взаимодействия, в том числе и связанного с криминальной ситуацией, поэтому в центре города объективно высока вероятность стать жертвой грабежа.

В целом, динамика молодежной корыстно-насильственной преступности в г. Иркутске повторяет динамику по Иркутской области. Так, с 2002 по 2007 г. отмечался существенный рост регистрируемой преступности, а с 2008 г., как и по всей России, наблюдается уменьшение количества зарегистрированных преступлений (табл. 3). Здесь важно отметить по административным округам г. Иркутска ряд особенностей, а именно ответить на вопрос: где рассматриваемая преступность понижалась наиболее существенно, а где снижение не было настолько значительным.

Таблица 1

Динамика количества молодежных корыстно-насильственных преступлений, совершенных в городской и сельской местности в Иркутской области в 2001–2013 гг.

Место совершения преступления	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Сельская местность	288	298	277	274	292	299	319	295	274	259	221	150	127
Город, поселок городского типа	1 204	1 466	1 226	1 515	2 274	1 913	2 152	2 067	1 650	2 845	2 613	2 345	1 970

Таблица 2

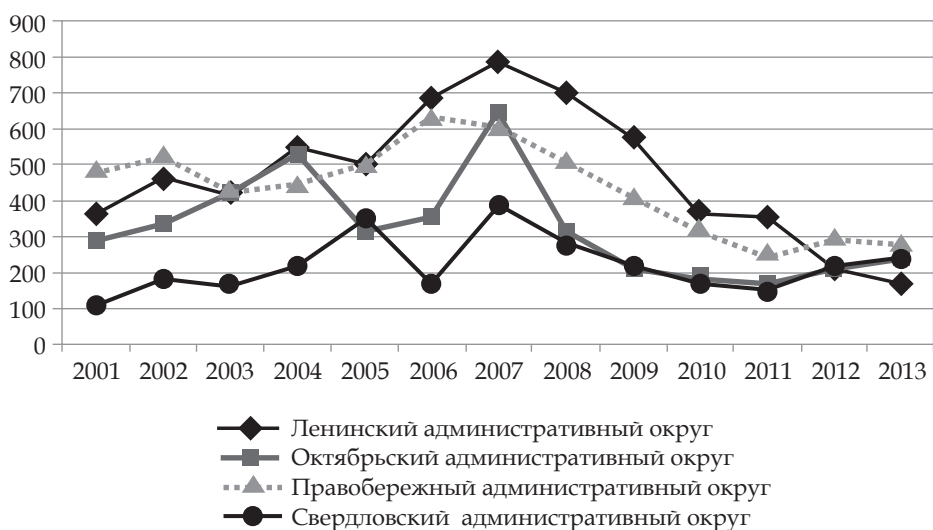
Количество зарегистрированных корыстно-насильственных преступлений, совершенных молодежью в 2001–2013 гг., по административным округам г. Иркутска

Показатель	Административный округ			
	Ленинский	Октябрьский	Правобережный	Свердловский
Число зарегистрированных преступлений	5 515,0	4 275,0	6 379,0	2 892,0
Коэффициент интенсивности преступности (на 10 тыс. чел.)	386,4	298,0	563,7	145,6

Таблица 3

Динамика зарегистрированных корыстно-насильственных преступлений, совершенных молодежью в 2001–2013 гг., по административным округам г. Иркутска

Год	Число зарегистрированных преступлений				Коэффициент интенсивности преступности (на 10 тыс. чел.)				Прирост								
									% к 2001 г.				% к предыдущему году				
	Ленинский	Октябрьский	Правобережный	Свердловский	Ленинский	Октябрьский	Правобережный	Свердловский	Ленинский	Октябрьский	Правобережный	Свердловский	Ленинский	Октябрьский	Правобережный	Свердловский	
2001	364	293	482	107	25,3	20,9	43,6	5,4	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2002	464	336	526	177	32,2	23,9	47,6	9,0	9,12	14,6	27,4	65,4	9,1	14,6	27,5	65,4	
2003	412	433	430	163	28,6	30,9	38,9	8,3	-10,7	47,7	13,2	52,3	-18,2	28,8	-11,2	-7,9	
2004	551	533	442	222	38,3	38,0	40,0	11,3	-8,3	81,9	51,4	107,4	2,8	23,1	33,7	36,2	
2005	505	320	503	351	35,1	22,8	45,5	17,9	4,3	9,2	38,7	228,0	13,8	-39,9	-8,3	58,1	
2006	690	358	639	176	47,9	25,5	57,9	8,9	32,6	22,1	89,6	64,4	27,0	11,8	36,6	-49,8	
2007	788	649	604	388	54,8	46,3	54,7	19,8	25,3	121,5	116,4	262,6	-5,4	81,2	14,2	120,4	
2008	708	314	513	284	49,2	22,4	46,5	14,5	6,4	7,1	94,5	165,4	-15,0	-51,6	-10,2	-26,8	
2009	574	213	410	224	39,9	15,2	37,1	11,4	-14,9	-27,3	57,7	109,3	-20,0	-32,1	-18,9	-21,0	
2010	370	194	322	170	25,7	13,8	29,1	8,6	-33,2	-33,7	1,6	58,8	-21,5	-8,9	-35,5	-24,1	
2011	356	172	253	156	24,7	12,2	22,9	7,9	-47,5	-41,0	-2,1	45,8	-21,4	-11,3	-3,78	-8,2	
2012	204	213	302	225	14,2	14,8	26,6	11,3	-43,9	-27,3	-37,3	110,0	-42,6	23,8	19,3	44,2	
2013	170	242	283	242	11,9	16,8	25,0	12,2	-53,2	-17,4	-41,2	126,0	-16,6	13,6	-6,2	7,5	

*Динамика темпов прироста
молодежной корыстно-насильственной преступности (цепной способ)
по административным округам г. Иркутска в 2001–2013 гг.*

Если обратить внимание на график темпов прироста (цепной способ) молодежной корыстно-насильственной преступности (рис.), то можно выявить следующие закономерности. В частности, несмотря на то, что в Ленинском административном округе за весь период были отмечены достаточно высокие значения показателей рассматриваемой преступности, темпы прироста числа зарегистрированных преступлений демонстрируют тенденцию к снижению и в целом достаточно благоприятны. Лидирующие по количеству зарегистрированных преступлений Правобережный и Свердловский административные округа демонстрируют рост. Так, на фоне последовательного снижения указанного показателя в Ленинском и Октябрьском округах темпы прироста в Правобережном округе оставались достаточно высокими и сохранили положительную динамику. Наиболее негативная динамика отмечена в Свердловском административном округе, где с 2009 г. темпы прироста демонстрируют наиболее высокую положительную динамику. Между тем, одним лишь свойством центра города (как места наибольшего сосредоточения людей) нельзя объяснить неблагоприятную ситуацию в плане рассматриваемого вида преступности. Очевидно, в данном случае имеют место разносторонние факторы. Они же, по-видимому, влияют и на стабилизацию ситуации в Ленинском административном округе.

Проведенное исследование также выявило характерную закономерность, которая заключается в том, что существуют

определенные городские территории, где уровень молодежной корыстно-насильственной преступности остается высоким. Эта характерная черта становится весьма любопытной, если учесть, что в разных городах наблюдались схожие особенности¹. При этом нельзя не учитывать того обстоятельства, что городская среда, как и преступность, представляет из себя сложную систему со множеством многомерных связей, развивающихся (при условии отсутствия изменений извне) относительно самостоятельно.

Любая система (в том числе такая ее разновидность, как городская экосистема) стремится к равновесию, совершение правонарушения в определенном смысле является действием, направленным на «сглаживание» социального противоречия и «уравновешивание» такой системы. Именно «дисбалансы» в городской экосистеме, а не само по себе наличие способствующих условий совершения престу-

¹ Так, в крупных городах трех регионов Восточной-Сибири (г. Иркутск – Иркутская область, г. Красноярск – Красноярский край и г. Улан-Удэ – Республика Бурятия) районы, где стабильно отмечалось значительное количество корыстно-насильственных преступлений, совершенных молодежью, имели схожие социально-экономические и географические характеристики. Как правило, это районы, расположенные неподалеку от промышленных предприятий, крупных транспортных узлов, которые исторически заселялись рабочими различных предприятий (Ново-Ленино и Иркутск II в г. Иркутске, Ленинский район в г. Красноярске, Советский район в г. Улан-Удэ), находящиеся на достаточном удалении от центра города.

пления порождают в конечном итоге акты «уравновешивания», т. е. конкретные преступления.

Коротко можно выделить несколько родственных детерминант, воспроизводящих указанные дисбалансы и как следствие корыстно-насильственную преступность в городах (в том числе и в г. Иркутске), среди них:

1. Упадок системы построения города, разрушение его географической, исторической и культурной природы – процессы децентрализации города, его дробления на множество мелких «центров», каждый из которых становится закрытой социальной системой со своими микрорайонами. В итоге город делится на относительно закрытые зоны, которые коренное население редко надолго покидает. В качестве примера можно привести Ленинский административный округ, который традиционно развивался как значительно удаленный от центра города индустриальный район с большим количеством предприятий и обслуживающей их инфраструктурой. Усугубляет этот процесс деградация доступной транспортной инфраструктуры.

2. Стихийное «столкновение» различных социальных зон, их противопоставление друг другу (своего рода «иерархизация» отдельных городских территорий). Например, центральная часть города, где наряду с такими ультрасовременными объектами, как деловой район «Иркутск-Сити» и торговый центр «Модный квартал», располагаются обширный частный жилой сектор, бараки, стихийная торговая площадка и большое количество частных складских помещений.

3. Отсутствие социального пространства, его постоянное сокращение. В современном Иркутске до сих пор нет системы доступных и разнообразных мест отдыха молодежи, а существующие постоянно сокращаются. Так, например, произошло с Центральным парком культуры и отдыха – на сегодняшний день он остается фактически заброшенным объектом, на территории которого систематически совершаются грабежи и разбойные нападения. Так происходит и с Кайской рощей, которая в последние годы начала активно застраиваться. Однако данная проблема шире, она включает в себя практически полное отсутствие системы пешеходных зон за пределами центра города, доступных сетей общественного питания, развитой транспортной инфраструктуры, детских,

спортивных зон и т. п. Периферия (и даже центр) города в плане пригодности для полноценной повседневной жизни практически не изменились с советских времен. В результате город с каждым годом становится все менее пригодным для полноценной социальной жизни, установления новых социальных связей.

4. Воспроизводство среди людей, живущих в городе, социальной изоляции. Данный процесс имеет две стороны. С одной, это неблагополучное население, которое не может в силу бедности сменить место жительства, надолго выезжать за пределы своего постоянного места проживания и вынуждено общаться лишь с ограниченным кругом знакомых. С другой, это современная экономически активная часть населения, вынужденная много работать и живущая в рамках своего социального пространства и круга общения. Как правило, проживание в городе ограничивается местом работы, магазинами и закрытой (охраняемой) территорией своего дома. Обе указанные группы населения достаточно гомогенны и находятся в определенной социальной изоляции, т. е. в социальных «гетто».

Каждая из указанных детерминант не оказывает существенного влияния на уровень общеуголовной преступности в городе, их простая сумма также незначительна, однако взаимодействие данных обстоятельств на локальном уровне порождает синергетический эффект и воспроизводит негативные деформации сознания, в первую очередь у молодежи.

Молодые люди, проживающие в относительно изолированных удаленных районах, снимающие жилье на вторичном рынке и не имеющие возможности переехать в ближайшей перспективе, чувствуют себя аутсайдерами. Данное обстоятельство вызывает чувство безысходности и фрустрации, которое многократно усиливает наличие недавно построенных благоустроенных домов с закрытыми территориями, торговых центров, предназначенных для более богатого населения. Фактическое отсутствие нормального социального пространства, где можно «выпустить пар» (доступные бары, кафе, спортивные площадки и т. п.), также усугубляет ситуацию. Существующие неподалеку (а также в центре города) ночные заведения, дорогие рестораны, пабы становятся пафосными местами демонстрации достатка и престижа, катализаторами конфликтов. Здесь или около них происходят постоянные

столкновения условно «своих» и «чужих» в зависимости от контекста и конкретной ситуации, которые не только не ослабляют противоречия между разными разобщенными социальными группами, но и постоянно его подогревают. В силу описанных обстоятельств усиливается присущая молодым людям агрессивность, возникают конфликты, которые требуют разрешения. Простейшая форма такого разрешения — демонстрация примитивной агрессии (драки, хулиганство) — может легко перейти в совершение корыстно-насильственного преступления, например в грабеж. Однако для реализации накопившейся агрессии в такой ее неприглядной форме, как преступление, нужно оправдание. Оно должно существовать на уровне обыденного сознания. Как справедливо подмечает Н. А. Подольный, молодежные группировки «любое свое преступление пытаются представить как социально полезные действия, совершенные... лишь потому, что закон не отвечает требованиям справедливости, а государство не может удовлетворить законных требований своих граждан» [1, с. 37]; при этом одним из архаичных стимулов выступает «агрессия к окружающим... мир для них (молодых людей. — А. А.) начинает восприниматься как антагонизм “я — они, мы — они”» [Там же, с. 38]. Такое противопоставление становится возможным благодаря описанной ранее социальной изоляции и взаимодействию указанных детерминант. Иными словами, в силу социальной депривации все люди кроме узкого социального окружения воспринимаются как «чужаки», «враги», а в отношении «врага», как известно, оправдана практически любая форма насилия.

По-видимому, в последнее время в г. Иркутске происходит 2 процесса:

1. Активная застройка Ленинского административного округа, появление ранее не существовавших социальных зон (детские и спортивные площадки во дворах новых жилых комплексов, магазины, кафе), как следствие ликвидация ряда промышленных зон, переезд достаточно состоятельного населения в построенные дома, повышение социального контроля на данной территории.

2. Ликвидация определенной части ранее существовавшего социального пространства в Правобережном, Октябрьском и Свердловском округах в связи со строительством нового жилья, офисов и торговых площадей, как следствие, уплотнение

жилой застройки и субурбанизация¹ этих территорий.

Результатом отмеченных процессов стало смягчение существовавших ранее социальных противоречий для молодежи в Ленинском административном округе и снижение уровня преступности. Другим результатом становится нарастание социальных противоречий в Правобережном, Свердловском и Октябрьском административных округах. Этот процесс «смазан» где-то появляющимися, а где-то нет новыми местами отдыха и досуга молодежи. Важно отметить, что в настоящее время данные процессы носят стихийный характер, а дальнейшее развитие никем не контролируется и слабо поддается прогнозированию.

Описанный комплекс проблем ставит перед системой профилактики преступности ряд новых специфических задач и свидетельствует о необходимости детальной проработки городского планирования, в том числе применительно к профилактике молодежной корыстно-насильственной преступности. Во-первых, проведение криминологических экспертиз объектов инфраструктуры (остановки, жилые дома и т. п.) не только с позиции «обороны» от преступности (замки, двери, видеонаблюдение), но и с точки зрения взаимодействия социальных групп, смягчения проблем такого взаимодействия. Во-вторых, планирование и адаптация под социальные нужды городского пространства с учетом описанных дисбалансов. Ярким примером здесь может служить центр города, как своего рода узел социальных противоречий. Одним из направлений

¹ Субурбанизация — развитие пригородов (от лат. suburbs — пригород). Первоначально она проявляется в возникновении вокруг крупных городов пригородов. В итоге формируются городские агломерации — взаимосвязанные группы поселений (прежде всего городские), объединенные различными видами связей (трудовые, производственные, рекреационные, инфраструктурные и др.) в динамичные системы. Затем начинается более быстрое развитие пригородов (прежде всего демографическое) по сравнению с центральным городом. Наконец, пригороды начинают развиваться за счет центрального города: идет интенсивное переселение в пригородную зону жителей из центрального города, перенос туда промышленных и других функций. Численность населения в центральных городах постепенно сокращается, а социальные противоречия обостряются. — URL : http://www.arzproject.narod.ru/proecty/ugroza/urbanizaciy/_private/new_page_7.htm.

планирования центра может стать постепенное ограничение въезда автотранспорта в город при одновременном развитии и увеличении общественного транспорта, системы охраняемых парковок, а также жилых, спортивных, рекреационных и иных зон. В-третьих, особая экономико-социальная политика, направленная на развитие и поддержку учреждений, прямо или косвенно смягчающих общественные противоречия (социальные кафе, бары, велопарки, спортивные площадки, секции и т. п.). Наконец, четвертая и самая трудновыполнимая на сегодняшний день задача — создание системы «социальных лифтов» для молодежи, формирование

внятной и доступной системы карьерного и социального роста в регионе.

Таким образом, развитие города при постоянном учете и планировании такого развития является одним из важнейших направлений общесоциальной профилактики молодежной корыстно-насильственной преступности. Хотелось бы верить, что органы законодательной и исполнительной власти обратят внимание на описанные городские дисбалансы и будут реализовывать социальную и молодежную политику с учетом таких противоречий. В противном случае уровень общеуголовной городской и уличной преступности будет с годами лишь увеличиваться.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Подольный Н. А. Молодежная организованная преступность: особенности детерминации и характеристика // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2010. — № 2. — С. 34–40.

REFERENCES

1. Podolny N. A. Organized Youth Crime: Definition and Specifics. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* = *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2010, no. 2, pp. 34–40. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анисимов Андрей Геннадьевич — старший инспектор отдела анализа, планирования и контроля штаба. ГУ МВД России по Иркутской области (664003, г. Иркутск, ул. Литвинова, 15, e-mail: 7821@mail.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anisimov, Andrey Gennadyevich — Senior Inspector, Headquarters' Analysis, Planning and Control Division. Chief Department of Internal Affairs for Irkutsk Region (Litvinov st., 15, Irkutsk 664003, e-mail: 7821@mail.ru)

УДК 159.9:316.6
ББК 88.5

А. Г. Терещенко

*Иркутский юридический институт (филиал)
Российской правовой академии Минюста России,
Иркутск, Российская Федерация*

Н. Г. Васильев

*Иркутский юридический институт (филиал)
Российской правовой академии Минюста России,
Иркутск, Российская Федерация*

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ К УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОМУ ПРОЦЕССУ ВУЗА

**ИНФОРМАЦИЯ
О СТАТЬЕ**

Пролог: журнал о праве. 2014. Т. 2, № 3. С. 41–49. ISSN 2306-7136
DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.41-49>
Дата поступления: 14.04.2014

АННОТАЦИЯ

Рассмотрены особенности адаптации студентов-юристов к условиям обучения в вузе. Показано, что адаптация студентов зависит от типа общей и профессиональной направленности, специфики возникающих в процессе адаптации трудностей, уровня развития познавательной активности, а также от качества организации учебно-воспитательного процесса юридического вуза. Выявлен комплекс факторов, влияющих на адаптацию, определены критерии. Предложен ряд рекомендаций по организации процесса адаптации студентов к учебно-воспитательному процессу вуза.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Адаптация; дезадаптация; социальная адаптация; социально-психологическая адаптация; профессиональная адаптация; направленность личности; активность личности; самосознание; правовое сознание.

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ
ОПИСАНИЕ**

Терещенко А. Г., Васильев Н. Г. Особенности адаптации студентов-юристов к учебно-воспитательному процессу вуза // Пролог: журнал о праве. — 2014. — Т. 2, № 3. — С. 41–49. — DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.41-49>.

A. G. Tereshchenko

*Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy
of the Ministry of Justice of the Russian Federation
Irkutsk, the Russian Federation*

N. G. Vasilyev

*Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy
of the Ministry of Justice of the Russian Federation
Irkutsk, the Russian Federation*

SPECIFICS OF LAW STUDENTS' ADAPTATION TO UNIVERSITY EDUCATION

PUBLICATION DATA

Journal about Law, 2014, vol. 2, no. 3, pp. 41–49. (In Russian). ISSN 2306-7136
DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.41-49>
Submission date: 14.04.2014

ABSTRACT

The authors analyze the specifics of law students' adaptation to university education. They prove that a student's adaptation depends on the general and personal orientation type, on specific difficulties arising in the process of adaptation, on the level of cognitive activities' development as well as on

the quality of educational process' organization at a law university. The authors single out a set of factors influencing such adaptation and determine their criteria. They also offer some recommendations on the organization of student adaptation process.

KEYWORDS

Adaptation; de-adaptation; social adaptation; socio-psychological adaptation; professional adaptation; personal orientation; personal activity; self-consciousness; legal consciousness.

REFERENCES

Tereshchenko A. G., Vasilyev N. G. Specifics of law students' adaptation to university education. *Prolog: zhurnal o prave = Journal about Law*, 2014, vol. 2, no. 3, pp. 41–49. (In Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.41-49>.

Для успешного управления учебно-воспитательным процессом студентов необходимо учитывать, что с поступлением в юридический вуз они попадают в непривычную социальную и учебную среду, к которой предстоит адаптироваться. Поэтому управление учебно-воспитательным процессом на первых порах тесно связано с решением проблемы адаптации. Организация успешной адаптации способствует более быстрому включению их в студенческую среду, облегчает процесс обучения и воспитания, обеспечивает успешность овладения знаниями умениями и навыками — это в определенной мере способствует повышению качества подготовки специалистов с высшим юридическим образованием.

Целью данного исследования было выявление общих и специфических особенностей адаптации студентов к условиям обучения, а также возможность использования полученных результатов при организации учебной деятельности, проведении и планировании на научной основе воспитательной и учебной работы со студентами-юристами. Объектом исследования являлись студенты Иркутского юридического института (филиала) Российской правовой академии (340 чел.). Предмет исследования — процесс адаптации студентов-юристов к условиям юридического вуза, его особенности и зависимость от ряда объективных и субъективных социально-психологических и педагогических факторов.

Основными методами исследования стали: анализ научной документации, литературы по проблеме исследования, изучение учебной документации, личных дел, статистических данных об успеваемости студентов, анкетирование, рейтинг, социометрическая методика В. И. Зацепина, тесты по определению направленности личности, уровня тревоги, потребности в достижении и общении, а также методи-

ка диагностики личности на мотивацию успеха Т. Элерса, методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда, методика диагностики уровня социальной фрустрированности Л. И. Вассермана и др.

Проблеме адаптация студентов в научной литературе уделяется большое внимание. Большинство исследователей она рассматривается как многосторонний, многоуровневый, динамический процесс [1–3]. В основном, выделяются и изучаются следующие уровни адаптации: социальный, психологический, социально-психологический, профессиональный и педагогический.

Социальный уровень адаптации большинством авторов рассматривается как активный процесс взаимодействия индивида и среды, приобретения необходимых для жизни трудовых навыков, знаний, активного самоутверждения человека в жизни, усвоения личностью основных норм, образцов, ценностей новой среды, процесс «вхождения индивида в ту или иную социальную роль» [1].

Психологический уровень адаптации включает приспособление психических функций и одновременное изменение отдельных свойств личности. Это связано с тем, что с поступлением в вуз молодые люди попадают в новые, непривычные для них условия, в результате чего происходит ломка годами выработанного динамического стереотипа к формированию новых привычек, установок, навыков. Успешность адаптации на первых курсах во многом определяется индивидуально-психологическими особенностями. Именно поэтому актуальным является изучение состояния психофизиологической сферы студентов. Изучение адаптации на уровне тех или иных физиологических характеристик нашло отражение в работах П. А. Просецкого [6].

Социально-психологический уровень понимается как включение индивида в систему межличностных отношений. В таком случае социально-психологическая адаптация понимается как приспособление индивида к группе, к взаимоотношениям в ней, как выработка собственного стиля поведения [2].

Профессиональный аспект адаптации рассматривается как процесс вхождения личности в профессиональную среду, усвоение ею норм и ценностей, приспособление к характеру, содержанию и условиям организации учебного процесса, выработке у нее навыков самостоятельной учебной и научной работы [5].

Педагогический аспект адаптации связан с особенностями приспособления студентов к новой системе обучения, необходимости усвоения большого объема знаний по сравнению со средней школой. Педагогическая адаптация предусматривает необходимость поиска такого содержания, форм, методов учебно-воспитательной работы, с помощью которых вузовские коллективы смогли бы устранять, предупреждать и смягчать отрицательные последствия дезадаптации, ускорять процесс социально-психологической и профессиональной адаптации студентов.

Адаптация всегда связана с переходом на новые режимы, вхождением в новые социальные роли, т. е. с определенной перестройкой личности. Учитывая все перечисленное, адаптацию студентов следует рассматривать как процесс, обусловленный включением студента в новую социальную и учебную среду юридического вуза, где под руководством преподавателей, использующих основные и интерактивные формы и методы обучения, происходит формирование структуры деятельности студента и устойчивых личностных отношений ко всем компонентам педагогической системы [8].

Резкая ломка привычного рабочего стереотипа (динамического стереотипа) иногда приводит к нервным срывам и стрессовым реакциям. По этой причине период адаптации, связанный с ломкой прежних стереотипов, может на первых порах обусловить и сравнительно низкую успеваемость, и трудности в общении. У одних студентов выработка нового стереотипа проходит скачкообразно, у других ровно. Несомненно, эти особенности связаны с характеристиками типа высшей нервной деятельности, однако, социальные факторы здесь имеют реша-

ющее значение. Знание индивидуальных особенностей каждого студента, на основе которого строится система включения его в новые виды деятельности и новый круг общения, дает возможность избежать дезадаптационного синдрома, сделать процесс адаптации ровным и психологически комфортным.

Проведенное исследование позволило выявить три уровня адаптации (то есть степени ее полноты и глубины) студентов-юристов:

- инициативный, характеризующийся положительным отношением студентов ко всем элементам педагогической системы вуза;
- ситуативный, основанный на положительном отношении к педагогической системе, хотя с некоторой долей отрицательного отношения к отдельным элементам этой системы;
- конфликтный, содержащий отрицательное отношение к большинству элементов педагогической системы.

В данном исследовании нашли также отражение вопросы, касающиеся скорости и интенсивности протекания процесса адаптации во времени, темпу адаптации, ее периодизации. Данные показали, что основной этап адаптации приходится на 1-й год обучения. Однако основная масса студентов адаптируется на 1-3 курсах. Вместе с тем, есть небольшая группа студентов, адаптация которых, в основном, завершается лишь к 4-5 курсам. Обычно в 1-й год обучения у студентов происходит адаптация к социальной культуре вузовской жизни, функциям студенчества, приобретаемой профессии; 2-й год – укрепление статуса и переход к специализации; 3-4 курсы – профессиональная адаптация, более критическое отношение к лекциям, преподавателям, коллективу, однокурсникам, чувство группового и академического равноправия с лектором.

Исследование проблемы адаптации в конечном счете сводится к раскрытию той совокупности факторов, которые определяют относительно быструю, полную и устойчивую адаптированность. Под факторами адаптации понимается совокупность условий и обстоятельств, которые определяют темп, уровень, устойчивость и результат адаптации.

В данном исследовании был выявлен комплекс факторов, влияющих на адаптацию: социально-демографический (социальное происхождение, национальность, среда); психологический, социальной зре-

лости (активность, самостоятельность, ответственность, уровень самоконтроля); психолого-педагогический (характер направленности, уровень профессиональной деятельности преподавателя, ценностно-ориентационная направленность, дисциплинарные характеристики личности); педагогический (логические связи между дисциплинами, содержание учебного процесса с учетом его профессиональной направленности, информированность студента об особенностях учебной деятельности и вузовских требованиях).

В качестве критериев адаптации рассматривали учебную успешность (успеваемость, удовлетворенность профессиональной подготовкой, самоорганизация), показатели формирования профессиональной направленности (отношение к избранной профессии, профессиональные установки, профессионально-мотивационные качества: правосознание юриста, профессиональную концепцию, профессиональные мотивы), общественную (наличие активной жизненной позиции, умение организовать и руководить собой и другими) и научную активности (участие в научном творчестве, кружках, научно-исследовательских группах).

В результате были выявлены четыре группы трудностей адаптации, с которыми встречаются студенты. Первая группа связана с особенностями психического саморегулирования поведения и деятельности. Она обусловлена недостаточной подготовленностью первокурсников, слабостью их волевых процессов, неумением организовать себя, свое поведение, режим труда и отдыха. Вторая группа трудностей зависит от организации умственного труда. Первокурсники остро переживают ломку привычного стиля умственной деятельности, который сложился за годы учебы в школе. Они не умеют правильно конспектировать лекции, находить первоисточники и нужные сайты, заниматься в читальном зале. Излагаемый в лекциях материал, большое количество семинарских и практических занятий, приближающаяся сессия вызывают у студентов чувство тревоги. Третья группа трудностей возникает в связи с их уходом из семьи и школьного коллектива. Первокурсники переживают утрату прежних друзей, коллективистских отношений, взаимной помощи и других привычных ценностей. Четвертая группа трудностей обусловлена психологической неподготовленностью первокурсников к овладению юридической профессией.

Тувинские студенты с первых дней пребывания в институте испытывают значительные трудности, которые отличны от трудностей остальных студентов: недостаточное знание русского языка, неорганизованность неофициальных контактов, незнание их национальных особенностей поведения и общения со стороны однокурсников, отсутствие навыков самостоятельной работы, слабая сформированность умений саморегулирования поведения, психологическая неподготовленность к овладению избранной профессией, трудности включения в новую социальную, учебную и языковую среду.

Совокупность трудностей, возникающих на первоначальном этапе обучения в вузе, создает у многих студентов «дидактический барьер», который имеет место тогда, когда студент осознает сам факт перемены в методах и организации обучения, сталкивается с необходимостью выполнять больший в сравнении со средней школой объем самостоятельной работы, испытывает умственное переутомление, проявляющееся в ослаблении внимания и памяти, в ощущении усталости к концу дня.

При работе с первокурсниками особое внимание следует уделять на преодоление трудностей педагогического и психологического характера, развитие у студентов тех интересов, потребностей и ценностных ориентаций, с которыми связано освоение юридической профессии. Успех обучения студентов в решающей степени зависит от процесса профессионально-педагогической и социально-психологической адаптации, от того, насколько и как владеет студент знаниями, навыками, необходимыми в студенческой среде, на какие ценности он будет ориентировать себя уже в начальный период обучения [4].

Данные опроса выявили у 53 % студентов наличие тех интересов, потребностей и ценностных ориентаций, с которыми связано освоение профессии, готовность формировать профессионально-важные качества юриста, интерес к юридической профессии. У целого ряда студентов (35 %) наблюдается неопределенное отношение к своей будущей профессии. Это, как правило, студенты, которые случайно попали в вуз. В работе с такими студентами в период адаптации следует формировать положительное отношение к профессии, воздействовать на установки, которые приводят к колебаниям. Студенты, имеющие отрицательное отношение к профессии (12 %), как правило, учатся без желания, не проявляют

никакой инициативы. Поэтому в работе с ними следует разрушать стереотипное отрицательное отношение к получаемой профессии и создавать необходимые условия для формирования нового стереотипа.

Целью профессионального юридического образования является формирование системы отношений личности студента к профессиональной деятельности, где основным должно быть доброжелательное отношение к другим людям и профессиональной деятельности, себе как субъекту деятельности. Основными элементами профессиональной направленности при этом являются социально-мотивационные и профессионально-мотивационные качества [7]. Уже при планировании своей деятельности любой студент должен мысленно сопоставлять свои действия с нормами законодательства, которые регламентируют эти действия. Данное обстоятельство формирует стремление строго придерживаться правовых норм, соблюдать нравственные и этические нормы, а также иметь высокий уровень правосознания.

Правосознание — основной элемент профессиональной направленности. Мироззрение юриста опосредуется в правосознании и представляет собой единство правовой идеологии и правовой психологии, рассматривается как система правовых знаний, представлений и идей, а также как совокупность социальных чувств, переживаний, привычек, возникающих в процессе действия правовых норм. Правосознание зависит от общей ценностной ориентацией в отношении общества, его способности к соционормативной саморегуляции [Там же]. Для ценностно-правовых ориентаций юристов характерны высокая степень усвоения принципов и требований права, убежденность в их необходимости и справедливости, готовность целеустремленно и решительно воплощать их в жизнь в процессе повседневной юридической практики.

Исследование профессиональной направленности студентов-юристов показало, что лица, мотивационная сфера которых определяется мотивацией достижения, в учебной деятельности добиваются гораздо больших результатов, чем те, у кого ведущими являются мотивы избегания неудачи. Проблема формирования профессиональной мотивации выступает как проблема воспитания психологических установок, определяющих развитие личности студента в плане ее подготовки к профессиональной деятельности. Так, для большинства

студентов основными мотивами выбора профессии являются ее общественная значимость и интерес (76 % опрошенных).

Изучение профессионально-мотивационных качеств личности (уровня правосознания, его профессиональной концепции, профессиональных мотивов) показало, что в зависимости от курса обучения по этим параметрам у студентов обнаружилось значительные различия. Например, формирование профессиональной концепции как элемента профессиональной направленности, как совокупность усвоенных профессиональных взглядов, убеждений и побуждений, выражающих понимание целей и задач юридической деятельности, ее места в образе организации, образе деятельности, образе коллектива наблюдается лишь у части студентов 4–5 курсов. Отмечен факт, что нередко и у выпускников имеются проблемы в выборе профессиональной концепции.

Процесс выбора профессии, обучения в вузе стал сегодня для многих студентов прагматическим, целенаправленным и соответствующим происходящим в обществе переменам. Ценность образования как самостоятельного социального феномена, имеющего социокультурную, личностную и статусную привлекательность, отступила на более дальний план. С появлением коммерческого набора в вуз пришли обеспеченные студенты, привыкшие себе ни в чем не отказывать, уверенные в правильности своего выбора, хорошо осведомленные о специфике юридической деятельности. Эти студенты, возможно, вдохновленные примером родителей, без страха глядят в будущее, имеют четкую профессиональную перспективу.

Результаты проведенного исследования показывают, что у студентов, обучающихся на коммерческой основе, более ярко выражено стремление к достижению профессионального успеха (9–18 %). Они выше, чем студенты, обучающиеся на бюджетной основе, оценивают значимость хорошего образования, профессиональной подготовки (38 %), лучше владеют иностранными языками (22 %), обладают духовно и культурно богатой жизнью (43 %).

Выявились различия в структуре мотивации получения высшего образования у сравниваемых групп студентов. Студенты, обучающиеся на бюджетной основе, в целом высказали более традиционные установки — получить диплом (8 %), приобрести профессию (64 %), заниматься наукой (5 %), пожить студенческой жизнью (16 %).

У студентов, обучающихся на коммерческой основе, доминирует стремление добиться материального благополучия (54 %), свободно овладеть иностранными языками (34 %), стать культурным человеком (30 %), добиться уважения в кругу знакомых (24 %), продолжить семейную традицию (10 %).

Успех овладения профессией будет зависеть от того, насколько разовьется потребность в усвоении профессии. Для этого особое значение имеет психолого-педагогическая атмосфера учебного заведения, качество преподавания, материально-техническая база, техника и методика учебного процесса. На сегодня качеством обучения удовлетворены в полной мере 53 % опрошенных.

Успех овладения профессией будет зависеть от того, насколько разовьется потребность в усвоении профессии. Для этого особое значение имеет психолого-педагогическая атмосфера учебного заведения, качество преподавания, материально-техническая база и методика учебного процесса. На сегодня качеством обучения удовлетворены в полной мере 53 % опрошенных. Успешность обучения студентов зависит от многих факторов, среди которых одним из важнейших является интеллектуальное развитие студента, его внимания как функции регуляции познавательной деятельности. Спрашивая первокурсников: «С чем непривычным, новым встретились на первом курсе?», получили следующие ответы: «с иной, в отличие от школы, организацией обучения (49,3 %); «с большим объемом самостоятельной работы» (49,0 %); «с особенностями самостоятельной жизни в отрыве от семьи» (20,2 %); «с новыми для меня нормами студенческого коллектива (12,4 %). Все эти факторы очень влияют на процесс адаптации студента к новым для него условиям вузовской жизни. От того, как студент, особенно живущий в отрыве от семьи, пройдет этот путь, будет во многом зависеть качество его учебы.

Исследования показывают, что первокурсники не всегда овладевают знаниями отнюдь не потому, что получили слабую подготовку в средней школе, а потому, что у них не сформированы такие умения, как готовность к учению, способность учиться самостоятельно, контролировать и оценивать себя, владеть индивидуальными особенностями познавательной деятельности, распределять свободное и рабочее время для самоподготовки. У части студентов недостаточно воспитано трудолюбие к самообразованию и самовоспитанию.

Известно, что методы обучения в вузе резко отличаются от школьных: оказывается, можно не всегда готовиться, не надо каждый день что-то учить, решать, запоминать (как это было в школе). В результате возникает мнение о кажущейся легкости обучения в вузе в 1-м семестре, формируется уверенность все наверстать и освоить перед сессией, появляется беспечное отношение к учебе.

Многие первокурсники испытывают большие трудности, связанные с отсутствием навыков самостоятельной работы, они не умеют конспектировать лекции, работать с учебниками, находить и добывать знания из первоисточников, анализировать информацию большого объема, четко и ясно излагать свои мысли. Адаптация студентов к учебному процессу у большинства студентов заканчивается в конце 2-го – начале 3-го семестра. Одной из главных причин, затрудняющей процесс адаптации в институте, является недостаток времени для самостоятельной работы (50 % опрошенных назвали эту причину). В связи с этим почти 25 % студентов приходят на занятия неподготовленными. У части студентов формируется своего рода «психология тройки» – «учиться не уча». Уверенность в том, что учеба на тройки не помешает стать хорошим специалистом, растет от курса к курсу.

Рабочий день студента достаточно уплотнен и в соединении с аудиторными занятиями превышает 8–9 ч. Однако при этом обнаруживается очень большой разброс и разнотой в рабочем времени, определяемый различным отношением к учебе. В основном студенты ежедневно тратят от 2 до 3 ч на подготовку по профилирующим предметам и только 22 % студентов расходуют на это менее 1 ч. По непрофилирующим предметам картина несколько иная: до 1 ч тратят 50,1 %; до 2 ч – 22,5 % студентов. Система обучения в вузе в значительной степени рассчитана на высокий уровень сознательности, построена на интересе студентов, ибо формально в ней отсутствует жесткая система ежедневной школьной проверки, «страх» перед учителем, необходимость ежедневно готовить урок. Некоторые студенты, поступив в институт, потом оказываются не готовы учиться в вузе. Система вузовского контроля допускает возможную неритмичность в работе, нередко ориентируется на штурм во время экзаменационной сессии. На вопрос «Как предпочитаете готовиться к экзаменам?» только 9 % студентов ответили, что готовятся во время семестра, а во время

сессии только просматривают материал, 47,6 % — как правило, заново изучают материал всего курса по учебнику и конспектам и 42 % — готовятся только по конспектам.

Для выработки тактики и стратегии, обеспечивающих оптимальную адаптацию, важно знать жизненные планы и интересы студента, систему доминирующих мотивов, уровень притязаний, самооценку, способность к сознательной регуляции поведения.

Процесс адаптации каждого студента идет по-разному. Юноши и девушки, имеющие трудовой стаж, легче и быстрее адаптируются к условиям студенческой жизни и быта, вчерашние школьники — к академической (учебной) работе. Задача студенческой группы — создание условий для общей оптимальной деятельности. Во всех учебных заведениях специально планируется система мероприятий, способствующих адаптации первокурсников к условиям вуза. К числу таких мероприятий относятся работа по формированию и комплектованию академических групп, ритуал «Посвящение в студенты», знакомство с историей вуза, ведение аттестации, проведение тренингов.

Развитие студента на разных курсах имеет некоторые особые черты. Так, первый курс решает задачи приобщения студента к студенческим формам коллективной жизни. Поведение первокурсников отличается комфортностью, отсутствует дифференцированный подход к своим ролям. Второй курс — период самой напряженной учебной деятельности студентов. В жизнь второкурсников интенсивно включены все формы обучения и воспитания. Студенты получают общую подготовку, формируются их широкие культурные запросы и потребности. В норме процесс адаптации к учебной среде, в основном, завершен. Третий курс — начало специализации, укрепление интереса к научной работе, развитие и углубление профессиональных интересов. Настоятельная необходимость в специализации зачастую приводит к сужению сферы разносторонних интересов личности. Формы становления личности определяются фактором специализации. Четвертый курс — первое реальное знакомство со специальностью в период прохождения учебной практики. Для поведения студентов характерен интенсивный поиск более рациональных путей и форм специальной подготовки, происходит переоценка студентами многих ценностей жизни и культуры. Пятый курс — перспектива ско-

рого окончания вуза — формирует четкие практические установки на будущий вид деятельности. Появляются новые, становящиеся все более актуальными, ценности, связанные с материальным и семейным положением, местом работы. Студенты постепенно отходят от коллективных форм жизни вуза.

Поиски друга жизни играют в студенческие годы большую роль, оказывая внимание на успеваемость, общественную деятельность студентов. Интерес к противоположному полу занимает значительное место в мыслях и поведении студентов, но было бы ошибкой видеть в этом негативное влияние. Интимные отношения нередко способствуют повышению желания учиться лучше, рабочему настроению, творческой активности. Данные социологов свидетельствуют, что, как правило, после некоторого «затишья» семейные пары не остаются в стороне от общественной жизни и не выпадают из коллектива, хотя число непосредственных групповых контактов несколько уменьшается.

В целом развитие личности студента как будущего специалиста с высшим образованием идет по ряду направлений: укрепляется идейная убежденность, профессиональная направленность, развиваются необходимые способности; профессионализируются психические процессы, состояние, опыт; повышается чувство долга, ответственность за успех профессиональной деятельности, рельефнее выступает индивидуальность; растут притязания в области юридической профессии; на основе интенсивной передачи социального и профессионального опыта формируется общая зрелость, а также определенная устойчивость; повышается удельный вес самовоспитания в формировании качеств, опыта, необходимых ему как будущему специалисту; крепнут профессиональная самостоятельность и готовность к будущей практической работе.

Для активизации работы по успешной адаптации студентов младших курсов необходимо использовать творческие проблемные методы обучения и воспитания, прививать практические навыки, любовь к будущей профессии; анализировать причины отсева из института; оказывать квалифицированную помощь по изучению проблем, связанных с адаптацией; совершенствовать систему поощрения отличников учебы, участников научно-исследовательской работы; привлекать к участию в кружках, научных сообществах, развивать ин-

терес к исследованиям; добиваться активного участия в общественной и культурной жизни института, привлекать к занятиям физкультурой и спортом, различным формам общественного полезного труда.

На основании проведенного исследования предложен ряд рекомендаций по организации процесса адаптации студентов: шире привлекать их к общественной работе; своевременно выявлять студентов с высоким уровнем тревожности; устанавливать причины возникновения отрицательного напряжения; вовлекать в общественную работу; своевременно выявлять высокий уровень тревожности; формировать сочетание научной и профессиональной направленности; использовать показатели потребности в общении и достижении для прогнозирования успеха в учебной деятельности; привлекать студентов к участию в научных кружках.

Следует помогать студентам в преодолении и выявлении основных трудностей адаптации. С этой целью необходимо учитывать отрицательные переживания, связанные с уходом вчерашних школьников из школьного коллектива; неопределенность мотивации выбора профессии и недостаточную психологическую подготовку к ней; отсутствие навыков самостоятельной работы, неумение конспектировать, работать с первоисточниками, компьютерными программами, словарями, справочниками, указателями.

Перечисленные трудности различны по своему происхождению. Одни из них объективно неизбежны, другие носят субъективный характер и связаны со слабой подготовкой, дефектами воспитания в семье и школе. Вследствие этого на 1-м этапе обучения, по нашему мнению, особое внимание надлежит уделять следующим видам и формам адаптации:

- профессиональной адаптации, под которой понимается приспособление к характеру, содержанию, условиям и организации учебного процесса, формированию навыков самостоятельности в учебной и научной работе;

- социально-психологической адаптации — приспособление студента к группе, взаимоотношениям с ней, выработка собственного стиля поведения;

- адаптации формальной, касающейся познавательно-информационного приспособления студентов к новому окружению, структуре высшей школы, содержанию обучения в ней, к ее требованиям, своим обязанностям;

- общественной адаптации — процесс внутренней интеграции (объединения) групп студентов-первокурсников и интеграция этих же групп со студенческим окружением в целом;

- дидактической адаптации, касающейся подготовки студентов к новым формам и методам учебной работы в высшей школе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Д. А. О понятии адаптации: Исследование адаптации студентов к условиям учебы в вузе // Человек и общество. — Вып. 13. — С. 25–29.
2. Егорова Л. Г. Адаптация студентов к условиям обучения в техническом вузе // Проблемы обучения и воспитания студентов на первом курсе. — Л., 1976. — С. 3–9.
3. Кандыбович Л. А., Дьяченко М. И. Психология высшей школы. — Минск, 1978. — 383 с.
4. Лисовский А. В. Социально-психологическое исследование образа жизни студенчества. — Л., 1980. — 248 с.
5. Насеко М. К., Луценко Л. В. О некоторых возможностях управления адаптацией студентов. — Вильнюс, 1978. — 69 с.
6. Просецкий П. А. Адаптация студентов первого курса к вузу // Эффективность подготовки специалистов. — Каунас, 1969. — С. 188–191.
7. Соколов Н. Я. Правосознание юристов: понятие, сущность и содержание // Российская юстиция. — 1994. — № 11. — С. 18–25.
8. Терещенко А. Г., Бубнова И. С. Социализация и социальная адаптация личности : учеб. пособие. — Иркутск, 2013. — 157 с.

REFERENCES

1. Andreeva D. A. On the Concept of Adaptation : Research of Student Adaptation to Studying at University. *Chelovek i obshchestvo = Man and Society*, Vol. 13, pp. 25–29. (In Russian).
2. Egorova L. G. Student Adaptation to Studying at a Technical University. *Problemy obucheniya i vospitaniya studentov na pervom kurse = Issues of the Education and Development of First-Year Students*. Leningrad, 1976, pp. 3–9. (In Russian).
3. Kandybovich L. A., D'yachenko M. I. *Psikhologiya vysshej shkoly* [Psychology of High School]. Minsk, 1978. 383 p.

4. Lisovskij A. V. *Sotsial'no-psikhologicheskoe issledovanie obraza zhizni studenchestva* [Socio-Psychological Research of Student Lifestyle]. Leningrad, 1980. 248 p.
5. Naseko M. K., Lutsenko L. V. *O nekotorykh vozmozhnostyakh upravleniya adaptatsiej studentov* [On Some Options for Managing Student Adaptation]. Vilnius, 1978. 69 p.
6. Prosetskij P. A. First-Year Student Adaptation to University. *Ephphektivnost' podgotovki spetsialistov = Efficiency of Specialists' Training*. Kaunas, 1969, pp. 188–191. (In Russian).
7. Sokolov N. Ya. Legal Consciousness of Lawyers: Concept, Essence and Content. *Rossiyskaya yustitsiya = Russian Justice*, 1994, no. 11, pp. 18–25. (In Russian).
8. Tereshchenko A. G., Bubnova I. S. *Sotsializatsiya i sotsial'naya adaptatsiya lichnosti* [Socialization and Social Adaptation of a Person]. Irkutsk, 2013. 157 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Терещенко Анна Григорьевна (Иркутск) – кандидат психологических наук, доцент кафедры гуманитарных и информационных дисциплин. Иркутский юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации» (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: ngv@bk.ru)

Васильев Николай Гаврилович (Иркутск) – кандидат философских наук, заведующий кафедрой гуманитарных и информационных дисциплин. Иркутский юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации» (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: ngv@bk.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tereshchenko, Anna Grigoryevna (Irkutsk) – Ph.D. in Psychology, Ass. Professor, Chair of the Humanities and Information Sciences. Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Nekrasova st., 4, Irkutsk, 664011, e-mail: ngv@bk.ru)

Vasilyev, Nikolay Gavrilovich (Irkutsk) – Ph.D. in Philosophy, Head, Chair of the Humanities and Information Sciences. Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Nekrasova st., 4, Irkutsk, 664011, e-mail: ngv@bk.ru)

УДК 347.97/99
ББК 67.71

Т. И. Отческа
Федеральный арбитражный суд Западно-Сибирского округа,
Тюмень, Российская Федерация

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ КАЧЕСТВЕННОГО СУДЕЙСКОГО КОРПУСА

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. 2014. Т. 2, № 3. С. 50–53. ISSN 2306-7136
DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.50-53>
Дата поступления: 17.05.2014

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с профессиональной компетентностью судей. Анализируются требования к кандидатам в судьи разных стран. Делается вывод о том, что профессиональная компетентность судьи требует не только знания юридической, но и психологической науки. Обосновывается тезис, согласно которому необходимо повышение возрастного ценза для кандидатов в судьи, а также обязательности прохождения стажировки кандидатом на должность судьи после сдачи квалификационного экзамена.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Компетентность и компетентный судья; уровень профессиональной подготовки судей; возрастной ценз для кандидатов в судьи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Отческа Т. И. Правовые вопросы Формирования качественного судебного корпуса // Пролог: журнал о праве. — 2014. — Т. 2, № 3. — С. 50–53. — DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.50-53>.

Т. И. Otcheskaya
Federal Court of Arbitration of Western Siberian District,
Tyumen, the Russian Federation

LEGAL ASPECTS OF SELECTING QUALITY JUDICIARY

PUBLICATION DATA

Journal about Law. 2014. Vol. 2, no. 3, pp. 50–53. (In Russian). ISSN 2306-7136
DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.50-53>
Submission date: 17.05.2014

ABSTRACT

The paper analyzes some problem issues connected with the professional competence of judges. The author analyzes requirements to perspective judges in different countries. The author concludes that a judge's professional competence requires not only legal, but also psychological knowledge. The author also proves that it is necessary to increase age qualification for perspective judges and introduce obligatory internships for candidates to judges after they have passed the qualification exam.

KEYWORDS

Competence and a competent judge; level of judges' professional training; age qualification for candidates to judges.

REFERENCES

Otchetskaya T. I. Legal aspects of selecting quality judiciary. *Prolog: zhurnal o prave* = *Journal about Law*, 2014, vol. 2, no. 3, pp. 50–53. (In Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.50-53>.

Любая правовая конфликтная ситуация, которая рассматривается в суде, требует от судьи знаний законодательства, умения его применить, профессионализма в общении со сторонами, исследовании норм права и доказательств по делу, профессионализма в судебском усмотрении. Для отправления правосудия в соответствии с действующим законодательством государство должно иметь высококвалифицированный судебский корпус. В этой связи особую актуальность приобретают вопросы профессиональной компетенции судей. Так, по мнению Д. А. Медведева, судебный корпус должен пополняться и обновляться высоко квалифицированными, хорошо подготовленными кадрами¹.

Квалификация и компетентность применительно к характеристике уровня профессиональной подготовки используются относительно недавно [5, с. 310]. Компетентность определяется как совокупность знаний и умений, позволяющих профессионально выполнять свою деятельность. «Компетентный судья — кто может и вправе судить о ком, о чем или кого-либо... судья полноправный» [Там же, с. 311].

В современном понимании компетентность и компетенция являются взаимодополняемыми и взаимообуславливаемыми понятиями, которые рассматриваются в следующих аспектах:

- обладание знаниями и сведениями в определенной области, позволяющими судить о чем-либо;
- обладание компетентностью, правомочиями.

В Кодексе судебской этики особое место уделено компетентности судьи — компетентность судьи, уровень его профессиональной подготовки являются необходимыми условиями надлежащего исполнения судьей своих обязанностей по осуществлению правосудия².

Разбирая дело в судебном заседании, судья постоянно сталкивается со сложными переплетениями человеческих взаимоотношений. Тем, кто имеет дело с людьми, кто призван воздействовать на них, решать их судьбы, должен обладать не только знаниями юридической, но и психологической науки.

¹ Заявления по важнейшим вопросам : выступление Д. А. Медведева на VII Всероссийском съезде судей (Москва, 2 дек. 2008 г.). — URL : <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/12/210020.shtml>.

² Кодекс судебской этики : утв. VIII Всерос. съездом судей 19 дек. 2012 г. // СПС «КонсультантПлюс».

Занимаясь исследованием теневых сторон жизни граждан, их взаимоотношениями в экономической и иной сферах, сталкиваясь нередко с самыми отталкивающими ее проявлениями, судья должен суметь сохранить личную невосприимчивость (иммунитет) к отрицательным влияниям и избежать их воздействия на себя, искажения своей личности, так называемой профессиональной деформации, которая может проявляться в трансформации бдительности в излишнюю подозрительность, придирчивость, недоверие к любому оступившемуся человеку [5, с. 312].

Вопрос о качественном судебском корпусе актуален для многих стран мира. Так, Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев в своем выступлении на VI съезде судей, прошедшем в ноябре 2013 г., отметил позитивную деятельность судебной системы и выделил проблемные аспекты, требующие пристального внимания. Одной из таких проблем он назвал несовершенство кадровой политики в системе правосудия и указал на то, что недостаточно высоки барьеры от проникновения в суды нечистоплотных на руку лиц³.

Вся деятельность судьи в очень большой степени подчиняется общественным нормам и социальным ожиданиям. От человека в мантии все окружающие ждут строго определенного рода поведения — справедливости, соучастия, помощи, защиты. Судья всегда работает под пристальным вниманием людей, потому что он представитель власти и закона.

В этой связи совершенно обоснованно разработаны на законодательном уровне требования, предъявляемые к кандидатам в судьи⁴. Так, Законом РФ «О статусе судей в Российской Федерации»⁵ предусмотрены следующие требования: наличие высшего юридического образования, отсутствие судимости, гражданство Российской Федерации, достижение определенного возраста, дееспособность. Кандидат на должность

³ Задачи национальной судебной системы в контексте Стратегии «Казахстан-2050» : выступление Президента Казахстана Н. А. Назарбаева на VI съезде судей Республики Казахстан (Астана, 20 нояб. 2013 г.). — URL : <http://www.zakon.kz/4587491-vystuplenie-prezidenta-kazakhstan.html>.

⁴ Разъяснения Высшей квалификационной коллегии судей РФ : заседание от 8 марта 2004 г. — URL : <http://www.vkks.ru>.

⁵ О статусе судей в Российской Федерации : закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (ред. от 25 нояб. 2013 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

судьи также не должен состоять на учете в наркологическом или психоневрологическом диспансере и не должен иметь иных заболеваний, препятствующих осуществлению полномочий судьи. Возрастной ценз для претендента на занятие вакантной должности судьи в Российской Федерации составляет 25 лет. Многие ученые и практические работники не согласны с таким положением, поэтому обосновываю необходимость повышения возрастного ценза для кандидатов в судьи [3].

Во все времена судья был лицом уважаемым и его неотъемлемыми качествами считались мудрость, знания и жизненный опыт, которые достигаются с возрастом в результате упорного и кропотливого труда. Статистика свидетельствует, что средний возраст судей судов общей юрисдикции в Российской Федерации от 40 до 50 лет, среди судей районного звена — 25–30 лет (4 %), 30–40 лет (34 %)¹. По словам Председателя Высшего Судебного Совета Республики Казахстан, средний возраст тех, кто был впервые назначен на должность судьи в стране, составил 34 года².

С возрастным цензом неразрывно связано требование о наличии стажа работы по юридической профессии. Так, в Российской Федерации кандидату на должность судьи необходимо иметь 5-летний стаж работы по юридической профессии, а в Республике Казахстан стаж работы по юридической профессии составляет всего 2 года³. Вместе с тем, во многих государствах мира перед занятием судебной кафедры кандидаты проходят основательную подготовку в адвокатуре (Великобритания, США), либо на должностях стажеров и помощников судей (Франция). В подавляющем большинстве стран СНГ данный ценз составляет 5 лет, а в Грузии — 10 лет.

С вопросом о наличии стажа и опыта работы в качестве судьи неразрывно связан

¹ Выступление председателя Верховного Суда Российской Федерации Лебедева В. М. // Российская юстиция. — 2009. — № 1. — С. 14–22.

² Интервью с Председателем Высшего Судебного Совета // Казахстанская правда. — 2012. — 23 окт.

³ См.: О внесении изменений и дополнений в Конституционный закон Республики Казахстан «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан»: конституц. закон Республики Казахстан от 29 дек. 2010 г. № 370-IV. — URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1000000370>; Разъяснения Высшей квалификационной коллегии судей РФ: заседание от 8 марта 2004 г. — URL: <http://www.vkks.ru>.

вопрос о судебной карьере, под которой понимают движение судьи по служебной лестнице судебных должностей (судья — член президиума суда — председатель судебного состава — заместитель председателя суда — председатель суда). Вместе с тем, в законодательстве России не содержится определения судебной карьеры. Однако в Российской Федерации существуют понятия «квалификационные классы» и «квалификационная аттестация судей».

В Республике Казахстан и Российской Федерации предусмотрены также требования о сдаче квалификационного экзамена и о прохождении стажировки. Необходимо отметить, что в Республике Казахстан от сдачи квалификационного экзамена освобождаются лица, окончившие специализированную магистратуру⁴. В Российской Федерации от сдачи квалификационного экзамена освобождаются лица, имеющие звание кандидата юридических наук или ученую степень доктора юридических наук, которым присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации». Показательной представляется по этому вопросу позиция М. И. Клеандрова, который считает, что проверка знаний должна проводиться не на уровне обычного экзамена в вузе, а на уровне, как минимум, кандидатского экзамена по специальности с учетом знаний теории и судебной практики [2, с. 86].

Обоснованным является предложение о 4-месячной стажировке кандидата на должность судьи в период после принятия квалификационной коллегией судей решения о рекомендации гражданина на должность судьи до выражения председателем соответствующего суда согласия (несогласия) с назначением кандидата [1, с. 30].

В Конституции РФ нашло отражение понимание социального предназначения правосудия как системы, направленной на защиту прав и сохранение правопорядка, обеспечение стабильности и прочности отношений гражданского оборота и публичных правовых отношений [6, с. 67]. По нашему мнению, государство должно быть заинтересовано в эффективной деятельности судебной власти. Это возможно при условии, если «носители» судебной власти (судьи) будут обладать высоким уровнем профессиональной подготовки.

⁴ О внесении изменений и дополнений в Конституционный закон Республики Казахстан «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан»: конституц. закон Республики Казахстан от 29 дек. 2010 г. № 370-IV. — URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1000000370>.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров В. А., Козьменко О. Г. О некоторых проблемах кадрового отбора судей // Судья. — 2013. — № 6. — URL : <http://www.zhurnalsudya.ru/archive/2013/6/>.
2. Клеандров М. И. О совершенствовании механизма отбора кандидатов в судьи и наделении их судейскими полномочиями // Государство и право. — 2005. — № 5. — С. 86-92.
3. Клишнина Н. В. Организационно-правовые проблемы отправления правосудия в системе арбитражных судов России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. — Псков, 2011. — 26 с.
4. Сейдалина Ж. К. Особенности правового регулирования трудовых отношений судей Республики Казахстан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Астана, 2007. — 30 с.
5. Чueva Е. Н. Психологическая культура как составляющая профессиональной компетентности судьи // Современные проблемы судоустройства и организации судебной деятельности в Российской Федерации : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 12-13 апр. 2012 г.). — Екатеринбург, 2013. — С. 310-312.
6. Шамшурин Л. Л. Реализация права на судебную защиту (доступность правосудия) и судебные расходы // Российское правосудие. — 2013. — № 4. — С. 67-75.

REFERENCES

1. Aleksandrov V. A., Koz'menko O. G. On Some Issues of Selecting Candidates for a Judge's Position. *Sud'ya = Judge*, 2013, no. 6. (In Russian). Available at: <http://www.zhurnalsudya.ru/archive/2013/6/>.
2. Kleandrov M. I. On Improving the Mechanism of Selecting Candidates for a Judge's Position and Delegating them Judges' Authority. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2005, no. 5, pp. 86-92. (In Russian).
3. Klimshina N. V. *Organizatsionno-pravovye problemy otpravleniya pravosudiya v sisteme arbitrazhnykh sudov Rossii. Avtoref. Kand. Diss.* [Organizational and Legal Issues of the Delivery of Justice in the Arbitration Courts' System of Russia. Cand. Dis. Thesis]. Pskov, 2011. 26 p.
4. Sejdalina Zh. K. *Osobennosti pravovogo regulirovaniya trudovykh otnoshenij sudej Respubliki Kazakhstan. Avtoref. Kand. Diss.* [Specifics of Legal Regulation of Judges' Labor Relations in the Republic of Kazakhstan. Cand. Diss. Thesis]. Astana, 2007. 30 p.
5. Chueva E. N. Psychological Culture as a Component of a Judge's Professional Competence. *Sovremennye problemy sudoustrojstva i organizatsii sudebnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Phederatsii: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konph. (Ekaterinburg, 12-13 apr. 2012 g.)* [Contemporary Issues in the Organization of Courts and Court Work in the Russian Federation. Materials of International Research Conference (Yekaterinburg, April 12-13, 2012)]. Yekaterinburg, 2013, pp. 310-312. (In Russian).
6. Shamshurin L. L. Exercising the Right to Court Protection (Accessibility of Justice) and Court Charges. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*, 2013, no. 4, pp. 67-75. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Отчешкая Татьяна Ивановна (Тюмень) — доктор юридических наук, профессор, судья. Федеральный арбитражный суд Западно-Сибирского округа (625010, г. Тюмень, ул. Ленина, 74, e-mail: rpa38@mail.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Отчешкая, Tatyana Ivanovna (Tyumen) — Doctor of Law, Professor, Judge. Federal Court of Arbitration of Western Siberian District (Lenin st., 74, Tyumen, 625010, e-mail: rpa38@mail.ru)

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

RESEARCH BY YOUNG SCHOLARS

УДК 343.288
ББК 67.408.031

К. В. Авсеницкая
*Российская правовая академия
Министерства юстиции Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация*

ДЕЯТЕЛЬНОЕ РАСКАЯНИЕ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. 2014. Т. 2, № 3. С. 54–61. ISSN 2306-7136
DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.54-61>
Дата поступления: 01.05.2014

АННОТАЦИЯ

На основе анализа зарубежного уголовного законодательства о раскаянии в совершенном преступлении делается вывод о том, что за исключением стран, ранее входивших в состав СССР либо испытывавших влияние советского законодательства, в большинстве такое раскаяние стимулируется лишь смягчением наказания либо освобождением от него. Обращается внимание российского законодателя на опыт тех Уголовных кодексов (в частности, Австрии), в которых стимулирование деятельного раскаяния осуществляется в Особенной части в отношении целого ряда видов преступлений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Деятельное раскаяние; посткриминальное поведение; освобождение от уголовной ответственности; освобождение от наказания и от его отбывания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Авсеницкая К. В. Деятельное раскаяние в уголовном законодательстве зарубежных стран // Пролог: журнал о праве. — 2014. — Т. 2, № 3. — С. 54–61. — DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.54-61>.

K. V. Avsenitskaya
*the Russian Law Academy
of the Ministry of Justice of the Russian Federation
Moscow, the Russian Federation*

ACTUAL REPENTANCE IN CRIMINAL LEGISLATION OF OTHER COUNTRIES

PUBLICATION DATA

Journal about Law, 2014, vol. 2, no. 3, pp. 54–61. (In Russian). ISSN 2306-7136
DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.54-61>
Submission date: 01.05.2014

ABSTRACT

Having analyzed other countries' criminal legislation regarding repentance for crime the author concludes that in most countries' legislation (with the exception of the former USSR countries or those under the influence of the Soviet legislation) such repentance is stimulated only by mitigation of punishment or exemption from it. The author wants to draw the attention of Russian lawmakers to those Criminal Codes (Austrian in particular) where actual repentance for a considerable number of crime categories is stimulated in the Special Part.

KEYWORDS

Actual repentance; post-criminal behavior; exemption from criminal liability; exemption from punishment and from serving it.

REFERENCES

Avsenitskaya K. V. Actual repentance in criminal legislation of other countries. *Prolog: zhurnal o prave = Journal about Law*, 2014, vol. 2, no. 3, pp. 54–61. (In Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.54-61>.

За исключением стран, ранее входивших в состав СССР, понятие деятельного раскаяния в зарубежном уголовном законодательстве, как правило, не употребляется. Тем не менее, его различные проявления, сопровождаемые различными льготными уголовно-правовыми последствиями, предусмотрены в большинстве Уголовных кодексов (УК).

Как основание освобождения от уголовной ответственности деятельное раскаяние предусмотрено в Модельном УК — Рекомендательном законодательном акте для СНГ (ст. 74), а также в УК Украины (ст. 45) и Азербайджанской Республики (ст. 72, 72.1, 72.2), Республик Армения (ст. 72), Беларусь (ст. 88), Грузия (ст. 68), Казахстан (ст. 65), Молдова (ст. 57), Таджикистан (ст. 72), Узбекистан (ст. 66). В названных случаях деятельное раскаяние регламентировано в Общей части применительно ко всем преступлениям небольшой или небольшой и средней тяжести (в УК Азербайджанской Республики — к преступлениям, не представляющим большой общественной опасности, в УК Республики Молдова — к незначительным преступлениям или преступлениям средней тяжести) и сопровождается условием совершения таких преступлений впервые. Только в одном случае — в УК Украины — освобождение от уголовной ответственности носит обязательный характер и в этой части не зависит от усмотрения правоприменителя. Содержание УК Украины интересно еще и тем, что, во-первых, освобождение от уголовной ответственности по нему осуществляется исключительно судом (ч. 2 ст. 44) и, во-вторых, в качестве составляющих основания освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием предусмотрены «чистосердечное раскаяние» и «*полное* (курсив наш. — А. К.) возмещение причиненного ущерба» (ст. 45)¹.

Отличительной чертой в регламентации освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием большинства УК стран СНГ является то, что содержание нормы, подобной той, которая закреплена в ч. 2 ст. 75 УК РФ, согласовано в них с нормой, предусмотренной в ч. 1 ст. 75 УК РФ. Обычно такое согласование происходит посредством формулировки «при наличии условий, предусмотренных частью первой настоящей статьи». Такое законодательное решение, как представляется, не дает оснований для противопоставления этих двух норм, сомнений в том, что

примечания к статьям Особенной части УК РФ имеют отношение к институту деятельного раскаяния [1, с. 9; 6, с. 167–168]. Вместе с тем, понятна и позиция отечественного законодателя, исключившего это словосочетание из ч. 2 ст. 75 УК РФ Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ², поскольку его наличие делало трудноприменимыми на практике поощрительные примечания к статьям Особенной части УК РФ.

По сведениям В. Н. Додонова, к названной группе УК по данным критериям можно добавить УК Бразилии, КНР, Латвии, Монголии, Польши, Республики Корея, Чехии, Японии [2, с. 387]. Правда, следует заметить, что, в частности, УК Республики Корея не знает понятия деятельного раскаяния и в нем идет речь о «самообвинении и добровольном признании»: «В случае, когда добровольное признание сделано для уведомления властей, которые несут ответственность за расследование преступлений, наказание может быть смягчено или не назначаться» (ст. 52). Помимо этого в числе смягчающих вину обстоятельств («Общих принципов назначения наказания») предусмотрены такие, как «отношение преступника к потерпевшему, обстоятельства, возникшие после совершения преступления»³.

В некоторых УК зарубежных стран в Общей части деятельное раскаяние регламентируется не только в отношении отдельных категорий преступлений, но и отдельных видов преступлений. Так, например, согласно ч. 3 ст. 58 УК Латвии, может быть освобождено от уголовной ответственности лицо, которое оказало существенную помощь в раскрытии совершенного организованной группой тяжкого или особо тяжкого преступления, которое является более тяжким и опасным, чем преступление, совершенное самим лицом. Подобная норма еще более широкого действия предусмотрена и в ч. 2 ст. 65 УК Республики Казахстан. Она распространяется на предотвращение, раскрытие или расследование преступлений, совершенных не только организованной группой, но и преступным сообществом (преступной организацией)⁴.

За исключением стран СНГ в уголовном законодательстве большинства зарубежных стран в качестве уголовно-правового по-

² Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч. 1), ст. 3452.

³ Уголовный кодекс Республики Корея. — СПб., 2004. — С. 64.

⁴ Уголовный кодекс Республики Казахстан. — СПб., 2001. — С. 94.

¹ Уголовный кодекс Украины. — Харьков, 2008. — С. 26.

следствия деятельного раскаяния (положительного посткриминального поведения) предусмотрено освобождение не от уголовной ответственности, а от наказания или его смягчение¹. Причем такого рода последствия, как и в УК РФ, регламентируются и в Общей, и в Особенной части. В последнем случае они, как правило, сопровождают раскаяние участников шпионской деятельности и антиправительственных заговоров, членов незаконных вооруженных формирований, террористических и организованных преступных группировок [2, с. 387]. Так, в числе «оснований назначения наказания» в Общей части УК ФРГ предусматривается такое, как «поведение после совершения деяния, особенно его усилия возместить причиненный вред и достигнуть соглашения с потерпевшим» (§ 46). При возмещении ущерба полностью или большей его части суд «может смягчить наказание или отказаться от него, если не предусмотрено более суровое наказание, чем лишение свободы на срок до одного года или денежный штраф до 360 дневных ставок» (§ 46a). В Особенной части этого же УК вслед за § 81–83 «Государственная измена Федерации», «Государственная измена Земле», «Подготовка к государственной измене» расположен § 83a «Деятельное раскаяние», в котором говорится о смягчении наказания или отказе от наказания за совершение действий (бездействие), подобных тем, которые предусмотрены в примечании к ст. 275 УК РФ. Если в данном случае норма о деятельном раскаянии закреплена в отдельном параграфе, то в § 84 «Продолжение деятельности партии, объявленной антиконституционной» она предусмотрена в одной из его частей (ч. 5). Такой способ применяет немецкий законодатель и в большинстве других случаев (ч. 3 § 87, ч. 2.1 § 98, ч. 6 § 129, ч. 4 § 142 и др.)², что в целом не характерно для зарубежного уголовного права, в котором нормы о деятельном раскаянии обычно оформляются не в качестве одной из составляющих статьи (или параграфа), устанавливающих преступность конкретного деяния, не в виде примечаний как в российском УК, а в виде отдельных статей. Например, согласно ст. 324-6 УК Республики Корея «Смягчение наказания», если лицо, которое соверши-

ло преступления, указанные в ст. 324-2 или 324-3, или которое покушалось на совершение таких преступлений, отпускает заложника в безопасное место, наказание ему может быть смягчено»³.

Возвращаясь к анализу УК ФРГ, можно сделать вывод о том, что нормы о деятельном раскаянии в Особенной части обособляются в отдельные параграфы тогда, когда их действие распространяется не на одну, а на несколько статей. Возможно, учитывая именно этот опыт, российский законодатель Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ дополнил УК РФ ст. 76.1 «Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности». Нельзя не отметить и тот факт, что УК ФРГ предусматривает и целый ряд специальных норм о деятельном раскаянии, неизвестных отечественному уголовному законодательству. Путем возможного смягчения наказания или отказом от него таким образом стимулируется, например, добровольное в течение 24 ч установление фактов дорожно-транспортного происшествия его участником (ч. 4 § 142), исправление ложного показания (§ 158)⁴. Возможным смягчением наказания — позволение похищенному с целью вымогательства вернуться к своему окружению (ч. 4.1 § 239a); отказом от наказания — добровольное сообщение об отмывании денег, укрывательстве незаконно полученных имущественных выгод, способствовании сохранению предмета данного преступления (ч. 9 § 261), добровольное предотвращение выплат кредитором при мошенничестве в ситуациях, когда они лежат за рамками состава преступления (ч. 2.1 § 265b) и др.⁵

По мнению В. Н. Додонова, в уголовном законодательстве Германии, а также некоторых других стран (Бразилии, Италии Швейцарии) под деятельным раскаянием скорее всего подразумевается добровольный отказ от доведения преступления до конца при оконченном покушении [2, с. 389]. Представляется, что в отношении УК ФРГ этот вывод не является бесспорным, поскольку в нем в соответствии со специальными указаниями применительно к конкретным преступлениям наказуемо не только покушение, но и те действия, которые по оценке

¹ УК Франции знает понятие уголовной ответственности и предусматривает случаи ее ненаступления, но по иным основаниям, чем деятельное раскаяние. — Уголовный кодекс Франции. — СПб., 2002. — С. 77–82.

² Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. — С. 302, 390, 408–412, 421–422.

³ Уголовный кодекс Республики Корея. — СПб., 2004. — С. 64.

⁴ Хотя возможный аналог этой нормы можно усмотреть в примечании к ст. 307 УК РФ.

⁵ Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. — С. 302, 390, 408–412, 421–422.

автора представляют «оконченное покушение». Стимулируется же при этом предотвращение либо уменьшение последствий, находящихся за рамками того или иного состава преступления. Сказанное актуально и для оценки в этом вопросе уголовного законодательства Швейцарии, в котором, например, согласно ст. 260ter. УК Швейцарии, судья может смягчить наказание по своему усмотрению (ст. 66), если лицо старается предотвратить «дальнейшую преступную деятельность» преступной организации, членом которой оно является¹.

В целом подобный немецкому подход в регламентации положительного посткриминального поведения использован в УК Франции, в котором в Общей его части в числе оснований освобождения от наказания помимо прочего предусмотрены такие, как возмещение причиненного ущерба и прекращение вредных последствий, вызванных преступным деянием (ст. 132-59). Не так широко как в УК ФРГ французский кодекс в Особенной части предусматривает ситуации, в которых при совершении конкретных преступлений допускается, может быть, и не столь значительное, но смягчение уголовно-правового обременения. Например, освобождение задержанного или незаконно лишённого свободы лица до наступления 7 полных суток влечет наказание в 5 лет тюремного заключения, в то время как по общему правилу такой срок равен 20 годам заключения (ст. 224-1). Согласно ст. 414-2, 414-3 УК Франции, лицо, покушавшееся на совершение преступлений, посягавших на тайну национальной обороны, либо принявшее участие в заговоре, освобождается от наказания, если в первом случае позволит предотвратить совершение преступного деяния и установить других виновных, а во-втором — раскроет заговор компетентным органам власти и позволит установить других соучастников. Обязательное и безусловное освобождение от наказания либо его смягчение наполовину предусмотрено для случаев предотвращения акта терроризма либо наступления смерти или хронических заболеваний при его подготовке, соответственно (ст. 422-1, 422-2)².

Особый интерес в части регламентации положительного посткриминального поведения представляет УК Австрии. Пожалуй, это один из немногих, если не единствен-

ный УК, в котором так четко и последовательно прослеживается заинтересованность законодателя в таком поведении. Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в Общей части этого УК в числе «особых смягчающих обстоятельств» в § 34 называются такие, как «добровольно отказался от причинения большего вреда, несмотря на то, что существовала такая возможность, или если вред был возмещен им самим или третьим лицом за него» (п. 14), «настойчиво старается возместить причиненный вред или предотвратить наступление дальнейших вредных последствий» (п. 15), «сам явился с повинной, хотя легко мог бы скрыться, или было очевидно, что он остался бы не обнаруженным» (п. 16), «чистосердечно признает себя виновным или посредством своих показаний существенно способствует установлению истины» (п. 17)³. Помимо исключительного смягчения наказания при преобладании смягчающих обстоятельств, предусмотренного в § 41, и являющегося, по нашему мнению, аналогом ст. 64 УК РФ, в § 41a УК Австрии предусмотрено «чрезвычайное смягчение наказания при сотрудничестве с органами, осуществляющими уголовное преследование», результатом которого может стать назначение наказания ниже минимального размера, предусмотренного § 41. Такое возможно тогда, когда «исполнитель преступления сообщает органу уголовного преследования о преступном деянии, предусмотренном в § 277, 278, 278a или 278b⁴, или о преступном деянии, которое связано со сговором, объединением или организацией, свои сведения о фактах, знание которых существенно способствует тому, чтобы (1) устранить или значительно уменьшить возникающую опасность, связанную со сговором, объединением или организацией, (2) содействовать раскрытию такого преступного деяния его собственным участием или (3) разузнать сведения у другого лица, которое занимало руководящую роль в таком сговоре, или было главным действующим лицом в таком объединении или организации»⁵. Немаловажно отметить то, что в тексте первых из двух указанных параграфов предус-

³ Уголовный кодекс Австрии. — СПб., 2004. — С. 77.

⁴ В этих параграфах предусмотрена уголовная ответственность за преступный сговор, преступное объединение, преступную организацию, террористическое объединение.

⁵ Уголовный кодекс Австрии. — СПб., 2004. — С. 84-85.

¹ Уголовный кодекс Швейцарии. — СПб., 2002. — С. 240.

² Уголовный кодекс Франции. — СПб., 2002. — С. 151, 222-224, 355, 364.

мотрены дополнительные нормы о деятельном раскаянии, предусматривающие более льготные уголовно-правовые последствия: вплоть до освобождения от наказания.

Обстоятельная уголовно-правовая регламентация деятельного раскаяния в нормах Общей части УК Австрии дополняется еще более значимым вниманием австрийского законодателя к этой проблеме в нормах Особенной части. Достаточно сказать о том, что из 25 разделов этой части УК в своем содержании 6 разделов предусматривают специальные параграфы с названием «деятельное раскаяние» (§165a, 167, 183b, 226, 240, 245, 247, 291, 292b, 294, 296), и это не считая норм о положительном посткриминальном поведении, которые закреплены в целом ряде параграфов, определяющих преступность конкретных деяний, как их составную часть. С точки зрения российского уголовного законодательства и практики его применения, проблемы возмещения ущерба от преступлений в сфере экономики, не может не вызывать интерес тот факт, что для большей части преступлений, предусмотренных в разд. 6 УК Австрии «Преступные деяния против чужого имущества», в § 167, входящем в состав этого раздела, установлены условия устранения наказуемости, охватываемые понятием деятельного раскаяния. Между тем, в число таких преступлений входят и кража, и растрата, и различные проявления мошенничества, и принятие подарков представителями органов власти, и целый ряд иных преступлений, деятельное раскаяние в которых по УК РФ в лучшем случае может влечь за собой лишь возможное смягчение наказания либо фиксированное его смягчение на основании ст. 62 УК РФ. Австрийский же законодатель для устранения наказуемости названных деяний требует совершения достаточно определенных и понятных виновному действий: «если он прежде чем соответствующие органы узнали о его преступной деятельности, хотя и по требованию потерпевшего, но все-таки без принуждения к этому (1) возместит весь ущерб, причиненный его преступным деянием, или (2) в результате обязательств по договору возместит такой ущерб в течение определенного времени. В последнем случае наказуемость опять возникает, если лицо, совершившее преступное деяние, не выполняет своих обязательств. (3) лицо, совершившее преступное деяние, также не подлежит наказанию, если оно возмещает весь ущерб, причиненный его преступным деянием, во время явки с повинной, которая открывает соответствующему органу

его преступление, посредством уплаты денежной суммы в этом органе»¹. Заметим, что в разд. 6 УК Австрии помимо данного параграфа деятельному раскаянию посвящен еще один подобный § 165a (деятельное раскаяние в отмывании денег), а также целый ряд отдельных норм о деятельном раскаянии в структуре параграфов о преступности конкретных деяний.

Как представляется, заслуживает внимания опыт австрийского законодателя и в стимулировании положительного посткриминального поведения лица, совершившего экологическое преступление. Так, согласно § 183b лицо, совершившее преднамеренное или неосторожное нанесение вреда окружающей среде, умышленное или неосторожное обращение с отходами, наносящее вред окружающей среде, и другие подобные действия, не подлежат наказанию, если оно добровольно и прежде чем соответствующие органы узнали о его вине устраняет причиненную им опасность, загрязнение или иное причинение вреда до того, пока он не распространился на человека или на состояние животного и растительного мира². Также не подлежат наказанию лица, предотвратившие использование в «правовом обороте» фальшивых или поддельных документов, вещей (§ 226), денег, ценных бумаг, знаков оплаты или монет (§ 240); лица, деятельно раскаявшиеся в уничтожении, подделке доказательств и предотвратившие их использование (§ 294, 296); лица, подвергшие другое лицо опасности официального преследования и устранившие такую опасность до осуществления преследования (ч. 2 § 297).

Диаметрально противоположным УК Австрии по значению в интересующем нас аспекте является УК Республики Сан-Марино, в котором проблема положительного посткриминального поведения отражена с отдельными исключениями лишь в нормах Книги первой (Общей части), да и то весьма ограниченно. И это несмотря на то, что в Общей части этого УК, в отличие от многих других подобных актов, регламентируются вопросы, ответы на которые обычно даются лишь в уголовно-правовой доктрине (значение принципа законности, последствия незнания закона, понятие лица, не подлежащего обвинению, значение криминальной опасности, четкое разграничение умышленных и неосторожных преступлений и т. д.).

¹ Уголовный кодекс Австрии. — СПб., 2004. — С. 215.

² Там же. — С. 234.

В УК Республики Сан-Марино предусмотрена специальная ст. 28 «Отказ и деятельное раскаяние». Фактически же в данном случае речь идет о ненаказуемости не деятельного раскаяния, а добровольном отказе «от продолжения преступного деяния либо добровольном препятствии возникновению события преступления»¹. Однако и в этом случае судья имеет право применить меру безопасности². Подразделяя уголовно наказуемые деяния на умышленные и неумышленные преступления, проступки, данный УК говорит о добровольном возмещении-выплате только применительно к проступкам. И лишь в числе критериев оценки личности виновного в ст. 89 УК Республики Сан-Марино говорится о необходимости учета того, что «до вынесения приговора лицо полностью возместило причиненный ущерб; добровольно явилось в суд; добровольно призналось в совершении преступления и, в любом случае, исходить из поведения лица в данный момент либо после совершения преступления»³. За крайне редкими исключениями в статьях Книги второй (Особенной части), например ст. 402, этими положениями регламентация деятельного раскаяния в этом УК исчерпывается.

Уголовное законодательство стран Азиатско-тихоокеанского региона регламентирует положительное посткриминальное поведение по-разному: и в Общей части применительно к стадии назначения наказания, и в Особенной, порой решая в последнем случае и вопросы, которые традиционно относятся к числу общих. Такую ситуацию можно наблюдать в уголовном законодательстве Японии, где роль Особенной части сводится к регулированию постановлений, касающихся, в том числе, явки с повинной и сознания [7, с. 75]. Вместе с тем, при наличии уголовно-правовых запретов для уголовного законодательства Японии характерно действие так называемых «декриминализирующих» институтов, согласно которым, например, лицо, совершившее дорожно-транспортное происшествие и уплатившее штраф, подлежит

не уголовной, а административной процедуре. В случае отказа от уплаты штрафа, к нему применяется уголовно-правовая санкция в виде штрафа [5, с. 126–127].

Уголовный кодекс Таиланда, напротив, регламентирует рассматриваемую нами проблему весьма скромно и исключительно в Общей части. Так, согласно ст. 78 УК Таиланда, смягчающие обстоятельства могут включать в себя и такие, как «раскаяние и предпринятые виновным попытки минимизировать негативные последствия преступления, добровольное признание должностному лицу, предоставление суду полезной для процесса информации». При наличии таких обстоятельств суд может по своему усмотрению уменьшить наказание, к которому приговаривается виновный, но не более чем на одну вторую⁴.

Практически никакого интереса в части стимулирования положительного посткриминального поведения не представляет УК Австралии, в котором отсутствуют специальные разделы о наказании и его назначении, об освобождении от наказания. Эти положения если и встречаются, то лишь в виде отдельных фрагментов в различных частях кодекса⁵. Возможно, объяснением тому может служить, во-первых, то обстоятельство, что Австралия по-прежнему входит в состав так называемого «британского Содружества наций», что не может не сказываться ни на системе, ни на содержании уголовного законодательства, а, во-вторых, то, что в настоящее время в Австралии один из самых низких уровней преступности в мире [3, с. 72]. И это, конечно, результат не уголовно-правового воздействия, а различного рода социальных программ, например, таких как «Соседский присмотр», «Квартальное наблюдение» [7, с. 158].

В рассматриваемой группе стран особый интерес представляет уголовное законодательство Китая. Оставаясь по-прежнему на позициях социалистического уголовного права с сохранившимися элементами классового характера и обусловленности коммунистической идеологией [Там же, с. 118], УК КНР 1997 г. при всей своей суровости, тем не менее, достаточно определенно отражает заинтересованность в стимулировании положительного посткриминального поведения. Словосочетания «проявил раскаяние и исправился», «действительно раскаялся и

¹ Уголовный кодекс Республики Сан-Марино. — СПб., 2002. — С. 47.

² Подобная норма предусмотрена в ст. 28 Закона об уголовном праве Израиля, которая называется «Освобождение от уголовной ответственности в связи с раскаянием». Здесь также прямо говорится о раскаянии тех, кто покушался на преступление. — Закон об уголовном праве Израиля. — СПб., 2005. — С. 45.

³ Уголовный кодекс Республики Сан-Марино. — СПб., 2002. — С. 47.

⁴ Уголовный кодекс Таиланда. — СПб., 2005. — С. 59.

⁵ Уголовный кодекс Австралии. — СПб., 2002. — 352 с.

изменился к лучшему» можно встретить в тексте УК КНР при регламентации целого ряда институтов (например, отсрочки исполнения приговора (ст. 50), смягчения наказания (ст. 78), условно-досрочного освобождения (ст. 81)). Привлекает внимание то, как китайский законодатель определяет временные пределы явки с повинной, когда в ст. 67 § 3 «Явка с повинной и заслуги» говорит, что «Если подозреваемый, обвиняемый или отбывающий наказание преступник со всей правдивостью даст показания о преступлениях, которые он совершил и которые еще не известны судебным органам, то он считается явившимся с повинной». По сути все возможные проявления деятельного раскаяния, скрываемые за понятием заслуги, названы в ст. 68 этого же параграфа: «Если преступный элемент раскроет другое преступление, которое после проверки окажется реальным, или предоставит важные сведения, дающие возможность расследовать и раскрыть другие преступления, то это расценивается как проявление заслуги, позволяющее смягчить наказание либо подойти к нему снисходительно; если преступным элементом проявлены большие заслуги, то можно уменьшить или отменить наказание; если после совершения преступления преступник является с повинной и к тому же проявляет большие заслуги, можно назначить наказание ниже низшего предела либо освободить от наказания». С точки зрения китайского законодателя, проявлением больших заслуг может служить помимо прочего пресечение другого тяжкого преступления, донесение о тяжком преступлении, подготавливаемом в местах лишения свободы или за их пределами, что при проверке окажется верным¹. Помимо этого раскаяние (чистосердечное раскаяние) в УК КНР выступает в качестве составляющей основания для применения условного осуждения (ст. 72), возможного смягчения наказания «осужденным к надзору, краткосрочному аресту, срочному лишению свободы, бессрочному лишению свободы преступным элементом, если они во время отбывания наказания действительно раскаялись и изменились к лучшему либо имеют заслуги» (ст. 78). Стимулирование положительного посткриминального поведения по УК КНР пронизывает применение даже такого вида наказания, как смертная казнь: «Если осужденные к смертной казни с отсрочкой исполнения приговора во время отсрочки

действительно раскаялись и изменились к лучшему, то по истечении 2 лет наказание им может быть заменено бессрочным лишением свободы; если они раскаялись и изменились к лучшему, а также имели заслуги, то по истечении 2 лет наказание им может быть заменено лишением свободы на срок от 15 до 20 лет; если же они злостно сопротивлялись перевоспитанию, что может быть доказано, то по решению Верховного народного суда либо с его санкции смертная казнь приводится в исполнение» (ст. 50)².

Таким образом, несмотря на то, что в УК КНР регламентация положительного посткриминального поведения сосредоточена только в Общей части, она в части действия института деятельного раскаяния охватывает весьма широкий круг отношений. Нельзя не отметить и тот факт, что китайский законодатель последовательно придерживается одной из основополагающих идей стимулирования вообще и в праве, в частности: желаемый результат может быть достигнут не только угрозой наказания, но и обещанием уголовно-правовых льгот.

С учетом изложенного можно сделать вывод о том, что за некоторыми исключениями, касающимися уголовного законодательства Австрии, ФРГ, Франции, наибольшее развитие институт деятельного раскаяния получил в странах, ранее входивших в состав СССР, либо уголовное законодательство которых претерпело влияние советского уголовного права (наиболее яркий пример — УК КНР). В уголовном законодательстве стран англо-американской системы права деятельное раскаяние если и регламентируется, то, как правило, в рамках института назначения наказания, обозначаясь при этом общими формулировками, характеризующими поведение лица после совершения преступления. Здесь порой явления, подобные деятельному раскаянию по своей юридической природе и социально-правовому значению, хотя и сопровождаются в конечном итоге уголовно-правовыми льготами, изначально имеют четко выраженный процессуальный характер. Например, согласно ст. 12.45 УК штата Техас «Допущение признания вины в совершении нерасследованного посягательства», «на стадии назначения наказания лицо вправе признать свою вину в совершении одного или более нерасследованных посягательств и ходатайствовать перед судом о принятии во внимание каждого такого признания при определении наказания за такое посягательство, или посягательства, за совершение кото-

¹ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. — СПб., 2001. — С. 98.

² Там же. — С. 73.

рых он должен быть признан виновным». Более того, согласно п. «с» этой статьи, «в случае если суд законно учтет признание в совершении посягательства, такое посягательство не подлежит уголовному преследованию»¹. Как известно, определенные элементы схожести такого рода «сделки о признании вины» можно усмотреть в институте досудебного соглашения о сотрудничестве, установленном в российском уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ. Своеобразный аналог рассматриваемого института предусмотрен также и в УК Республики Молдова, в котором согласно ст. 80 «Применение наказания в случае заключения соглашения о признании вины», если обвиняемый заключил такое соглашение и судебной инстанцией оно принято, наказание за вменяемое в вину преступление сокращается на одну треть максимального наказания, предусмотренного за это преступление².

¹ Уголовный кодекс штата Техас. — СПб., 2006. — С. 133–134.

² Уголовный кодекс Республики Молдова. — СПб., 2003. — С. 169.

На основании проведенного анализа зарубежного уголовного законодательства в интересующем нас вопросе, можно сделать несколько выводов.

Идея стимулирования положительного посткриминального поведения в настоящее время в той или иной форме и степени нашла свое отражение практически во всех зарубежных УК или соответствующих нормативных актах. В сравнении с российским УК, в этих актах несомненно есть положения, заслуживающие внимания отечественного законодателя. Вместе с тем, учитывая исторический опыт становления и развития уголовного законодательства России, практику его применения, в том числе в части уголовно-правового стимулирования деятельного раскаяния, наверное, не все эти положения могут быть реализованы в УК РФ. Поэтому в качестве основного направления повышения эффективности регламентации деятельного раскаяния в данном УК видится системный подход к решению рассматриваемой проблемы с учетом уже имеющегося российского и зарубежного опыта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Войтович А. П. Примечания в уголовном праве (сущность, виды, общая характеристика) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. — Ульяновск, 2006. — 184 с.
2. Додонов В. Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть / под ред. С. П. Щербы. — М., 2009. — 448 с.
3. Лунеев В. В. Эпоха глобализации и преступность. — М., 2007. — 272 с.
4. Минна Р. Мафия против закона. — М., 1988. — 344 с.
5. Морозов Н. А. Преступность и борьба с ней в Японии. — СПб., 2003. — 215 с.
6. Рубанова С. Н. Основные направления оптимизации нормативной регламентации примечаний к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации // Общество и право. — 2011. — № 2. — С. 165–170.
7. Уголовное законодательство России и стран АТР: компаративное исследование / В. Н. Антонов, Т. Б. Басова, Ю. В. Голик [и др.] ; под ред. А. И. Коробеева. — Владивосток, 2008. — 272 с.

REFERENCES

1. Vojtovich A. P. *Primechaniya v ugovolnom prave (sushchnost', vidy, obshchaya kharakteristika)*. Kand. Diss. [Notes in Criminal Legislation (Essence, Types, General Characteristics). Cand. Diss.]. Ulyanovsk, 2006. 184 p.
2. Dodonov V. N. *Sravnitel'noe ugovolnoe pravo. Obshchaya chast'* [Comparative Criminal Law. General Part]. Moscow, 2009. 448 p.
3. Luneev V. V. *Epokha globalizatsii i prestupnost'* [The Epoch of Globalization and Criminality]. Moscow, 2007. 272 p.
4. Minna R. *Maphiya protiv zakona* [Mafia against the Law]. Moscow, 1988. 344 p.
5. Morozov N. A. *Prestupnost' i bor'ba s nej v Yaponii* [Crimes and Crime Control in Japan]. Saint-Petersburg, 2003. 215 p.
6. Rubanova S. N. Key Ways of Optimizing the Normative Regulation of Notes to the Articles of the Criminal Code of the Russian Federation. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2011, no. 2, pp. 165–170. (In Russian).
7. A. I. Korobeev (ed.) *Ugovolnoe zakonodatel'stvo Rossii i stran ATR: komparativnoe issledovanie* [Criminal Legislation of Russia and Asia-Pacific Countries: A Comparative Study]. Vladivostok, 2008. 272 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Авсеницкая Ксения Вячеславовна (Иркутск) — аспирант кафедры уголовного права и криминологии. Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации (117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1, e-mail: rpa38@mail.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Avenitskaya, Kseniya Vyacheslavovna (Irkutsk) — Ph.D. student, Chair of Criminal Law and Criminology. The Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Azovskaya st., 2, bld. 1, Moscow, 117638, e-mail: rpa38@mail.ru)

УДК 343.9
ББК 67.512

Ю. В. Зырянова
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,
Абакан, Российская Федерация

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКОВ, СОВЕРШИВШИХ НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ)

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. 2014. Т. 2, № 3. С. 62–68. ISSN 2306-7136
DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.62-68>
Дата поступления: 23.05.2014

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются свойства личности преступников, совершивших насилие в семье в отношении несовершеннолетних членов, в том числе социально-демографические, нравственные и социально-психологические особенности. Автор выделяет три типа преступников, исходя из характера антисоциальной направленности личности и ее ценностных ориентаций: тип с социально-положительной направленностью; тип с направленностью неустойчивого характера; тип семейного насильника с устойчивой антиобщественной направленностью. Дается описание каждого типа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Насилие в семье; несовершеннолетние; личность преступника; ценностные ориентации; направленность личности

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Зырянова Ю. В. Криминологическая характеристика личности преступников, совершивших насильственные преступления против несовершеннолетних членов семьи (на примере Республики Хакасия) // Пролог: журнал о праве. – 2014. – Т. 2, № 3. – С. 62–68. – DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.62-68>.

Yu. V. Ziryanova
N.F. Katanov Khakas State University,
Abakan, the Russian Federation

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CRIMINALS THAT COMMITTED VIOLENT CRIMES AGAINST MINORS IN THEIR FAMILIES (USING THE EXAMPLE OF THE KHAKAS REPUBLIC)

PUBLICATION DATA

Journal about Law, 2014, vol. 2, no. 3, pp. 62–68. (In Russian). ISSN 2306-7136
DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.62-68>
Submission date: 23.05.2014

ABSTRACT

The paper examines personal characteristics of criminals that committed violent crimes against minors in their families, including the socio-demographic, moral and socio-psychological traits. The author specifies three types of criminals based on the specifics of anti-social personal orientation and values: socio-positive orientation type; unstable orientation type; stable anti-social orientation type of perpetrator. The paper offers a description of each of these types.

KEYWORDS

Domestic violence; minors; personality of a criminal; values; personal orientation.

REFERENCES

Ziryanova Yu. V. Criminological characteristics of criminals that committed violent crimes against minors in their families (using the example of the khakas republic). *Prolog: zhurnal o prave = Journal about Law*, 2014, vol. 2, no. 3, pp. 62–68. (In Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.62-68>.

В последние годы в России складывается достаточно тревожная обстановка, связанная с учащением случаев применения насилия в семьях в отношении несовер-

шеннолетних ее членов. Средства массовой информации (Интернет, газеты, журналы, телевидение и т. д.) «пестрят» подобного рода сообщениями. Наряду с этим усили-

вается дерзость и агрессивность «семейных» преступников по отношению к детям, что также не может вызывать опасения и свидетельствовать о том, что в данной сфере складывается сложная криминальная ситуация. Таким образом, давно назрела необходимость разработки, а также совершенствования применяемых мер, направленных на эффективное предупреждение этого негативного явления.

Практика показывает, что существующая система предупредительных мер, несмотря на все усилия правоохранительных органов, не отвечает реалиям времени и не справляется с поставленными задачами, а в случаях совершения преступления не может обеспечить защиту ребенку и исключить повторное причинение вреда. Безусловно, чтобы устранить, нейтрализовать и минимизировать преступное насилие в семье в отношении несовершеннолетних ее членов и его последствия необходимо обладать знаниями о причинах и условиях, детерминирующих его, а также о личности преступника — являющегося носителем причин его совершения, основным звеном всего механизма преступного поведения [1, с. 11].

В этой связи характеристика преступников, совершивших насильственное преступление в семье в отношении несовершеннолетнего, позволит рассмотреть их социально-демографические, нравственные и психологические свойства, а также социально-психологические особенности их личности. Неоспорим тот факт, что социально-демографические признаки личности сами по себе не криминогенны [6, с. 125]. Между тем, будучи опосредованы социальными факторами, такие свойства как пол, возраст и другие характеристики, имеют определенное значение при выборе варианта поведения, оказывая влияние на характер формирования умысла и на избрание способа совершения преступления.

Анализ статистических данных и изучение материалов уголовных дел¹ показал, что основную долю насильственных преступлений в семье в отношении несовершеннолетних, предусмотренных со-

ответствующими главами УК РФ против личности, половой неприкосновенности и половой свободы, против свободы, чести и достоинства личности, совершают именно мужчины (соотношение количества женщин и мужчин в среднем 1:3). Выявленная тенденция вполне объяснима различием социальных ролей мужчин и женщин, психофизиологическими особенностями полов, иначе говоря, гендерными различиями, которые берут «свое начало» с детского возраста, в том числе обуславливаются процессом социализации у женщин и мужчин. Так, женщины (девочки) социализируются иначе, чем мужчины (мальчики), и, как следствие, учатся не проявлять открытой агрессии, тогда как мальчики, наоборот, склонны к ее проявлению [2, с. 163]. Мужчины в большей степени имеют свойства разрешать конфликты с помощью силовых методов, самоутверждаться, применяя насилие. Как отмечал М. Н. Гернет, «мужская и женская преступность различаются между собою не только своими размерами, но и своим характером» [3, с. 126].

Действительно, характер преступлений, совершенных женщинами и мужчинами различен. Проведенное исследование свидетельствует о том, что женщины, как правило, совершают менее тяжкие преступления, чем мужчины. Среди лиц, совершивших убийство несовершеннолетних членов семьи, незаконное лишение свободы, причинение средней тяжести вреда здоровью, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, понуждение к действиям сексуального характера, нет ни одной женщины. Однако преступления, предусмотренные ст. 131–133 УК РФ в отношении несовершеннолетних в семье, совершены именно мужчинами, что обусловлено спецификой субъекта и характером самого преступления, как и преступления, предусмотренные ст. 106 УК РФ, содеяны исключительно женщинами, также в силу специфики субъекта данного состава. Из преступлений, предусмотренных ст. 125 УК РФ, 10 % составляют мужчины, 90 % — женщины. За исследуемый период времени, также 36 % от общего числа преступлений, предусмотренных ст. 111 УК РФ, совершенных членами семьи в отношении несовершеннолетних, и 29 % от общего числа преступлений, предусмотренных ст. 116 УК РФ, совершены женщинами. Напрашивается определенный вывод, что уровень криминогенности для женщин зависит также и от вида совершаемых ими преступлений.

¹ Автором было изучено 155 уголовных дел, рассмотренных судами Республики Хакасия (Верховный Суд Республики Хакасия, Абаканский городской суд, Ширинский районный суд, Черногорский городской суд, мировой суд г. Абакана и др.) в период с 2002 по 2012 г. При этом анализу подверглись преступные деяния, предусмотренные ст. 105–120, 125–127, 127.1, 127.2, 131–133, 150, 151, 156, 230, 240 УК РФ.

Другим наиболее важным криминологическим признаком, характеризующим личность преступника, является возраст. В значительной мере возраст определяет физическое состояние и возможности лица, круг его потребностей и интересов, жизненных установок и ценностных ориентаций, стремлений и желаний. С увеличением возраста происходят не только физиологические и психологические изменения организма человека, но и изменения самой личности: ее социальных ролей и функций, привычек, характера, мотивации поступков, реакции на различные конфликтные ситуации и т. п. [5, с. 160]. Все это оказывает существенное влияние на поведение человека.

Анализируемую категорию преступлений преимущественно совершают лица среднего возраста (25–49 лет), на долю которых в структуре семейно-бытовой насильственной преступности приходится 76,3 %. При этом самой криминогенной является возрастная группа 30–39 лет, которой совершено более трети (в среднем 39,8 %) указанных преступлений. Вторыми по криминогенности являются возрастные группы 25–29 лет и 40–49 лет, на долю которых пришлось в среднем по 18,8 и 17,7 % соответственно совершенных в семье против несовершеннолетних насильственных преступлений. Преобладание среди совершивших насильственные преступления в сфере семейных отношений лиц зрелого возраста можно объяснить рядом факторов. Отчасти тем, что на возрастные группы населения 25–49 лет приходится наибольшее количество лиц, имеющих несовершеннолетних детей. Именно в данный период происходит становление семейных отношений, наиболее остро проявляются отсутствие чувства любви, несовместимость характеров, супружеская неверность, алкоголизм, жестокость, агрессия, конфликтность.

Не менее важным элементом в характеристике личности является уровень образования. Известно, что общеобразовательный уровень человека тесным образом связан с формированием его потребностей, интересов, ценностных ориентаций, мотивов и целей его деятельности, привычек, правил поведения, способов и форм реагирования на конкретные (в том числе и неблагоприятные) жизненные ситуации, а также с характеристикой культуры личности, ее социального статуса, круга контактов, жизненных планов и возможностей их реализации [4, с. 85]. Он характеризует уровень подготовленности лица к трудовой деятельности, а также прямо связан с возмож-

ностью приобретения специальности и последующим трудоустройством.

Насильственные действия в семье совершают лица с различным уровнем образования (как с начальным, так и с высшим). Между тем, анализ статистических данных и материалов уголовных дел позволяет констатировать, что наибольшее число преступников изучаемой категории имеют среднее общее образование (9 классов). С одной стороны, невысокая доля лиц, имеющих высшее образование, и сравнительно небольшое количество лиц, имеющих среднее специальное образование, объясняется тем, что лица с более высоким уровнем образования и, как правило, более высоким культурным уровнем развития чаще находят выход из конфликта в семье иным, не преступным способом (примирение, развод и др.). В то время как малообразованным, недостаточно развитым, малокультурным людям свойственны слабая критическая оценка собственного поведения, узкий кругозор, примитивные и грубые потребности и интересы, культ грубой физической силы, пренебрежение нравственно-культурными нормами, несдержанность эмоций, грубость, бестактность, придирищность, черствость, беспринципность.

Однако нельзя забывать о том, что высокая образованность не всегда является барьером, разделяющим преступников и правопослушных граждан, и не гарантирует социально одобряемое поведение. Как ни велико значение знания, его не следует переоценивать: важна мировоззренческая и нравственная его направленность [7, с. 67]. Само по себе наличие или отсутствие образования играет определенную роль, но не является определяющим фактором при формировании личности насильственного преступника и его последующем поведении.

Другим свойством личности преступника, представляющим интерес для изучения, является его социальное положение, так как оно способствует раскрытию присущих личности черт, которые формируются в процессе жизнедеятельности. Среди исследованной категории преступников подавляющее большинство имело социальный статус не работающего и не учащегося (в среднем 70,2 %), поэтому субъекты профилактики могут прогнозировать высокую степень вероятности совершения насильственного преступления в семье со стороны тех лиц, кто не занят общественно полезным трудом или уклоняется от учебы.

Говоря о характеристике личности преступников, совершивших насилие в семье в отношении несовершеннолетних, нельзя не отметить, что значительная часть насильственных преступлений над несовершеннолетними в семье совершена в состоянии алкогольного опьянения (в среднем — 22,2 % случаев; а в 2012–2013 гг. — каждое 2-е преступление). При этом достаточно большое количество насильственных преступлений над несовершеннолетними членами семьи связано не с единичным и случайным, а с неумеренным систематическим употреблением алкогольных напитков¹.

Переходя к характеристике социально-ролевых свойств личности рассматриваемой категории преступников, заметим, что нередко в их жизнедеятельности наблюдается резкое противоречие между ролевым поведением в семейной сфере и поведением в сфере труда, характеризующееся своеобразным феноменом «раздвоения личности». Это проявляется в том, что, с одной стороны, человек вежлив и дисциплинирован на работе, а с другой стороны, скандалист и деспот в семье. По результатам исследования установлено: 90 % лиц, совершивших насильственные преступления в отношении несовершеннолетних в семье, имели положительные характеристики по месту работы (из числа тех, кто работал), в то время как по месту жительства из них положительно характеризовались только 17 %, а 74 % — отрицательно.

Следовательно, для данной категории лиц характерно ненадлежащее исполнение семейных ролей, которое можно объяснить усталостью, связанной с постоянным исполнением однообразной работы, трудностями современной жизни, тяжелым материальным положением, бытовыми условиями, изменениями в социальном статусе и роде занятий, социальной неустойчивостью, незащищенностью, а также иными субъективными причинами (болезнь, злоупотребление алкоголем) и др. В силу перечисленных факторов и сложившихся обстоятельств человек становится более агрессивным, тревожным, меняется его отношение к институту семьи и выполнению в ней своих функций.

Отметим, что «семейные преступники», в основном, используют авторитарный стиль воспитания детей либо отчужденный

со свойственными «перегибами», влекущими за собой внутрисемейное насилие в отношении детей. Авторитарные родители считают, что между родителями и детьми должны существовать жесткие границы: они должны видеть детей, но не слышать. Задача родителя для них заключается в том, чтобы научить ребенка что делать, а ребенок должен это выполнять. Авторитарный родитель считает, что дети, в отличие от взрослых, имеют качественно иные права и обязанности, и руководствуются принципом «Пожалеешь розгу — испортишь дитя». Их стиль управления семьей фактически близок к тоталитарному. Для «отчужденных» (невовлеченных) родителей характерны как низкий уровень заботы о воспитании, так и низкий уровень контроля. Такие родители не придерживаются каких-либо стандартов воспитания и не контролируют своих детей. Они свободны от обязательств, связанных с исполнением родительской роли, и эмоционально отстранены от своих детей. Отчужденность родителей оказывает сильное влияние на детей: они страдают от низкой самооценки и повышенной агрессии и плохо контролируют свои импульсы.

При характеристике преступника нельзя не упомянуть об уголовно-правовых свойствах его личности. Особое значение здесь имеет вопрос о прежней судимости лиц, совершающих криминальное насилие в отношении несовершеннолетних членов семьи.

Анализ данных о судимостях показал, что доля лиц, впервые осужденных за совершение преступления, в среднем составляет 82,1 %, что, скорее всего, отражает возрастные особенности преступников, чем относительно невысокий уровень рецидива. Количество судимостей возрастает с увеличением прожитых лет — преступления против несовершеннолетних членов семьи представлены главным образом лицами в возрасте от 25 до 49 лет. В среднем за исследованный период почти каждый 5-й преступник ранее судим за какое-либо преступление. Предшествующая судимость, несомненно, свидетельствует об антиобщественной направленности таких лиц.

Наряду с этим, в большинстве случаев наблюдается непризнание вины преступниками, которая подтверждается совокупностью собранных доказательств, признанию вины частично, но с оговоркой на «самооправдание» (либо не желали совершать преступление, но так получилось независимо от них; либо их поведение было

¹ В ходе проведенного исследования не было выявлено насильственных преступлений против несовершеннолетнего члена семьи в состоянии наркотического опьянения.

обусловлено внешними обстоятельствами, в том числе и поведением самого потерпевшего). Например, изучение уголовных дел о тяжких насильственных преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних в семье за исследуемый период времени, квалифицируемым ст. 105, 111, 131, 132 УК РФ, позволяет констатировать, что 54 % лиц на стадии судебного разбирательства не признали вину в совершении инкриминируемых преступлений, 31 % признали частично, 15 % — полностью, сославшись при этом на внешние факторы, побудившие их совершить преступление, в том числе и на «неправильное» поведение самого потерпевшего.

С учетом того, что данные преступления относятся к категории особо тяжких и направлены против личности, говорить о том, что лица, совершившие их, не знали уголовный закон, было бы неправильным. Здесь явно просматривается утрата страха перед наказанием, а в части совершения насильственных преступлений против половой свободы и неприкосновенности детей. Уверенность в том, что удастся избежать ответственности, ведь всегда можно сказать, что ребенок все это придумал, либо преступника оговорили в силу определенных обстоятельств. Все сказанное свидетельствует о достаточно глубоких деформациях правового сознания указанных лиц и их антиобщественной направленности.

В системе ценностных ориентаций преступников, совершивших насилие в семье, преобладают индивидуальные (эгоистические) ориентации. Иначе говоря, выше всего для таких лиц собственное «Я», неограниченное его проявление, создание наиболее благоприятных во всех отношениях условий.

Система ценностных ориентаций преступников рассматриваемой категории обладает рядом особенностей по сравнению с ценностно-смысловой сферой законопослушных граждан: для них свойственна большая значимость низших примитивных ценностей и ценностей самоактуализации, упрощение ценностей. Для подобных лиц социальные отношения также имеют наименьшую по сравнению с остальными категориями значимость. При этом степень тяжести совершенного преступления связана с иерархией индивидуальных ценностей и прежде всего с особенностями выраженности ценностей социальных отношений и самоактуализации.

Ценностные ориентации преступников в гораздо большей степени направлены на

реализацию своего «Я», самоутверждение, самоактуализацию за счет других (несовершеннолетних членов семьи), при этом для них характерно отсутствие самоконтроля, чуткости, нетерпимость к недостаткам детей (как физическим, так и в поведении), неумение устанавливать социальные контакты, поглощенность собой и своими проблемами, снижение нормативного контроля, бездействие и нерешительность в социальном плане, отсутствие стремлений к разнообразной, насыщенной общественной жизни, активной деятельности. Насилие для таких лиц — единственное средство для разрешения как внешних противоречий, так и противоречий «внутри себя». Стоит отметить, что применение либо реагирование насилием — это деформация ценностной ориентации в определенных значимых гуманистических ее компонентах, подкрепленная сформировавшейся негативной антиобщественной установкой на подобный способ разрешения конфликта.

Лица, не совершавшие преступлений, в своих ценностных ориентациях характеризуются большим стремлением к производственной и общественной работе, творчеству, получению образования, приверженности к такой социальной ценности, как семья и дети, им больше свойственна оптимистическая оценка жизненной перспективы.

Ко всем изложенным свойствам личности преступников стоит добавить еще одно обстоятельство: у насильственных преступников в семье наблюдается высокий удельный вес психических аномалий (17 %). К ним относятся все расстройства психики, не исключая вменяемости, но однозначно приводящие к личностным изменениям и отклоняющемуся поведению. Чаще всего это различного рода психопатии, олигофрения, органические заболевания головного мозга, сосудистые заболевания с психическими изменениями и другие психические расстройства. Перечисленные эмоционально-психологические особенности преступников также способствуют формированию антисоциальных поведенческих установок, вследствие чего являются причиной агрессивно-насильственных установок, убеждений и стереотипов поведения в семье. Однако здесь следует помнить, что доля лиц, которым свойственны различные расстройства психики, в действительности выше указанного.

Резюмируя изложенное, отметим, что среди насильственных преступников в семье можно «условно» выделить опреде-

ленные типы. В литературе справедливо отмечается, что «преступление... выражает общую направленность личности, показывает ее отношение к данной системе социальных ценностей, ибо преступное поведение... берется из арсенала шаблонов, характерного для лица поведения» [8, с. 185].

Исходя из характера антисоциальной направленности личности и ценностных ориентаций, можно выделить следующие типы лиц, совершающих насилие в семье над детьми:

1. Тип с социально-положительной направленностью.

Преступление, совершенное данными лицами противоречит их общей положительной социальной направленности и является следствием интенсивного воздействия на личность неблагоприятных факторов семейно-бытовой среды. Такие лица характеризуются достаточно полным включением в различные социальные сферы, а также преобладающей ориентацией на социально-полезные виды деятельности. Они, как правило, добросовестно относились к выполнению производственных и семейных обязанностей, ранее не совершали антиобщественных поступков. У этих лиц отсутствует антиобщественная установка, а неадекватность их поведения в условиях экстремальной ситуации обусловлена личностной акцентуацией (возбудимость, агрессия и др.), которая на фоне волевой недостаточности определяет быстротечность процессов мотивации и реализации внезапно возникшего антиобщественного побуждения.

Насильственное преступление в семье совершается представителями данного типа впервые под решающим влиянием конфликтной ситуации, возникшей не по вине данных лиц и не вытекающей из их предшествующего поведения или всего образа их жизни. Такие преступники совершают преступление случайно, в силу действия психологического механизма «ошибки» или «короткого замыкания». Оно противоречит его личностным установкам и в целом законопослушному поведению.

Доля лиц с социально-положительной направленностью в массиве изученных преступников составляет 9 %.

2. Тип с направленностью неустойчивого характера.

Данные лица имеют антиобщественную направленность, однако ярко и явно она у них не выражена. Социально полезные характеристики сочетаются с отрица-

тельными. Эти лица могут быть хорошими производственниками и вместе с тем бездельниками, пьяницами, скандалистами и тиранами в семье. В одних сферах жизнедеятельности они могут проявлять себя исключительно с положительной стороны, в быту — с отрицательной. В целом образ жизни данных лиц социально одобряем, однако находится на грани антиобщественного. Это нравственно противоречивые и неустойчивые личности, что и определяет их двойственное поведение. Они высвобождают свои потребности и агрессивные наклонности в семье, но сдерживают их в других сферах жизнедеятельности. Лица данного типа характеризуются нестойкими жизненными позициями, противоречивостью взглядов, совершают преступление под влиянием каких-либо жизненных обстоятельств (ситуации).

Указанные лица составляют большинство среди преступников — 74 %.

3. Тип семейного насильника с устойчивой антиобщественной направленностью.

Она свойственна лицам, ведущим антиобщественный образ жизни, отрицательно характеризующимся по месту работы и месту жительства, обладающих агрессивно-насильственной направленностью. Лица, которые злоупотребляют алкоголем, часто ведут паразитический образ жизни, ранее судимы и привыкли решать «все свои проблемы» с помощью насилия. Эти преступники обладают личностной антиобщественной установкой, определяющей их предрасположенность к конфликтам с окружающими, нацеленность на насильственные противоправные способы решения межличностных противоречий. Им присуща глубокая, развивающаяся на почве алкоголизма или наркомании нравственно-психологическая деградация личности, проявляющаяся в крайне циничном, грубом и агрессивном отношении к людям. Свойственные им акцентуированные черты личности играют роль катализатора, влияющего на динамику процесса принятия решения о совершении преступления.

Лица указанной категории по данным настоящего исследования составляют 17 %.

Выделение подобных типов преступников, знание свойств их личности дает возможность детальнее разобраться в причинах и условиях совершения преступлений в отношении детей, индивидуализировать наказание, «подобрать» оптимальные средства исправления преступника. В любом случае, понимание сущности и свойств

личности преступника, совершающего насилие в отношении несовершеннолетнего члена семьи, позволяет более тщательно относиться к формированию системы предупредительных мер, делая ее более

эффективной, а детей, воспитывающихся в современных российских семьях, более защищенными от причинения им вреда в результате применения к ним насильственных действий разнообразного характера.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. — СПб., 2004. — 366 с.
2. Бартол К. Психология криминального поведения. СПб., 2004. — 352 с.
3. Гернет М. Н. Моральная статистика (Уголовная статистика и статистика самоубийств). — М., 1922. — 269 с.
4. Ильяшенко А. Н. Борьба с насильственной преступностью в семье. — М., 2003. — 315 с.
5. Кондрашков Н. Н. Количественные методы в криминологии. — М., 1971. — 184 с.
6. Криминология : учеб. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2004. — 640 с.
7. Крупка Ю. Н. Криминологические проблемы предупреждения насильственных преступлений, совершаемых в сфере личностно-бытовых отношений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. — Киев, 1985. — 209 с.
8. Механизм преступного поведения / Ю. М. Антонян, Н. А. Барановский, П. С. Дагель, О. Л. Дубовик [и др.] ; отв. ред. В. Н. Кудрявцев. — М., 1981. — 248 с.

REFERENCES

1. Antonyan Yu. M., Kudryavtsev V. N., Eminov V. E. *Lichnost' prestupnika* [Personality of a Criminal]. Saint-Petersburg, 2004. 366 p.
2. Bartol K. *Psikhologiya kriminal'nogo povedeniya* [Psychology of Criminal Behavior]. Saint-Petersburg, 2004. 352 p.
3. Gernet M. N. *Moral'naya statistika (Ugolovnaya statistika i statistika samoubijstv)* [Moral Statistics (Criminal Statistics and the Statistics of Suicides)]. Moscow, 1922. 269 p.
4. Il'yashenko A. N. *Bor'ba s nasil'stvennoj prestupnost'yu v sem'e* [Fighting Domestic Violence]. Moscow, 2003. 315 p.
5. Kondrashkov N. N. *Kolichestvennye metody v kriminologii* [Quantitative Methods in Criminology]. Moscow, 1971. 184 p.
6. Kuznetsova N. Ph., Luneev V. V. (ed.) *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, 2004. 640 p.
7. Krupka Yu. N. *Kriminologicheskie problemy preduprezhdeniya nasil'stvennykh prestuplenij, sovershaemykh v sphere lichnostno-bytovykh otnoshenij. Cand. Diss.* [Criminological Issues of Preventing Violent Crimes Committed in Domestic Circumstances. Cand. Diss.]. Kiev, 1985. 209 p.
8. Antonyan Yu. M., Baranovskij N. A., Dageľ P. S., Dubovik O. L. *Mekhanizm prestupnogo povedeniya* [The Mechanism of Criminal Behavior]. Moscow, 1981. 248 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зырянова Юлия Вениаминовна (Абакан) — ассистент кафедры уголовного права и криминологии. ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова» (655017, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Карла Маркса, 11, e-mail: yv_z@mail.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ziryanova, Yuliya Veniaminovna (Abakan) — Instructor, Chair of Criminal Law and Criminology. N.F. Katanov Khakas State University (Karl Marks st., 11, Abakan, 655017, Khakas Republic, e-mail: yv_z@mail.ru)

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВНЕВЕДОМСТВЕННОЙ ОХРАНЫ

- ИНФОРМАЦИЯ
О СТАТЬЕ** Пролог: журнал о праве. 2014. Т. 2, № 3. С. 69–73. ISSN 2306-7136
DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.69-73>
Дата поступления: 17.04.2014
- АННОТАЦИЯ** В статье исследованы вопросы деятельности вневедомственной охраны с точки зрения урегулированности их на законодательном уровне. Раскрываются отличия статуса вневедомственной охраны от других служб органов внутренних дел. На основе анализа положений действующего законодательства делается вывод о том, что охрана объектов определена как одно из основных направлений деятельности полиции. Критикуется законодательный подход к регулированию вневедомственной охраны, обосновывается необходимость и целесообразность принятия Федерального закона «О вневедомственной охране при органах внутренних дел Российской Федерации», что позволило бы существенно повысить уровень безопасности в целом и защищенности особо важных объектов в частности.
- КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА** Деятельность вневедомственной охраны; объекты особой важности; обеспечение безопасности граждан, их прав и свобод, законных интересов.
- БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ
ОПИСАНИЕ** Ульянов А. А. Правовые основы деятельности вневедомственной охраны // Пролог: журнал о праве. – 2014. – Т. 2, № 3. – С. 69–73. – DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.69-73>.

A. A. Ulyanov
*Tyumen State Academy of International Economy,
Management and Law,
Tyumen, the Russian Federation*

LEGAL BASIS OF THE WORK OF NON-DEPARTMENTAL GUARDS

- PUBLICATION DATA** Journal about Law, 2014, vol. 2, no. 3, pp. 69–73. (In Russian). ISSN 2306-7136
DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.69-73>
Submission date: 17.04.2014
- ABSTRACT** The paper examines the issues of non-departmental guards' work from the viewpoint of its legal regulation. The author describes the differences in the status of non-departmental guards in comparison with other services of internal affairs' bodies. Having analyzed the clauses of current legislation, the author concludes that guarding property is determined as one of the main spheres of police work. The author criticizes the legislative approach to regulating the work on non-departmental guards and shows the necessity and expediency of adopting a Federal Law «On Non-Departmental Guards of Internal Affairs' Bodies of the Russian Federation», which would ensure a considerably higher level of security in general and for the especially important objects in particular.
- KEYWORDS** Work of non-departmental guards; especially important objects; protecting the safety of citizens, their rights and freedoms, their legal interests.
- REFERENCES** Ulyanov A. A. Legal basis of the work of non-departmental guards. *Prolog: zhurnal o prave = Journal about Law*, 2014, vol. 2, no. 3, pp. 69–73. (In Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.15727/2313-6715.2014.2.3.69-73>.

Как известно, различные структуры органов внутренних дел по горизонтали и вертикали входят в систему Министерства внутренних дел РФ, что утверждено Указом Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 248¹ Вневедомственная охрана при органах внутренних дел РФ является одной из важнейших структур, входящих в эту систему.

Организация и деятельность вневедомственной охраны при органах внутренних дел с момента ее возникновения регламентировалась значительным числом нормативно-правовых актов, относящихся к различным отраслям права.

В настоящее время основным нормативно-правовым актом, регламентирующим задачи, функции и иные правовые и организационные основы деятельности вневедомственной охраны является Положение о вневедомственной охране при органах внутренних дел РФ, утвержденное постановлением Правительства РФ от 14 августа 1992 г. № 589².

В соответствии с п. 1 названного документа в своей деятельности, вневедомственная охрана руководствуется Конституцией РФ, Законом «О полиции», другими законами РФ, указами и распоряжениями Президента РФ, постановлениями и распоряжениями Правительства РФ, решениями органов государственной власти и управления республик в составе РФ, краев, областей, г. Москвы и Санкт-Петербурга, автономных образований, указанным Положением, нормативными актами Министерства внутренних дел РФ. Среди последних особое значение имеет приказ МВД РФ «Вопросы организации деятельности строевых подразделений милиции вневедомственной охраны при органах внутренних дел Российской Федерации» от 4 августа 2006 г. № 609³, изданный в целях совершенствования деятельности строевых подразделений

полиции вневедомственной охраны при органах внутренних дел РФ в обеспечении охраны имущества физических и юридических лиц, повышения их роли в обеспечении общественного порядка и борьбе с преступностью, обеспечения защиты прав и законных интересов граждан.

Безусловно, основополагающее значение для любого государственного института, в особенности правоохранительного, имеют нормы и принципы, закрепленные в основном юридическом законе общества и государства — Конституции РФ. В данном случае, нормы действующего в Российской Федерации конституционного законодательства составляют формально идеальную инфраструктуру социального регулирования и являются, по сути, осознанным определением государственного строя, основной целевой ориентации государства, совокупности решений в государственной и общественной сферах. В частности, п. 2 ст. 8 Конституции России устанавливает, что в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности.

Конституция России отражает различные характеристики состояния безопасности участников (субъектов) конституционно-правовых и иных отношений в обществе и государстве, правовой (юридической) безопасности личности, ее физическую и информационную безопасность, экономическую и экологическую, а также безопасность государства и общества [8, с. 11]. Для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в Российской Федерации может вводиться в соответствии с федеральным законом правовой режим чрезвычайного положения и предусматриваться отдельные ограничения прав и свобод граждан с указанием пределов и срока их действия (ст. 56). Конечным результатом обеспечения безопасности государства является обеспечение безопасности его граждан, их прав и свобод, законных интересов.

Федеральный закон «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ⁴ вступил в силу 1 марта 2011 г. Одновременно с этим прекратил действовать Закон РФ «О милиции» от 18 апреля 1991 г. № 1026-1⁵. В соответ-

¹ Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации : указ Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 248 // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 10, ст. 1334.

² Об утверждении Положения о вневедомственной охране при органах внутренних дел Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 14 авг. 1992 г. № 589 (ред. от 4 авг. 2005 г.) // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. — 1992. — № 8, ст. 507.

³ Вопросы организации деятельности строевых подразделений милиции вневедомственной охраны при органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД РФ от 4 авг. 2006 г. № 609 (ред. от 5 июня 2009 г.) // Текст приказа официально опубликован не был.

⁴ О полиции : федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ О милиции : закон от 18 апр. 1991 г. № 1026-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. — 1991. — № 16, ст. 503.

ствии с ч. 1 ст. 1 названного Федерального закона полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан РФ, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности.

В соответствии с ч. 2 ст. 54 ФЗ «О полиции» до принятия федерального закона, определяющего порядок и условия прохождения службы сотрудниками органов внутренних дел, на них распространяется действие Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденного Постановлением Верховного Совета РФ от 23 декабря 1992 г. № 4202-1¹, в части, не противоречащей ФЗ «О полиции». Введена новая модель правовой основы деятельности полиции, отличная от правовой основы деятельности милиции в ст. 3 ФЗ «О полиции», где установлено главенство общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ в деятельности полиции над иными законами и подзаконными актами. Произошла не смена названий, а упразднение милиции и возрождение полиции как важнейшей составляющей современного государства. Установлено, что полиция является составной частью единой централизованной системы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел. Таким федеральным органом исполнительной власти является МВД России.

В ст. 1 ФЗ «О полиции» закреплены основные направления деятельности полиции, непосредственно связанные с осуществлением правоохранительной деятельности. Среди прочих в ч. 1 данной статьи к ним отнесены защита личности, общества, государства от противоправных посягательств; охрана имущества и объектов (в том числе на договорной основе) и др. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что охрана объектов в указанном законе определена как одно из основных направлений деятельности полиции.

Само понятие «охрана» происходит от слова «охранять» и означает «оберегать, относиться бережно, стеречь» [6, с. 345].

¹ Положение о службе в органах внутренних дел Российской Федерации : постановление Верховного Совета РФ от 23 дек. 1992 г. : изм. от 25 дек. 2008 г. // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. — 1993. — № 2, ст. 70.

Согласно словарю русского языка под охраной понимаются действия, которые означают «ограждать, защищать кого-либо, что-либо от чьих-либо посягательств» [7, с. 1004]. Таким образом, слово «охрана» означает «действия, направленные на сбережение, защиту кого-либо, чего-либо от посягательств». Следует отметить, что «охрана» и «охранная деятельность» являются одной из многочисленных правоохранительных функций государства.

По мнению А. Г. Андреева, «охранительную функцию государства можно определить как момент сущности государства, определяющий такое воздействие государства, которое связано с необходимостью обеспечения стабильности и сохранности общественных отношений, с предотвращением и устранением опасности для существующего правопорядка и права» [1, с. 13]. Автор настоящей статьи считает указанное определение обоснованным, отмечая, вместе с тем, что понятие охранительной деятельности в действующих в данной сфере нормативно-правовых актах отсутствует.

Так, согласно ФЗ «О государственной охране» от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ² объектами государственной охраны являются Президент России и лица, замещающие государственные должности РФ, а охраняемыми объектами — здания, строения и сооружения, в которых размещены федеральные органы государственной власти. Ведомственная охрана в соответствии с ФЗ «О ведомственной охране» от 14 апреля 1999 г. № 77-ФЗ³ осуществляет защиту охраняемых объектов, в том числе и на основе заключенных договоров, являющихся государственной собственностью, либо иных форм собственности, но находящихся в сфере ведения соответствующих федеральных органов исполнительной власти, имеющих право на создание ведомственной охраны.

Изложенное свидетельствует о том, что деятельность государственной и ведомственной охраны заключается в защите лиц, зданий, строений и сооружений, подлежащих охране.

² О государственной охране : федер. закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ (ред. от 14 июля 2008 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 22, ст. 2594.

³ О ведомственной охране : федер. закон от 14 апр. 1999 г. № 77-ФЗ (ред. от 25 нояб. 2009 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1999. — № 16, ст. 1935.

Кроме того, государственная охрана определяется как функция федеральных органов государственной власти в сфере обеспечения безопасности объектов государственной охраны, а ведомственная — как совокупность создаваемых федеральными органами исполнительной власти органов управления, сил и средств, предназначенных для защиты охраняемых объектов от противоправных посягательств (ст. 1 ФЗ «О ведомственной охране»). Таким образом, в данном случае понятия государственной и ведомственной охраны означают в первом случае «функцию федеральных органов государственной власти», во втором — совокупность органов управления, сил и средств. Аналогичное понятие охраны содержится и в определении Федеральной службы охраны, приведенное в ст. 1 Указа Президента РФ «Вопросы Федеральной службы охраны Российской Федерации»¹: федеральный орган исполнительной власти в области государственной охраны.

Вопросы правовой характеристики охраны являются дискуссионными в науке. Подходы и предложения по ним существенно разнятся. В целях совершенствования правовых основ деятельности вневедомственной охраны необходимо создать четкую иерархию нормативных документов для различных видов охраны в направлении от общих, регулирующих основы деятельности в сфере охраны различных объектов, к частным, регламентирующим конкретные виды охраны. В этой связи необходимо поддержать И. А. Косицину, Н. Е. Лишанкову и О. И. Маликову, которые высказываются за разработку и принятие в установленном порядке Федерального закона «О вневедомственной охране при органах внутренних дел Российской Федерации» [3–5].

¹ Вопросы Федеральной службы охраны Российской Федерации : указ Президента РФ от 7 авг. 2004 г. № 1013 (ред. от 16 мая 2011 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2004. — № 32, ст. 3314.

В настоящее время деятельность вневедомственной охраны при органах внутренних дел РФ, занимающей ведущее место в государственной охране особо важных объектов, урегулирована подзаконными актами, что не соответствует значимости выполняемых ею функций. Это особенно контрастирует на фоне того, что ведомственная охрана федеральных органов исполнительной власти и негосударственная (частная) охрана регламентированы законами, а деятельность подразделений вневедомственной охраны регулируется только положением, утвержденным постановлением правительства. Представляется, что принятие специального закона позволило бы существенно повысить уровень безопасности в целом и защищенности особо важных объектов в частности.

В законе должны быть определены основные понятия, в том числе понятие объекта особой важности, критерии отнесения к ним, взаимные права и обязанности субъектов безопасности, угрозы имущественным отношениям, способы противодействия им и иные вопросы.

Для наиболее полного достижения целей предлагаемого закона его принятие должно сопровождаться уточнением и дальнейшей разработкой законодательства РФ, так или иначе затрагивающего данный круг общественных отношений, в частности, таких правовых актов, как КоАП РФ; ФЗ «О государственной охране» от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ, «О ведомственной охране» от 14 апреля 1999 г. № 77-ФЗ, «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ; Закон РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» от 11 марта 1992 г. № 2487-I; постановления Правительства РФ «Об утверждении Положения о вневедомственной охране при органах внутренних дел Российской Федерации» от 14 августа 1992 г. № 589, «Вопросы негосударственной (частной) охранной и негосударственной (частной) сыскной деятельности» от 14 августа 1992 г. № 587 и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев А. Г. Охранительная функция государства в современных условиях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. — М., 2002. — 23 с.
2. Карташов Н. Н. Организационно-правовые основы деятельности вневедомственной охраны : учеб. пособие. — Нижний Новгород, 1990. — 70 с.
3. Косицин И. А. Правовые и организационные основы охраны особо важных объектов подразделениями вневедомственной охраны при органах внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14. — Омск, 2001. — 19 с.
4. Лишанков Н. Е. Организационно-правовые основы охраны объектов подразделениями вневедомственной охраны при органах внутренних дел Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2000. — 243 с.

5. Маликова О. И. Административно-правовое регулирование охраны имущества в России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14. — М., 2009. — 25 с.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. — 4-е изд., доп. — М., 1999. — 944 с.
7. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Г. П. Князькова, Т. Н. Половцева, М. Н. Судоплатова. — М., 1958. — Т. 2. — 1013 с.
8. Чапчиков С. Ю. Конституционные гарантии обеспечения безопасности общества и государства // Конституционное и муниципальное право. — 2009. — № 17. — С. 11-14.

REFERENCES

1. Andreev A. G. *Okhranitel'naya funktsiya gosudarstva v sovremennykh usloviyakh : avtoreph. Avtoref. Kand. Diss* [Protection Function of the State in Modern Conditions. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2002. 23 p.
2. Kartashov N. N. *Organizatsionno-pravovye osnovy deyatel'nosti vnevedomstvennoj okhrany* [Organizational and Legal Basis for the Work of Non-Departmental Guards]. Nizhny Novgorod, 1990. 70 p.
3. Kositsin I. A. *Pravovye i organizatsionnye osnovy okhrany osobo vazhnykh ob'ektov podrazdeleniyami vnevedomstvennoj okhrany pri organakh vnutrennikh del Avtoref. Kand. Diss.* [Legal and Organizational Basis of Guarding Especially Important Objects by Non-Departmental Guards of Internal Affairs' Bodies. Cand. Diss. Thesis]. Omsk, 2001. 19 p.
4. Lishankov N. E. *Organizatsionno-pravovye osnovy okhrany ob'ektov podrazdeleniyami vnevedomstvennoj okhrany pri organakh vnutrennikh del Rossijskoj Phederatsii. Kand. Diss.* [Organization and Legal Basis for Guarding Property by Non-Departmental Guards of Internal Affairs' Bodies of the Russian Federation. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2000. 243 p.
5. Malikova O. I. *Administrativno-pravovoe regulirovanie okhrany imushchestva v Rossii Avtoref. Kand. Diss.* [Administrative and Legal Regulation of Guarding Property in Russia. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2009. 25 p.
6. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i phrazeologicheskikh vyrazhenij* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80 000 words and idioms]. Moscow, 1999. 944 p.
7. Knyaz'kov G. P., Polovtsev T. N., Sudoplatov M. N. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1958. Vol. 2. 1013 p.
8. Chapchikov S. Yu. Constitutional Provisions of Ensuring the Safety of Society and State. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2009, no. 17, pp. 11-14 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ульянов Александр Александрович (Тюмень) — аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин. ГОУ ВПО ТО «Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права» (625051, г. Тюмень, ул. 30 лет Победы, 102, e-mail : ylynovaleks@mail.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ulyanov, Aleksandr Aleksandrovich (Tyumen) — Ph.D. student. Tyumen State Academy of International Economy, Management and Law (30 let Pobedy st., 102, Tyumen, 625051, e-mail : ylynovaleks@mail.ru)

ДОГОВОРИЛИСЬ, ДОПИСАЛИСЬ, ДОРАБОТАЛИСЬ...

ДОГОВОРИЛИСЬ

Я на связи в любое время дня и суток — звоните!

Обращение начальника к подчиненным на совещании

Извините, если будет сумбур, а не выступление...

Приветственное слово перед выступлением на совещании

ДОПИСАЛИСЬ

При рассмотрении особенностей личности корыстных преступниц выявлены следующие нравственно-психологические признаки — сексуальная распущенность, отсутствие нравственно-этической избирательности в сфере интимных отношений.

Способность к самопожертвованию у субъекта деформирована.

Из дипломного сочинения

К недостаткам работы следует отнести отсутствие в работе примеров из личной практики автора.

Из рецензии на дипломное сочинение

Прошу рассмотреть мое обучение по индивидуальной программе в связи с неудобным графиком работы.

Из заявления абитуриента с высшим образованием, желающего обучаться по магистерской программе

ДОРАБОТАЛИСЬ

Уважаемые судьи, моя подсудимая является порядочным человеком...

Из выступления защитника в прениях

25 июля я зашла к своей соседке в кв.142, чтобы забрать своего сожителя К. Когда я пришла, то увидела, что К. был в сильном алкогольном опьянении. Поэтому я взяла грабли и хотела граблями подтянуть К. к себе и в этот момент О. встала с кровати и ударилась об грабли. Телесных повреждений ей я не наносила. **Чем либо** не угрожала.

Из объяснения правонарушительницы, отобранного дознавателем полиции

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

I. ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ

1. Условия опубликования статьи:

- представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы;
- соответствовать правилам оформления;
- плата с аспирантов за публикацию рукописей в журнале не взимается.

2. Правила оформления статьи:

- статья направляется в редакцию журнала только по электронному адресу prolog-gra@mail.ru;
- при компьютерном наборе материалов необходимо учитывать следующее: объем статьи — до 0,5 п.л. для соискателей ученой степени и аспирантов, до 1,0 п.л. для лиц, имеющих ученую степень и/или ученое звание, формат страницы А4, текстовый редактор Microsoft Word for Windows; шрифт — Times New Roman, размер — 14, интервал — 1,5; абзацный отступ — 10 мм; все поля — 20 мм;
- материалы сопровождаются аннотацией (не менее 500 символов) и ключевыми словами (3–4 слова или словосочетания);
- текст должен быть тщательно вычитан автором, который несет ответственность за научно-теоретический уровень публикуемого материала и правильность оформления заимствований;
- нумерация страниц проставляется внизу по центру;
- в конце материалов помещается список использованной литературы (источники располагаются по алфавиту), оформленный в соответствии с ГОСТ 7.1-2003. Библиографическая запись. Библиографи-

ческое описание. Общие требования и правила составления;

- использованная литература (без повторов) оформляется в конце текста под названием «Список использованной литературы». В тексте сноски обозначаются квадратными скобками с указанием в них порядкового номера источника по списку и через запятую номер страницы (страниц), например: [5, с. 115]. Другой способ оформления литературы не допускается;
- ссылки на нормативно-правовые акты размещаются постранично и в список использованной литературы не дублируются;
- после списка литературы размещаются сведения об авторе(ах): ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, организация (в именительном падеже), адрес организации, электронный адрес автора(ов).

3. Сопроводительные документы к статье:

- для всех авторов заявка на имя главного редактора журнала о публикации статьи;
- для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук рекомендация о возможности публикации статьи в научном журнале, подписанная научным руководителем и заверенная печатью учреждения. В рекомендации отражается актуальность раскрываемой проблемы, оценивается научный уровень и дается рекомендация об опубликовании статьи в журнале «Пролог»;
- сведения об авторе(ах): фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, место работы (место учебы или соискательство), контактные телефоны, факс, e-mail, почтовый индекс и адрес.

II. ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1. Научные статьи, поступившие в редакцию проходят через институт рецензирования.

2. Формы рецензирования статей:

- внутренняя (рецензирование рукописей статей членами редакционной коллегии);
- внешняя (направление на рецензирование рукописей статей ведущим специалистам в соответствующей отрасли права).

3. Ответственный редактор определяет соответствие статьи профилю журнала,

требованиям к оформлению и передает ее в редакционный совет, который направляет рукопись на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

4. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным секретарем с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

5. В рецензии должны быть освещены следующие вопросы:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и пр.;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) вывод о возможности опубликования данной рукописи и журнале: «рекомендуется», «рекомендуется с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков» или «не рекомендуется».

6. Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент.

7. В случае отклонения статьи от публикации ответственный редактор направляет автору мотивированный отказ.

8. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

9. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редакционным советом.

10. После принятия редакционным советом решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

11. Оригиналы рецензий хранятся в редакции журнала «Пролог».

III. ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ СТАТЕЙ, ПОСТУПИВШИХ В РЕДАКЦИЮ

1. Статьи принимаются по установленному графику:

- в № 1 (март) — до 15 января текущего года;

- в № 2 (июнь) — до 1 апреля текущего года;

- в № 3 (сентябрь) — до 1 июля текущего года;

- в № 4 (декабрь) — до 1 октября текущего года;

В исключительных случаях, по согласованию с редакцией журнала, срок приема статьи в ближайший номер может быть продлен, но не более чем на две недели.

2. Поступившие статьи рассматриваются редакционным советом в течение месяца.

3. Редакционный совет правомочен осуществлять научное и литературное редак-

тирование поступивших материалов, при необходимости сокращать их по согласованию с автором, либо, если тематика статьи представляет интерес для журнала, направлять статью на доработку автору.

4. Редакционный совет и редакционная коллегия оставляет за собой право отклонить статью, не отвечающую установленным требованиям или тематике журнала.

5. Авторы в течение 7 дней получают уведомление о поступившей статье. Через месяц после регистрации статьи ответственный редактор сообщает авторам о результатах рецензирования и о плане публикации статьи.

6. Автору предоставляется бесплатный экземпляр журнала, содержащий опубликованную статью.

Подписано в печать 05.09.2014. Формат 60x90 1/8. Гарнитура Book Antiqua. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 9,5. Тираж 1000 экз. Заказ №

Иркутский юридический институт (филиал)
ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации»
664011, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4

Отпечатано в ООО Оперативная типография «На Чехова»,
г. Иркутск, ул. Чехова, 10, тел.: (3952) 209-355, 209-056
E-mail: info@print.irk.ru www.print.irk.ru